

ISSN 2587-9340
e-ISSN 2782-3334

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

100
ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛЕТ
Державинский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Том 6

№ 2

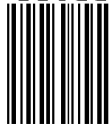
2022

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

ISSN 2587-9340

22022 >

9 772587 934009

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2022. Том 6. № 2
Сквозной номер выпуска – 22

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям. Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в EBSCO, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права, заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия» (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права» (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуныева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 2. – 136 с. – DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции (4752) 72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.А. Сенина*

Редакторы английских текстов: *В.В. Клочихин, Н.А. Михайлова*

Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752) 72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 02.06.2022. Дата выхода в свет 16.06.2022

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000 экз. Заказ 22362. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022

Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2022

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Антонченко В.В.</i> Право и закон	123
<i>Архипова Е.Ю.</i> Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании	132
<i>Коданева С.И.</i> Правовые последствия Брекзита для регионов Великобритании и теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии	140
<i>Колосова Т.Е.</i> Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве	151
<i>Мирзоян М.А.</i> Эволюция ювенальной юстиции в законодательстве России XX века	158
<i>Соловьева В.В.</i> К вопросу о теории справедливости Джона Ролза	167
<i>Яковлева Ю.В.</i> Субъективные причины злоупотребления правом: нравственно-правовой аспект	178

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Алимирзаев Э.А.</i> К вопросу об уголовно-правовой характеристике надругательства над телами умерших и местами их захоронения	189
<i>Гавриленко В.А., Шеншин В.М.</i> Современное состояние и основные тенденции преступлений в сфере пожарной безопасности	199
<i>Черемин Н.В.</i> Сравнительно-правовой анализ института бесконвойного передвижения в странах, входящих в Содружество Независимых Государств	211

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Митрофанов Н.В.</i> Специфика судебных споров, связанных с внедоговорным разделом совместно нажитого имущества супругов	219
<i>Овсянников И.В.</i> О путях совершенствования регламента производства по уголовным делам частного и частного-публичного обвинения	228
<i>Рыжков К.С.</i> Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм: соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе	235

ЮРИДИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

<i>Воробьева С.В., Кокорев В.Г.</i> Обзор круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права и процесса»	242
--	-----

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 **2022. Vol. 6, no. 2**
Continuous issue number – 22

Issued 4 times a year

The journal is on the "Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science" by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties. Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to EBSCO, eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Derzhavin Tambov State University"
(33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department, Deputy Director for Scientific Work of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – Candidate of Law, Associate Professor. Baranovich State University (Baranovichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Doctor of Law, Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Doctor of Law, Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor. Private Educational Institution of the Higher Training "Institute of Law" (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – Candidate of Law, Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Doctor of Law, Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Doctor of Law, Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Doctor of History, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Doctor of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law. – 2022. – Vol. 6, no. 2. – 136 p. – DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752) 72-34-34 (доб. 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.A. Senina*

English texts editors: *V.V. Klochikhin, N.A. Mikhailova*

Computer layout by *T.Y. Molchanova*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752) 72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 02.06.2022. Release date 16.06.2022

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 17,0. Conv. pr. sheet 16,5. Copies printed 1000. Order no. 22362. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2022.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2022

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2022

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Vadim V. Antonchenko</i> , Law and legislation	123
<i>Ekaterina Y. Arkhipova</i> , The balance of private and public interests in legal regulation	132
<i>Svetlana I. Kodaneva</i> , Legal consequences of Brexit for UK regions and theoretical foundations of legal mechanisms for preventing secession	140
<i>Tatiana E. Kolosova</i> , Problems of implementation of the state protective function in the field of human rights protection in the digital space	151
<i>Mariya A. Mirzoyan</i> , Evolution of juvenile justice in the Russian legislation of the 20th century	158
<i>Viktoriya V. Solovyeva</i> , On John Rawls' theory of justice	167
<i>Yuliya V. Yakovleva</i> , Subjective causes of abuse of rights: moral and legal aspects	178

SUBSTANTIVE LAW

<i>Ekber A. Alimirzaev</i> , On the issue of the criminal-legal characteristics of the abuse of the bodies of the deceased and their burial places	189
<i>Vladimir A. Gavrilenko</i> , <i>Victor M. Shenshin</i> , The current state and main trends of crimes in the field of fire safety	199
<i>Nikita V. Cheremin</i> , Comparative legal analysis of the institute of movement without convoy in the countries of the Commonwealth of Independent States	211

PROCEDURAL LAW

<i>Nikita V. Mitrofanov</i> , The specifics of litigation related to the non-contractual division of the jointly acquired property of the spouses	219
<i>Igor V. Ovsyannikov</i> , On ways to improve the production regulations of criminal cases of private and private-public prosecution	228
<i>Konstantin S. Ryzhkov</i> , Prejudice and uniform application of legal norms by courts: relationship of concepts in civil and arbitration proceedings	235

LEGAL COMMUNITY

<i>Svetlana V. Vorobyeva</i> , <i>Vladimir G. Kokorev</i> , Overview of the round table "Current problems of criminal law and procedure"	242
--	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114.3

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131

Шифр научной специальности 5.1.1

Право и закон

© АНТОНЧЕНКО Вадим Викторович,

кандидат юридических наук, полковник внутренней службы, заместитель начальника по учебно-научной работе, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский, 690922 п. Аякс, 27, ORCID: 0000-0002-0319-562X, ResearcherID: AAB-4863-2022, antovadim@yandex.ru

Аннотация

Посвящено анализу роли права в жизни современного общества и государства и его связи с законом. В условиях поиска обществом путей социальной эволюции проблема взаимосвязи права и законодательства обостряется. В связи с этим теоретические вопросы происхождения права, его источников, связи с государством и роли в общественных отношениях имеют особое значение и приобретают огромную практическую важность. **Цель:** сформировать представление об истинной роли юридического позитивизма и его связи с естественно-правовой доктриной в правопонимании. **Методы:** исторический, историко-правовой, конкретно-исторический, хронологический, историко-сравнительный, историко-типологический, гипотетико-дедуктивный, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** анализ процессов и явлений, связанных с тем или иным подходом к правопониманию, показал, что образ права, формирующийся в рамках конкретно-исторических достижений общества в его материальном и духовном развитии, характеризуется определенным ценностно-культурным отношением к праву, что, в свою очередь, практическим образом влияет на жизнь людей, благополучие общества и стабильность государства. **Выводы:** в государстве, которое провозглашает себя демократическим и правовым, естественно-правовая доктрина прав человека должна являться основой для формирования законодательства. Право свободы, равенства и справедливости, заключенное в форму юридической нормы, является условием гармоничного развития общества и стабильности государства.

Ключевые слова

право, закон, государство, общество, законодательство, правопонимание, права человека, гуманизм, позитивизм

Для цитирования

Антонченко В.В. Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 123-131. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131

Law and legislation

© Vadim V. ANTONCHENKO,

Candidate of Law, Colonel of Internal Service, Deputy Head for Educational and Scientific Affairs, Associate Professor of Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Far Eastern Fire and Rescue Academy – Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 27 Ajax 690922, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0319-562X](https://orcid.org/0000-0002-0319-562X), ResearcherID: [AAB-4863-2022](https://orcid.org/AAB-4863-2022), antovadim@yandex.ru

Abstract

The study is devoted to the analysis of the role of law in the life of modern society and the state and its relationship with the law. In the context of society's search for ways of social evolution, the problem of the relationship between law and legislation is becoming more acute. In this regard, the theoretical issues of the origin of law, its sources, its connection with the state and its role in public relations are of particular importance and acquire great practical importance. **Purpose:** to form an idea of the true role of legal positivism and its connection with the natural law doctrine in the legal understanding. **Methods:** historical, historical-legal, concrete-historical, chronological, historical-comparative, historical-typological, hypothetical-deductive, theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** the analysis of processes and phenomena related to one or another approach to the understanding of law has shown that the image of law, formed within the framework of concrete historical achievements of society in its material and spiritual development, is characterized by a certain value-cultural attitude to law, which, in turn, has a practical effect on people's lives, the well-being of society and the stability of the state. **Conclusions:** in a state that proclaims itself democratic and legal, the natural law doctrine of human rights should be the basis for the formation of legislation. The right of freedom, equality and justice, enclosed in the form of a legal norm, is a condition for the harmonious development of society and the stability of the state.

Keywords

law, legality, state, society, legislation, legal understanding, human rights, humanism, positivism

For citation

Antonchenko V.V. Pravo i zakon [Law and legislation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 123-131. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Право как феномен человеческой цивилизации и явление общественной жизни имеет множество определений. Эти определения характеризуют не только право, но и тип правопонимания, зависящий от ценностной ориентации и взглядов на общественные отношения исследователя, законодателя и правоприменителя. Еще в старославянском языке слово «право» служило синонимом слов «правда», «правота» [1]. С начала доктринального осмысления вопросов государства и права наукой выработаны историче-

ская (Савиньи), психологическая (Л.И. Петражицкий), социологическая (О. Эрлих), материалистическая (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин), интегративная (Б.Н. Чичерин) и другие концепции.

Проблема правопонимания занимает, безусловно, центральное место в теории юриспруденции; вместе с изменением общественно-политического уклада она также претерпевает изменения и сама меняет мировоззрение людей. Концепции правопонимания имеют далеко не только теоретическое значение. Преломляя мировоззренче-

ские ценности через индивидуальный опыт, они характеризуют особенности восприятия человеком правовой действительности и влияют на методологические подходы в деятельности субъектов права, а также, что наиболее важно, на принимаемые ими решения. Типы правопонимания влияют на эффективность права [2]; от сформированной законодателя, а вслед за ним, и правоприменителя системы ценностей зависит как состояние законодательства, так и практика его исполнения.

Результаты исследования

1. Генезис естественно-правовой концепции правопонимания

Сегодня известно множество взглядов на сущность права, определяющих типы правопонимания. Наиболее интересным при этом представляется сопоставление двух классических правовых доктрин: естественного права (Г. Гроций, А.Н. Радищев, И. Кант) и позитивного права (К. Бергбом, Г.В. Шершеневич, О. Конт, Г. Спенсер), доминирующих в мировой юридической мысли и отечественной теории права и, одновременно, противопоставляемых друг другу. Этот интерес обусловлен, прежде всего, вопросом: может ли у правовой формы (нормы позитивного права) быть неправовое содержание?

Проблема соотношения права и закона, остающаяся центральной в правопонимании и в наше время, обсуждалась еще в древние времена. Нормы нравственности, начав складываться в догосударственный период на закате родового строя (запреты на убийство сородича, каннибализм и кровосмешение), регулировали общественные отношения так, как если бы они были установлены государством. Развившись и усложнившись, морально-нравственные понятия ненасилия, справедливости, невмешательства в частную жизнь, ответственности за проступки, неприкосновенности собственности и др. легли впоследствии в основу писаного права.

Античное право различалось по уровню своей разработанности в отдельных государствах и отражало уровень их развития, однако уже в ранней (VIII век до н. э. – IV век до н. э.) и классической (IV век до н. э. – II век н. э.) античности получает свое начало в трудах величайших мыслите-

лей теория естественного права как воплощение ценностей справедливости и равенства. Поскольку в древнем мире понятия «природное» было связано с понятием «божественное», уже тогда получили свое развитие представления о прирожденных и неотъемлемых правах человека, существующих независимо от государственной воли. Античные философы (Сократ, Платон, Аристотель) говорили о существовании неписанных божественных законов, с которыми должны согласовываться законы государства [3–7].

Средневековые правовые доктрины (VI–XIV века), исходя из первенства божественного начала и религиозных догм, даже в период своего расцвета не рассматривали вопрос прав человека и их значимости в современном смысле и, тем более, их значимости или приоритета. В эпоху позднего Средневековья католическим теологом Ф. Аквинским (ок. 1225–1274 гг.) была предложена концепция естественных прав человека, не зависящих от государственной власти, поскольку они имеют божественное происхождение: (*lex aeterna est ratio gubernativa totius universi in mente divina existens*)¹. Божественный закон по Ф. Аквинскому является верховным, несправедливые законы для подданных необязательны к исполнению, однако меру справедливости устанавливает церковь: поскольку богу следует повиноваться более, чем человеку, постольку светские правители занимают свое положение лишь в силу полномочий, полученных ими от церкви [8].

Средневековая концепция естественных прав, противопоставляя обществу государству, нарушающему божественные законы (естественные права), защищала не права человека в современном их понимании, а положение церкви.

В эпоху Нового времени естественно-правовая научная мысль как концепция о неотъемлемых правах человека, принадлежащих ему по факту рождения, получила свою фундаментальную разработку в трудах европейских просветителей [9]. В работах

¹ Божественный закон является верховным, так как все части вселенной управляются божественным разумом (пер. авт.).

французских просветителей формируется новая идеология – юридическое мировоззрение и соответствующие ему институты, получает серьезное теоретическое обоснование новая концепция прав человека, не зависящих от государственной власти: на жизнь, собственность, личную неприкосновенность, достоинство, защиту от произвола, равенства людей и врожденного стремления к добру имели безусловно прогрессивное значение для последующего развития европейской философско-правовой мысли и т. д.

Несмотря на элементы идеализма и наивности, которые содержит данная концепция, позже она будет использована в первой в мире Конституции США (1787) и многократно повторена в основных законах большинства современных государств² [10]. В XX веке основные идеи европейских просветителей-гуманистов станут фундаментом для Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о защите прав человека и основных свобод – важнейших международных соглашений, не только устанавливающих неотъемлемые права и свободы человека, но и обязывающих государства, ратифицировавшие Конвенцию, гарантировать эти права каждому, кто находится под их юрисдикцией³.

Во второй половине XX века, усложнившись и отразившись в конституциях современных государств, эта правовая доктрина приобрела новое звучание. Сторонники концепции естественного права полагают, что область права значительно шире, богаче и разнообразнее сферы законодательства, что понимание юриспруденции возможно только через призму философии, в соответствии с которой права и свободы человека, понятия нравственности и справедливости являются основой права [11, с. 8, 12; 12, с. 17-18]. Сегодня некоторые тезисы философов эпохи Просвещения в разных странах могут трактоваться по-разному, но идея о том, что человек имеет неотъемлемые права,

а государство должно их признавать и защищать, остается неизменной.

2. Сравнительная характеристика позитивизма и концепции естественного права

Концепция юридического (или правового) позитивизма как доктрина правопонимания, сложившаяся в XIX веке, отождествляет право с действующим законодательством. Суть позитивистского подхода состоит в рассмотрении права как действующей в данный момент системы правовых актов, принимаемых государством и поддерживаемых им силой принуждения. Позитивизм не дает морально-нравственной оценки правовой реальности, он лишь фиксирует правило поведения, не осмысливая его суть с позиции общечеловеческих ценностей. Если так называемый «мягкий» позитивизм (softpositivism) еще может обращаться к морали в правотворчестве и правоприменении, то «строгий» позитивизм (hardpositivism) в ходе формирования права исключает отсылки к морали полностью [13].

Исходя из наиболее общего (упрощенного) посыла о том, что естественное право – это право справедливости, а позитивное право – это законодательство, возникает вопрос о том, можно ли противопоставлять справедливость закону? И может ли закон быть неправовым?

Очевидно, что понятие справедливости является очень индивидуальным, а правовая норма перед своим позитивистским воплощением должна быть многократно выверена на самых различных экспертных уровнях, ее толкование должно быть единым. Исходя из этого, представление о справедливости, действительно, может разительно отличаться от понимания законности. Особенно ярко это противоречие может проявляться при столкновении представлений о должном мироустройстве и роли в нем человека в сообществах с различным уровнем общественного развития. Так, например, идеи об общественном устройстве, господствующие в странах Евросоюза, вряд ли будут оценены по достоинству в странах Центральной Африки.

Сегодня, в результате объективно происходящего процесса глобализации, происходит становление единой мировой общественной системы с общими моральными цен-

² Библиотека конституций. URL: <https://world-constitutions.ru/?p=168> (дата обращения: 22.02.2022).

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.02.2022); Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 1950). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

ностями для всего человечества. Научно-техническая революция, передовые технологии в сфере развития производительных сил и невиданные ранее возможности для повышения уровня жизни позволяют не только преодолевать существовавшую тысячелетиями национальную и этническую замкнутость, но и создавать единую для человеческого сообщества систему ценностей либеральной идеологии, где закон и государство – для человека; где «человек – мера всех вещей»⁴, а «свобода» и «равенство», как элементы кантовского категорического императива [14], актуальны не менее, чем в XVIII веке⁵.

Однако, несмотря на поступательный в целом ход человеческой истории, не всегда и не везде развитие человеческой цивилизации имеет прогрессивный вектор. Так, например, та мораль и идеи, которые цивилизованное общество осуждало уже в XVIII веке, в XX веке пышно расцвели на огромных территориях передовых европейских государств. Потребовались страдания и гибель десятков миллионов людей для того, чтобы человечество осознало, к краю какой пропасти могут привести законодательно безупречно оформленные, но по своему существу преступно бесчеловечные концепции.

Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. и приговор Международного военного трибунала были не только ответом на беспрецедентные в истории преступления против человечества, но и внесли важный вклад в развитие права. Фактически впервые на международном уровне ведущие государства определили безусловный приоритет естественного права надпозитивным; признали, что закон может быть неправовым, а совершенные в рамках такого закона деяния – особо тяжкими преступлениями⁶.

К сожалению, и вторая, послевоенная, половина XX века, и наши дни наполнены

множеством примеров массового нарушения прав человека, не уступающих, а иногда и превосходящих в своей дикости преступления фашизма и нацизма. Геноциды в Индонезии 1965–1966 гг., Бангладеш 1971 г., Камбодже 1975–1979 гг., Руанде 1994 г., Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг., Конго 1996–1997 гг. и т. д., унесшие миллионы жизней, – это примеры массового уничтожения людей в строгом соответствии с действующим в этих странах «законодательством», ставшие возможными в результате отступления от принципов верховенства естественного права [17, с. 487–511].

В наши дни человечество также вынуждено наблюдать откат некоторых государств, потенциально имевших возможность приобщения к достижениям современной цивилизации (в том числе к праву в его современном понимании), в дремучее теократическое средневековье (Иран, Афганистан).

Юридический позитивизм как подход к правопониманию распространен значительно шире, чем естественно-правовая доктрина; одновременно с этим очевидно, что позитивное право может быть несправедливым, а закон может быть неправовым. История различных форм политической организации человеческого сообщества свидетельствует о том, что закон (и законодательство в целом) вполне способен выражать интересы определенной социальной группы (например, политической, финансовой элиты, господствующего класса и т. д.) в ущерб интересам всего общества.

Любой недемократический и неправо-вой (в естественно-правовом смысле данного термина) режим (авторитарный, тоталитарный, деспотический и пр.) обладает, как правило, хорошо организованной самооправдывающейся структурой, однако ситуация, при которой право «состоит на службе» не у общества, а у имеющих власть сословий, не только не спасает его (общество) от потрясений, но и, в конечном счете, ускоряет его крах.

Обсуждение

Надпозитивный характер права, получивший официальное признание еще в XVIII веке, представляется сегодня стержневой идеей для построения цивилизованного общества и государства. Понимая, что право

⁴ *Протагор* // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.

⁵ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII–XIX вв. М., 1957. С. 167.

⁶ Приговор Международного военного трибунала // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 17.02.2022).

не может существовать вне своей объективированной формы, естественно-правовой подход не отменяет «позитивизм» как таковой. Вместе с тем, актуализируя гуманитарное начало права, гарантируя права и свободы человека в соответствии с мировыми стандартами, он оказывает влияние на формирование такого общественного строя, который наиболее полно отвечает потребностям и интересам человека.

Закон, опирающийся исключительно на авторитет и силу государства, не учитывающий универсальных прав человека (на жизнь, собственность, личную неприкосновенность, благополучие, свободу передвижения, свободу убеждений, защиту от произвола и т. д.), не имеет правового содержания и неизбежно оборачивается тоталитаризмом, который, в конечном счете, перестает удовлетворять и слои общества, принадлежащие к политической элите. Это, в частности, является одной из причин неизбежных социальных катастроф. Таким образом, проблема соотношения права и закона занимает одно из главных мест среди факторов, обеспечивающих стабильность и процветание общества.

Сегодня, когда масштабы человеческой деятельности и технологические мощности таковы, что представляют угрозу самому человечеству, актуальность методов, способных удержать социальную реальность в границах управляемости, как никогда велика. Стоит признать безусловную правоту великих гуманистов прошлого, утверждавших, что естественное право является основой права позитивного, что законы не могут противоречить естественному праву, а если такое противоречие возникает, то позитивный закон становится ничтожным [16, с. 17].

Противоречие основным принципам естественного права, нарушение прав на жизнь, охрану здоровья, судебную защиту, участие в политической жизни, свобода убеждений и их выражения, свобода мирных собраний и митингов, нарушение принципов равенства, справедливости, презумпции невиновности и т. д. в правовой системе цивилизованного демократического государства должны стать безусловным поводом для утраты нормативным актом своей юридиче-

ской силы, такой акт должен быть отменен или заменен новым.

Этот принцип воплощен в Конституции России⁷, где в статье 2 указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В соответствии же с пунктом 6 статьи 125 акты или их отдельные положения, признанные Конституционным судом РФ неконституционными, утрачивают силу.

Вместе с тем наличие конституционных положений, закрепляющих и защищающих права человека, как и существование органа конституционного контроля, вовсе не гарантирует реальную защиту этих прав. Так называемая «сталинская» Конституция 1936 г.⁸, очень прогрессивно для своего времени декларировавшая права и свободы граждан, не имела никакого отношения к социальной действительности тех лет, носила бутафорный характер для создания внешнеполитического имиджа и положительной репутации на международной арене. Реальным же олицетворением политики советского государства того времени стали массовые нарушения прав граждан и репрессии, унесшие миллионы человеческих жизней.

Представляется, что условием правового наполнения (и соответствующего ему исполнения) закона является усвоение обществом определенных правовых традиций, соответствующих сути исторически сложившихся понятий гуманизма и демократии, их правовой развитости.

Тип правопонимания непосредственно влияет и на способность субъектов права эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей, преобразующих эти свои способности в социально-правовую активность, воплощая ее результаты в те или

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁸ Конституция (Основной закон) СССР (утв. Пост. Чрезвычайного VIII Съезда СССР 05.12.1936). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 17.02.2022).

иные требуемые правовые ценности – продукты правовой культуры [17].

Поскольку отвечающие современным гуманистическим идеалам представления о ценностях и выражающих их правовых нормах и обычаях должны повседневно формироваться действиями субъектов права, особое значение в становлении соответствующего политического режима играет роль правящих элит, к которым относятся руководители государств и правительств со своим окружением, председатели парламентских палат и лидеры главенствующих политических партий, руководители высших судебных органов.

Значение правящих политических элит, а также элит экономических, сосредоточивающих в своих руках огромные ресурсы и тем самым влияющих на принятие ключевых решений в регламентации общественных отношений в государстве, сложно переоценить. Правящие политические элиты не только организуют процессы создания и реализации права, облаченного в форму законодательства, но и влияют на создание иерархии правовых ценностей и формирование правовых традиций, способных эти ценности защитить. От людей, составляющих политический класс, занимающих господствующее положение в обществе и осуществляющих властные функции, зависит, насколько признаваемыми в государстве будут такие ценности, как защита жизни, здоровья, семьи, собственности, обеспечение безопасности и т. д. Только государство может обеспечить реальное воплощение в жизнь принципов законности, справедливости, многопартийности, разделения властей, демократизма, гласности политической деятельности и пр.

Выводы

Элементы ценностной структуры общества многообразны, сложны и изменчивы,

они зависят от «цивилизованности» общества и, в свою очередь, сами влияют на динамику его развития. Морально-нравственные нормы, в основе которых лежат общечеловеческие ценности, задают стандарты поведения людей в данной общности на конкретном историческом этапе. Вместе с тем человечеством на протяжении тысячелетий выработаны исходные положения общежития, полагаемые истинными без доказательств в любом обществе, называющим себя цивилизованным.

Естественно-правовой, гуманистический подход должен быть основным как при конструировании отдельных правовых норм, так и при формировании законодательства в целом. Право и закон тождественны только тогда, когда последний не только учитывает объективную реальность, но и, отражая интересы общества, является правовым. Естественное право должно не противостоять позитивному, а быть его содержанием; наполняя закон своим «духом», оно обеспечивает его силу.

При этом не только законодательство как форма объективирования права, но и правоприменение на всех его уровнях должно быть наполнено гуманистическим содержанием. Нормативные акты, имеющие неправовое, с данной точки зрения, содержание, должны своевременно выявляться, содержащимся в них нормам должна даваться правовая оценка.

Гармоничное сочетание естественно-правового и позитивистского подходов, оформленное законодательно и реально отраженное в правоприменении, является одним из условий благополучия граждан, национального благосостояния, формирования справедливого общества и стабильности государства.

Список источников

1. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. 1138 с.
2. *Кожокарь И.П.* Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 196-225.
3. *Канарш Г.Ю.* Этические основания политики в современном аристотелианстве // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 145-152.
4. *Лебедев С.А.* Проблема научного метода в античной философии // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. № 2. С. 10-20.

5. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
6. Протопопова И.А. «Сократический вопрос»: старые проблемы и новые тенденции // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13. № 1. С. 330-338. DOI [10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338](https://doi.org/10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338)
7. Рыжкова-Гришина Л.В. Натурфилософия Платона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 163-165.
8. Бородай Т.Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // Интеллектуальные традиции античности и средних веков: сб. ст. М.: Кругъ, 2010. С. 107-121.
9. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 415-416.
10. Барциц И.Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 344-370.
11. Емельянов Б.В., Лицук А.А. К истории становления отечественной философии права: русские гегельянцы // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 8-16.
12. Костин Ю.В. Опыт осмысления проблем соотношения права и нравственности в философии права дореволюционной России второй половины XIX – начала XX века // Философия права. 2007. № 3. С. 17-20.
13. Пицулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.
14. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 270.
15. Melvin J. Mechanics of mass murder: a case for understanding the Indonesian killings as genocide // Journal of Genocide Research. 2017. Vol. 19. № 4. P. 487-511. DOI [10.1080/14623528.2017.1393942](https://doi.org/10.1080/14623528.2017.1393942)
16. Самигуллин В.К. Правопонимание: краткий обзор концептуальных взглядов // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4 (26). С. 16-24.
17. Бондарев А.С. Правосознание – неотъемлемая и ведущая часть правовой культуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1 (31). С. 6-15.

References

1. Vinogradov V.V. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow, 1999, 1138 p. (In Russian).
2. Kozhokar I.P. Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava [Efficiency of law in the categorical apparatus of the theory of law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2020, issue 48, pp. 196-225. (In Russian).
3. Kanarsh G.Y. Eticheskiye osnovaniya politiki v sovremennom aristotelianstve [Ethical foundations of politics in modern Aristotelianism]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2005, no. 2, pp. 145-152. (In Russian).
4. Lebedev S.A. Problema nauchnogo metoda v antichnoy filosofii [The problem of the scientific method in ancient philosophy]. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy – Journal of Philosophical Research*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 10-20. (In Russian).
5. Losev A.F., Takho-Godi A.A. *Platon. Aristotel'* [Plato. Aristotle]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005, 392 p. (In Russian).
6. Protopopova I.A. «Sokraticheskiy vopros»: staryye problemy i novyye tendentsii [The Socratic question: old problems and new trends]. *Scholae. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya – Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 330-338. DOI [10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338](https://doi.org/10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338). (In Russian).
7. Ryzhkova-Grishina L.V. Naturfilosofiya Platona [Naturphilosophy of Plato]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2013, no. 5-2 (31), pp. 163-165. (In Russian).
8. Boroday T.Y. Vopros o vechnosti mira i popytka ego resheniya Fomoy Akvinskim [The issues of the eternity of the world and an attempt to solve it by Thomas Aquinas]. *Intellektual'nyye traditsii antichnosti i srednikh vekov* [Intellectual traditions of antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Krug Publ., 2010, pp. 107-121. (In Russian).
9. Lazarev V.V. (executive ed.). *Istoriya gosudarstvenno-pravovykh ucheniy* [History of State-Legal Doctrines]. Moscow, Spark Publ., 2006, pp. 415-416. (In Russian).

10. Bartsits I.N. Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional design (on the beauty and aesthetics of constitutions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, issue 41, pp. 344-370. (In Russian).
11. Emelyanov B.V., Litsuk A.A. K istorii stanovleniya otechestvennoy filosofii prava: russkiye gegel'yantsy [On the history of the formation of the national philosophy of law: Russian Hegelians]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Nizhnevartovsk State University for the Humanities], 2009, no. 2, pp. 8-16. (In Russian).
12. Kostin Y.V. Opyt osmysleniya problem sootnosheniya prava i npravstvennosti v filosofii prava dorevolutsionnoy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [The experience of understanding the problems of the relationship between law and morality in the philosophy of law in pre-revolutionary Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2007, no. 3, pp. 17-20. (In Russian).
13. Pishchulin A.V. *Yuridicheskiy pozitivizm v sovremennom pravoponimani: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Positivism in Modern Legal Understanding. Cand. law sci. diss. abstr.]. Moscow, 2010, 30 p. (In Russian).
14. Kant I. *Sochineniya: v 6 t.* [Essays: in 6 vols., vol. 4, pt 1]. Moscow, 1965, p. 270. (In Russian).
15. Melvin J. Mechanics of mass murder: a case for understanding the Indonesian killings as genocide. *Journal of Genocide Research*, 2017, vol. 19, no. 4, pp. 487-511. DOI [10.1080/14623528.2017.1393942](https://doi.org/10.1080/14623528.2017.1393942)
16. Samigullin V.K. Pravoponimaniye: kratkiy obzor kontseptual'nykh vzglyadov [Legal understanding: a brief review of conceptual views]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2011, no. 4 (26), pp. 16-24. (In Russian).
17. Bondarev A.S. Pravosoznaniye – neot'yemlemaya i vedushchaya chast' pravovoy kul'tury [Legal awareness is an integral and leading part of legal culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2016, issue 1 (31), pp. 6-15.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139

Шифр научной специальности 5.1.1

Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании

© АРХИПОВА Екатерина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1, ORCID: 0000-0001-8646-5826, arkhipovaeyu@gmail.com

Аннотация

Введение: события последних нескольких лет провоцируют ученых и практиков постоянно поднимать проблему определения баланса частных и публичных интересов, необходимого для эффективного правового регулирования. С одной стороны, речь идет о распространении коронавирусной пандемии (COVID-19), сложной внешнеполитической обстановке, которые требуют активного участия государства, жесткости правового регулирования в целях обеспечения конституционно закрепленных положений. С другой стороны, заявленный государством курс на развитие цифровой экономики, стремительное развитие цифровых технологий, качественная трансформация общественных отношений влекут необходимость гибкого правового регулирования, большего учета интересов экономических субъектов. **Цели и задачи исследования** состоят в выяснении основных параметров определения баланса частных и публичных интересов с учетом текущих тенденций, происходящих в российском обществе. **Методология исследования:** диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Они позволили выявить параметры определения баланса частных и публичных интересов, провести краткий анализ текущего состояния современных тенденций, характерных для российского общества и государства, а также определить возможные условия его дальнейшего формирования. **Выводы:** аргументирована авторская позиция о том, что совокупность публично-правовых и частноправовых начал правового регулирования той или иной сферы жизнедеятельности человека выражена в виде определенным образом организованной суммы средств, методов, форм, механизмов и режимов правового регулирования, которые избираются государством с учетом ряда факторов. Именно поэтому баланс интересов – это подвижная категория, в основе которой лежит принцип защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Ключевые слова

частное право, публичное право, интерес, баланс, правовое регулирование

Для цитирования

Архипова Е.Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132-139. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139)

The balance of private and public interests in legal regulation

© Ekaterina Y. ARKHIPOVA,

Candidate of Law, Associate Professor of Theory of State and Law Department, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-8646-5826](https://orcid.org/0000-0001-8646-5826), arkhipovaeyyu@gmail.com

Abstract

Introduction: the events of the last few years provoke scientists and practitioners to constantly raise the problem of determining the balance of private and public interests necessary for effective legal regulation. On the one hand, we are talking about the spread of the coronavirus pandemic (COVID-19), a difficult foreign policy environment that requires the active participation of the state, rigidity in legal regulation in order to ensure constitutionally enshrined provisions. On the other hand, the state course to development the digital economy, the rapid development of digital technologies, the qualitative transformation of social relations are entail the need for flexible legal regulation, greater consideration of the interests of economic entities. **Goals and objectives of the study:** consists in clarifying the main parameters for determining the balance of private and public interests, taking into account current trends in Russian society. **Research methodology:** dialectical, systemic, comparative legal, formal legal methods. It made possible to identify the parameters for determining the balance of private and public interests, to conduct a brief analysis of the current state of modern trends characteristic of Russian society and the state, and to determine the possible conditions for its further formation. **Conclusions:** the author's position is argued that the totality of public law and private law principles of legal regulation of a particular sphere of human life is expressed in amount of means, methods, forms, mechanisms and regimes of legal regulation, which are elected by the state, taking into account a number of factors. That is why the balance of interests is a mobile category, which is based on the principle of protecting the rights, freedoms and legitimate interests of a person and a citizen.

Keywords

private law, public law, interest, balance, legal regulation

For citation

Arkhipova E.Y. Balans chastnykh i publicnykh interesov pri pravovom regulirovanii [The balance of private and public interests in legal regulation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 132-139. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-132-139) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Переход России к цифровому государству и праву требует решения множества стоящих перед ней задач политического, социального и экономического толка. Причем важно понимать невозможность их решения только через систему административного управления обществом. Трансформацию государства необходимо строить на «человеческом капитале», что требует изменений и в отношениях между обществом и государством, заставляя последнего быть «на службе» у первого. В современных условиях стремительного развития информационного общества государственное управление, нормативное регулирование общественных отношений должно строиться на основе кон-

цепции «активизирующегося» государства. Она предполагает партнерство, диалог, сотрудничество, разделение ответственности между ними. Государство в таких отношениях выступает в роли ключевого партнера, который заявляет и устанавливает рамки, границы, пределы правового регулирования для определенной сферы общественных отношений. Тем самым достигаются так необходимые прозрачность, гибкость и эффективность государственного управления и правового регулирования. В то же время бывают ситуации, когда, наоборот, необходимы жесткость, безальтернативность, прямое участие государства в стабилизации неустойчивых состояний и явлений и т. п. Причем границы, определяющие «мягкость» или

«жесткость» регламентации общественных отношений, находятся в состоянии постоянной подвижности и зависят от текущих условий, места и времени. Подобные факты определяют постоянную заинтересованность не только ученых, но и практиков в решении вопросов взаимодействия частного и публичного права через поиск баланса определяющих их интересов.

На современном этапе указанный вопрос относительно их балансирования обостряется и за счет стремления государства обеспечить гибкость правового регулирования, его попыток активного внедрения цифровых технологий в управленческую деятельность. Ситуацию усложняют и текущие тенденции, характерные для современного права, а именно стирание грани между частными и публичными проявлениями в различных правоотношениях. Сейчас затруднительно даже отнести конкретную отрасль права только к частному или публичному праву (например, гражданское право, традиционно причисленное к частному праву, содержит значительное количество нормативных положений публично-правового порядка (особенности проведения публичного конкурса и др.)) [1, с. 89]. Очевидно, что только государство способно обеспечить защиту частных интересов посредством использования различных методов правового воздействия на публично-правовую и частноправовую сферы жизнедеятельности. Таким образом, происходящие в настоящей действительности изменения в содержании отношений между государством и обществом должны находить свое отражение в действующем законодательстве, которое и призвано фиксировать необходимый баланс интересов публичного и частного порядка.

Обсуждение

Стоит отметить дискуссионность понимания отдельно взятых понятий «баланс», «частный интерес», «публичный интерес». Так, при анализе последнего необходимо исходить из того, что под ним понимается совокупность обеспеченных правовой защитой, усредненных личных и групповых интересов, обладающих официальным признанием и поддержкой со стороны государства [2, с. 55]. Без публичных интересов невозможно осуществление частных интересов,

обеспечение стабильной работы государства, развитие общества и его отдельных групп и слоев. Его содержание составляют объективные общественные интересы, на существование которых должно реагировать демократическое государство, фиксируя их в правовой форме и превращая таким образом в публичный интерес [3, с. 107]. Выделяют несколько его форм: общественные, государственные и национальные.

В юридической науке существует дискуссия, в рамках которой имеется несколько мнений на счет разграничения интересов общественных и государственных, а также возможности признания государства в качестве носителя своих собственных интересов. Так, для решения последнего вопроса ученые в основном делятся на две группы, каждая из которых придерживается диаметрально противоположной позиции: 1) государство не имеет собственных интересов, поскольку оно принадлежит и олицетворяется через иные социальные субъекты (общество, социальные группы, индивиды и др.) [4, с. 92]; 2) наличие у государства собственных интересов [5, с. 126]. Следует отметить, что более верной представляется вторая позиция. Это объясняется фактом несовпадения интересов общественных и государственных в ряде случаев. В то же время государство может и игнорировать личный и общественный интерес, а может инициировать их согласование в целях обеспечения необходимого в текущий период времени баланса интересов личности, общества и государства.

Последнее провоцирует необходимость теоретического разрешения вопроса, касающегося соотношения и сбалансирования частных и публичных интересов, о чем многократно писалось в юридической литературе, при этом решение всегда было неоднозначным. Так, в советский период отрицалось существование частного права вообще, поскольку считалось, что деление интересов на частные и публичные – это результат разделения труда и развитие его производительности. Итог подобной проводимой политики вылился в застое развития экономики и, в конечном итоге, развале государства [6, с. 284]. Совершенно обратную тенденцию обнаружил переход к рыночным отношениям. Обеспечить их эффективность бы-

ло возможно только благодаря освобождению от тотального государственного контроля и постепенному переходу к саморегуляции. Однако и здесь политики «перестарались», поскольку проводимые реформы подорвали авторитет публичного права и привели к возникновению экономического кризиса, который сказался на уровне жизни населения и, как следствие, на появлении социального напряжения. Приведенные исторические факты обосновывают необходимость выстраивания баланса частных и публичных интересов в ходе правового регулирования. В обратном случае, государство, общество, индивид будут подвергнуты в очередной раз тяжелейшим последствиям.

По нашему мнению, в настоящее время происходит постепенное проникновение публичных интересов в частное право, и наоборот – частных интересов – в публичное. Виной тому происходящие в последние несколько лет события: распространение коронавирусной пандемии COVID-19, сложная внешнеполитическая обстановка, с одной стороны, и заявление о необходимости развития гибкой системы правового регулирования как важного условия для построения цифровой экономики в России, с другой. Это, в свою очередь, влечет появление комплексных правоотношений, в которых находит свое выражение взаимодействие, паритет нормативных положений частного и публичного права при сохранении соответствующего метода правового регулирования, необходимого для регламентации конкретных правоотношений.

В качестве примера можно привести особенности становления правового регулирования корпоративных отношений в Российском государстве. Начиная с советского периода, происходило постепенное ослабление императивности при их регулировании и допущение большей диспозитивности. При этом оговариваются, что диспозитивность эта должна носить ограниченный характер, поскольку свобода усмотрения участников корпоративных отношений не должна быть безграничной. Доказывается, что необходимо ориентироваться на принцип добросовестности участников отношений (то есть те участники, поведение которых не добросовестное, не обеспечиваются защитой), а

также на некоторые отправные точки (например, баланс интересов участников корпоративных отношений) [7, с. 35]. Последний пример доказывает отстаиваемый многими тезис об отсутствии «чистого» существования отраслей публичного и частного права, а также об общеобязательности и самих диспозитивных норм, поскольку закрепляются они в нормах законодательства [8, с. 35].

В юридической литературе разработали варианты, при которых можно говорить об эффективном взаимодействии частноправовых и публично-правовых положений, указывающих на наличие своего рода баланса: проникновение частноправовых положений в публично-правовую материю, и наоборот; замена одного другим (частноправового публично-правовым, и наоборот); выполнение ими равных функций в ходе гражданско-правового регулирования; выступление публичного акта в качестве юридического факта для гражданских правоотношений; реализация публичных функций частноправовыми началами [9, с. 16]. Взять, к примеру, право интеллектуальной собственности, причисленное к числу частного права. Несмотря на последний факт, оно за счет сочетания в себе публичных и частных интересов обусловило применение норм публично-правового порядка (например, нормы, регламентирующие принудительное лицензирование, недобросовестную конкуренцию и др.)¹.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что совокупность публично-правовых и частноправовых начал правового регулирования той или иной сферы жизнедеятельности человека выражена в виде определенным образом организованной суммы средств, методов, форм, механизмов и режимов правового регулирования. В данном ряду правовое средство играет инструментальную роль, что означает то, что оно выступает составляющей метода и режима

¹ См., например, ст. 1362 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1.01.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496; 2021. № 24 (Ч. 1). Ст. 4231; ст. 10 bis Конвенции по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (в ред. от 2.10.1979) // Закон. 1999. № 7.

правового регулирования, а потому сами по себе по отдельности, вне связи друг с другом, они не дадут общего представления о специфике правового регулирования определенной сферы жизнедеятельности. Например, средства правового регулирования предпринимательской деятельности в основном содержатся в гражданском праве, а потому в своей совокупности они составляют гражданско-правовой режим, посредством которого происходит регламентация соответствующих отношений, основанная на автономии и свободе сторон, их самостоятельной имущественной ответственности [10, с. 23].

Результаты исследования

В правоведении заявляют, что устойчивой тенденцией последнего времени является социализация частного права, которая предполагает усиление роли публичного права в частноправовых сферах жизнедеятельности [11, с. 61]. Так, провозглашенные ранее принципы свободы и равенства участников гражданского оборота заменяются идеями, обосновывающими ограничения, запреты, вводимые для разрешения актуальных задач, необходимых для дальнейшего развития общества. К примеру, трендом для поддержки со стороны государства в последнее время выступает социальное предпринимательство, деятельность которого направлена на решение социальных проблем, стоящих перед обществом в целом и его отдельными гражданами (обеспечение занятости социально уязвимых категорий граждан, производство товаров либо оказание услуг для них, поддержка наименее защищенных слоев общества и пр.) [12, с. 42]. Иными словами, развитие частного права должно проходить под влиянием изменений, происходящих в экономических отношениях. Если ранее, при формировании гражданско-правовых норм, основывались на заявленный принцип свободы участников гражданско-правовых отношений, то теперь под влиянием трансформаций, происходящих в социальной и экономической сферах, провозглашается принцип необходимого вмешательства государства в частноправовые по своей природе правоотношения. То есть государство входит в гражданский оборот в новом качестве. И не всегда подобная си-

туация характеризуется как обоснованная и обоснованная.

Так, в настоящее время остроту приобретает проблема усиления ограничений экономических прав граждан, вводимых для обеспечения безопасности государства и общества. Несмотря на то, что подобная возможность конституционно разрешена (статья 55 Конституции РФ), тем не менее, часто говорят о чрезмерности вмешательства со стороны государства, что влечет подавление самостоятельности и инициативности у экономических субъектов. С учетом происходящих в текущий период событий приоритет публичных интересов перед частным вполне справедлив. Эти ограничения представляют собой своего рода количественное уменьшение вариантов юридически дозволенного поведения посредством установления пределов, но не доходя до полного запрета. Таким образом, государство стремится избежать хаоса и наладить порядок осуществления экономической деятельности в новых условиях.

На практике такие ограничения зачастую связаны с фиксацией дополнительных правил при регистрации, отчетности, особенностей ведения экономической деятельности, новых мер юридической ответственности и др. Степень жесткости таких ограничений зависит от сферы правоотношений, подлежащих правовому регулированию. В таком случае возникает большая вероятность нарушения публичного интереса субъектом экономической деятельности.

И.Д. Ягофарова утверждает, что можно выделить несколько форм неправомерного ограничения экономических прав и свобод: 1) качественное изменение их содержания, приводящее к противоречию самому существу права; 2) изъятия правомочия из их содержания; 3) лишения возможности ими пользоваться, что противоречит конституционным целям; 4) необоснованное какими-либо целями и основаниями ограничение [13, с. 130].

С точки зрения установления пределов ограничений прав и свобод играет большую роль практика Конституционного суда РФ. В частности, в одном из своих постановлений он указал, что: при обеспечении баланса публичных и частных интересов в ходе пра-

вового регулирования в обязанности законодательного органа входит учитывать юридическую и социальную оправданность вводимых ограничений, которые должны соответствовать целям их введения, а также принципу справедливости; вводимые меры должны быть необходимыми с точки зрения поставленной цели, а не чрезмерными; указанные в статье 55 Конституции РФ публичные интересы способны оправдать ограничения прав и свобод только в случае их адекватности достижения социально необходимого результата; недопустимо искажать саму сущность конституционного права или свободы в ходе их правовой регламентации². Таким образом, Конституционный суд РФ ориентирует правотворческий орган на соблюдение баланса частных и публичных интересов и обеспечение их плодотворного взаимодействия.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что эффективность развития экономических отношений напрямую зависит от грамотно сделанной комбинации частноправовых и публично-правовых инструментов. Здесь нельзя бездумно и излишне расширять только область публичного либо частного права. Этот необходимый баланс находится в состоянии обусловленности времени и места, поскольку то, что эффективно работает в одних условиях, может оказаться не работоспособным в других. В связи с этим справедливо утверждение о подвижности во времени и пространстве баланса интересов [14, с. 34]. При этом подход правовой регламентации с точки зрения сочетания публич-

ного и частного начал позволяет преодолеть субъективизм при оценке различных ситуаций (например, являются ли они предметом частного или публичного права), предоставляет необходимую гибкость правового регулирования и т. д.

В качестве критерия, который можно положить в основу формирования баланса частного и публичного права, обеспечивающего их наиболее эффективное взаимодействие, выступает принцип приоритета и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Так, например, констатируется эффективность сочетания частноправовых и публично-правовых способов защиты. Взять хотя бы соотношение юрисдикционных и неюрисдикционных форм урегулирования конфликтов. Первые отличаются сложностью и длительностью процедур, большой загруженностью, бюрократизмом. В связи с этим государство проводит соответствующую политику, результатами которой стали: отказ от мотивировочной части судебного решения, возможность подачи групповых исков, развитие неюрисдикционных инструментов урегулирования конфликтов. При этом для последнего все больше характерна не добровольность, а принудительность (например, претензионный порядок в спорах по защите прав потребителей необязателен, но положения действующего законодательства побуждают сторон именно к его осуществлению). Но такая тенденция также может привести к совершенно обратным ожидаемым последствиям – ограничение возможностей граждан обращаться за судебной защитой своих прав. Следовательно, неюрисдикционные инструменты должны привлекать граждан своей доступностью, эффективностью и отсутствием излишних формальностей.

Заключение

Таким образом, баланс интересов как основа взаимодействия частного и публичного права выступает необходимым условием установления между сферами, подвергающимися с их стороны регулированию, границ. Он подвижен, а потому обеспечивается посредством закрепления объема корреспондирующих прав и обязанностей участников правоотношений, демонстрирующего иерархию интересов частного и

² См., например: Постановление Конституционного суда РФ от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // Российская газета. 2010. № 147; Определение Конституционного суда РФ от 10.03.2016 № 451-О «По жалобе гражданина Бабича Д.В. на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», а также пунктом 2 статьи 22 Закона Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга». Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

публичного порядка, существующую в конкретном обществе в конкретный период его развития. Также его определяет и отношение со стороны государства к основаниям, целям и пределам реализации прав, свобод и законных интересов человека в тех ситуациях, когда их беспрепятственное осуществление может создать угрозу для государственности (то есть права, свободы и законные интересы гражданина должны согласовываться и соответствовать интересам государства и общества). Для баланса интересов характерна соразмерность – разумное соотношение между их значимостью и усилиями, которые затрачиваются на их обеспечение. Последнее позволяет избежать случаев чрезмерного ограничения интересов одних субъектов и чрезмерного предоставления и приоритетного обеспечения интересов других. Иными словами, итогом балансирования публичных и частных интересов должно выступить такое состояние их согласованности, при ко-

тором ни один из них не отрицается, они не вытесняются друг другом, а каждый из них признается, реализуется и гарантируется [15, с. 110]. Можно признать справедливым суждение А.Д. Градовского, который обозначал единую цель функционирования частного и публичного права – обеспечение законности. При этом государство как носитель в основном публичного интереса обязано обеспечить устойчивость их взаимодействия, то есть оно должно охранять и государственные, и общественные, и частные интересы в необходимой пропорции. Стремление к достижению этого баланса – объективный закон закономерного развития общества. Что во все не означает применения только ограничений и запретов. Речь идет о формировании таких условий, благодаря которым у индивидов будут возникать интересы, соответствующие интересам общества и государства, и наоборот.

Список источников

1. Курбатов А.Я. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // *Хозяйство и право*. 2001. № 6. С. 88-97.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
3. Альхименко В.В., Гришкова А.А., Салищева Н.Г. Публичный интерес в административном праве // *Труды Института государства и права РАН*. 2011. № 4. С. 98-129.
4. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // *Государство и право*. 1999. № 10. С. 91-99.
5. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // *Право и государство: теория и практика*. 2006. № 5. С. 125-135.
6. Мальцев Г.В. Понимание права. М., 1999. 499 с.
7. Гордеев П.А. Корпоративные отношения: от публичного к частному // *Проблемы взаимодействия публичного и частного права: материалы 2 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. за вып. Г.З. Мансуров, А.В. Головизнин*. Екатеринбург, 2018. С. 32-37.
8. Суханов Е.А. О проблемах становления и развития российского частного права // *Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. к 80-летию С.С. Алексеева*. Москва; Екатеринбург, 2004. Вып. 3. С. 26-45.
9. Бублик В.А. Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // *Хозяйство и право*. 2000. № 9. С. 12-22.
10. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М., 2013. 336 с.
11. Санникова Л.В. Последствия конвергенции частного и публичного права в сфере защиты субъективных прав // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 56-67.
12. Харитонова Ю.С. Реализация имущества гражданина в ходе процедур банкротства // *Гражданское право*. 2016. № 3. С. 41-43.
13. Ягофарова И.Д. Взаимодействие публичного и частного интересов при ограничении экономических прав граждан РФ // *Проблемы взаимодействия публичного и частного права: материалы 2 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. за вып. Г.З. Мансуров, А.В. Головизнин*. Екатеринбург, 2018. С. 129-132.
14. Хвостов В.М. Общая теория права. СПб., 1914. 148 с.
15. Хорунжий И.И. Принцип баланса публичных и частных интересов в государственно-правовом регулировании экономических отношений // *Modern science*. 2021. № 7. С. 108-112.

References

1. Kurbatov A.Y. Obespecheniye balansa chastnykh i publichnykh interesov – osnovnaya zadacha prava na sovremennom etape [Ensuring the balance of private and public interests is the main task of law at the present stage]. *Khozyaystvo i pravo – Economy and Law*, 2001, no. 6, pp. 88-97. (In Russian).
2. Tikhomirov Y.A. *Publichnoye pravo* [Public Law]. Moscow, 1995, 496 p. (In Russian).
3. Alkhimenko V.V., Grishkovets A.A., Salishcheva N.G. Publichnyy interes v administrativnom prave [Public interest in administrative law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2011, no. 4, pp. 98-129. (In Russian).
4. Kryazhkov A.V. Publichnyy interes: ponyatiye, vidy i zashchita [Public interest: concept, types and protection]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 1999, no. 10, pp. 91-99. (In Russian).
5. Subochev V.V. Dialektika interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva kak obshchepravovaya problema [Dialectics of the interests of the individual, society and the state as a general legal problem]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: the Theory and Practice*, 2006, no. 5, pp. 125-135. (In Russian).
6. Maltsev G.V. *Ponimaniye prava* [Understanding of Law]. Moscow, 1999, 499 p. (In Russian).
7. Gordeyev P.A. Korporativnyye otnosheniya: ot publichnogo k chastnomu [Corporate relations: from public to private]. *Materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy vzaimodeystviya publichnogo i chastnogo prava»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Problems of Interaction between Public and Private Law”]. Yekaterinburg, 2018, pp. 32-37. (In Russian).
8. Sukhanov E.A. O problemakh stanovleniya i razvitiya rossiyskogo chastnogo prava [On the problems of formation and development of Russian private law]. *Tsivilisticheskiye zapiski* [Civilistic Notes]. Moscow, Yekaterinburg, 2004, issue 3, pp. 26-45. (In Russian).
9. Bublik V.A. Pravovoye regulirovaniye predprinimatel'stva: chastnyye i publichnyye nachala [Legal regulation of entrepreneurship: private and public principles]. *Khozyaystvo i pravo – Economy and Law*, 2000, no. 9, pp. 12-22. (In Russian).
10. Rodionova O.M. *Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava* [The Mechanism of Civil Law Regulation in the Context of Modern Private Law]. Moscow, 2013, 336 p. (In Russian).
11. Sannikova L.V. Posledstviya konvergentsii chastnogo i publichnogo prava v sfere zashchity sub'yektivnykh prav [Consequences of the convergence of private and public law in the field of protection of subjective rights]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2020, no. 4, pp. 56-67. (In Russian).
12. Kharitonova Y.S. Realizatsiya imushchestva grazhdanina v khode protsedur bankrotstva [Sale of property of a citizen in the course of bankruptcy proceedings]. *Grazhdanskoye pravo – Civil Law*, 2016, no. 3, pp. 41-43. (In Russian).
13. Yagofarova I.D. Vzaimodeystviye publichnogo i chastnogo interesov pri ogranichenii ekonomicheskikh prav grazhdan RF [Interaction of public and private interests while restricting the economic rights of citizens of the Russian Federation]. *Materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy vzaimodeystviya publichnogo i chastnogo prava»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference “Problems of Interaction between Public and Private Law”]. Yekaterinburg, 2018, pp. 129-132. (In Russian).
14. Khvostov V.M. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. St. Petersburg, 1914, 148 p. (In Russian).
15. Khorunzhiy I.I. Printsip balansa publichnykh i chastnykh interesov v gosudarstvenno-pravovom regulirovani ekonomicheskikh otnosheniy [The principle of balance of public and private interests in the state-legal regulation of economic relations]. *Modern Science*, 2021, no. 7, pp. 108-112. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 432.25

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовые последствия Брекзита для регионов Великобритании и теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии

© КОДАНЕВА Светлана Игоревна,

кандидат юридический наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Российская Федерация, 117218 г. Москва, ул. Кржижановского, 15, к. 2, ORCID: [0000-0002-8232-9533](https://orcid.org/0000-0002-8232-9533), kodanevas@gmail.com

Аннотация

Введение. Показано, что, по мере роста числа этно-национальных конфликтов практически во всех частях света процессы сецессии становятся все более популярными. При этом правовые и политические механизмы предотвращения сецессии могут кардинально различаться в зависимости от национальных особенностей. Но и те механизмы, которые показывали свою эффективность на протяжении длительного периода, при определенных (кризисных) условиях перестают работать, заставляя государства искать новые инструменты предотвращения сецессии своих регионов. **Цель и задачи исследования.** Целью исследования является изучение опыта предотвращения сецессии национальных регионов Великобритании в процессе выхода из Евросоюза. Утверждается, что жесткие инструменты ограничения автономии регионов не только не были эффективны, но повысили риск распада страны. Поставлена задача анализа изменения региональной политики Великобритании в процессе Брекзита. **Методология.** Использована методологическая модель А. Липхарта, классический подход А.В. Дайси к определению парламентского суверенитета. Также использованы общенаучные методы обобщения и системного анализа. **Результаты исследования.** Доказано, что сложившиеся ранее механизмы предотвращения сецессии оказались недостаточными, а жесткие инструменты предотвращения сецессии в кризисных условиях выхода Великобритании из ЕС – неэффективными и, напротив, стимулировали сепаратистские настроения в национальных регионах страны. **Вывод.** Сделан вывод о том, что только использование гибких форм взаимодействия и формирование новых инструментов партнерства позволило избежать сецессии регионов. Для этого потребовалась выработка новых правовых и политических инструментов взаимодействия и сотрудничества между центральной властью и местными элитами.

Ключевые слова

сецессия, автономия, Брекзит, ЕС, Великобритания, деволюция, Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия, конституционное право Великобритании

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418.

Для цитирования

Коданева С.И. Правовые последствия Брекзита для регионов Великобритании и теоретические основы правовых механизмов предотвращения сепарации // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 140-150. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150

Legal consequences of Brexit for UK regions and theoretical foundations of legal mechanisms for preventing secession

© Svetlana I. KODANEVA,

Candidate of Law, Leading Research Scholar, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 15/2 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8232-9533](https://orcid.org/0000-0002-8232-9533), kodanevas@gmail.com

Abstract

Introduction. The article shows that as the number of ethno-national conflicts increases in almost all parts of the world, secession processes are becoming more and more popular. At the same time, the legal and political mechanisms for preventing secession may differ radically depending on national characteristics. But even those mechanisms that have shown their effectiveness for a long period under certain (crisis) conditions stop working, forcing states to look for new tools to prevent secession of their regions. **The purpose and objectives of the study.** The purpose of the study is to study the experience of preventing secession of the national regions of the UK in the process of leaving the EU. It is argued that the strict instruments of limiting the autonomy of the regions were not only ineffective, but increased the risk of the collapse of the country. The task of analyzing changes in the regional policy of the United Kingdom in the Brexit process is set. **Methodology.** The methodological model of A. Liphart, the classical approach of A.V. Daisi to the definition of parliamentary sovereignty is used. General scientific methods of generalization and system analysis are also used. **The results of the study.** It is proved that tough tools to prevent secession in the crisis conditions of the UK's withdrawal from the EU proved ineffective and, on the contrary, stimulated separatist sentiments in the national regions of the country. **Conclusion.** It is concluded that only the use of flexible forms of interaction and the formation of new partnership instruments allowed to avoid secession of regions. This required the development of new legal and political instruments of interaction and cooperation between the central government and local elites.

Keywords

secession, autonomy, brexit, EU, UK, devolution, Wales, Scotland, Northern Ireland, UK constitutional law

Acknowledgements

The research is funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00418.

For citation

Kodaneva S.I. Pravovyye posledstviya Brekzita dlya regionov Velikobritanii i teoreticheskiye osnovy pravovykh mekhanizmov predotvrashcheniya setsessii [Legal consequences of Brexit for UK regions and theoretical foundations of legal mechanisms for preventing secession]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 140-150. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-140-150) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

В современном мире по мере обострения национально-этнических конфликтов процессы сепарации приобретают все большую популярность, становясь серьезной политической проблемой для многих госу-

дарств. Так, если в 1945 г. было 74 независимых государства, то в настоящее время их 195 [1, p. 17], и при этом все новые и новые регионы заявляют о своих правах на самоопределение. При этом еще в начале прошлого века не существовало международно-

правового регулирования вопросов сецессии и все зависело от способности нации отстаивать свой суверенитет. Однако и появление международного права не смягчило данную проблему, поскольку, как отмечает Э.Э. Хашина, оно само по себе является крайне противоречивым [2, с. 441].

Так, с одной стороны, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. установлено, что «все народы имеют право на самоопределение», «свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». С другой стороны, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., установлено, что «любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава» [3, с. 22].

Более того, как отмечает Г.Н. Андреева, сами государства демонстрируют двойные стандарты в отношении сецессии: с одной стороны, придают явно положительную коннотацию собственному обретению независимости, но, с другой стороны, крайне негативно относятся к возможности сецессии их собственных регионов. И здесь следует согласиться с выводами Г.Н. Андреевой о том, что такая позиция связана с незрелостью политических механизмов предотвращения сецессии [4, с. 17].

Действительно, жесткие запреты на отделение или выход региона из состава государства не будут эффективными сами по себе, если при этом национальное правительство не может создать инструменты диалога между центром и регионами и поиска взаимных компромиссов. Как отмечает Ю.В. Гинзбург, «Правовые механизмы предотвращения сецессии включают в себя разнообразные способы: от прямого конституционного запрета на отделение территорий (или закрепление в конституционных актах сложной формальной процедуры, которая не мо-

жет быть исполнена) до предоставления автономии и наделения более широкими правами во всех сферах общественной жизни при условии формального сохранения единства государства» [5, с. 23].

В этом контексте представляет интерес пример Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, которая на протяжении почти 20 лет для предотвращения сецессии национальных регионов использовала единственный механизм – расширение их автономии, не учитывая, что это формировало внутренне конституционное противоречие между основополагающим принципом парламентского суверенитета и убеждением региональных элит в том, что деволюция «укоренилась» в политической системе, подкреплённая многочисленными политическими соглашениями (конкордатами), сформировав, таким образом, политическую «территориальную конституцию» [6, р. 68].

Это привело к тому, что в кризисной ситуации, связанной с выходом Великобритании из ЕС, угроза сецессии Шотландии (и в меньшей степени Северной Ирландии) резко обострилась.

Настоящая статья посвящена анализу того, как Соединенному Королевству удалось предотвратить данную угрозу посредством выработки новых конституционных механизмов диалога между центральным правительством и регионами страны.

Методы

Целью настоящего исследования является анализ того, как удалось сохранить устойчивость конституционной системы Великобритании в кризисных условиях Брекзита и не допустить сецессии, грозившей не просто выходом отдельных регионов, но, фактически, распадом страны. При этом важным фактором является то, что Великобритания не имеет писаной конституции, поэтому основные (конституционные) принципы проистекают, прежде всего, из политического обычая, а вся конституционная модель строится на принципе парламентского суверенитета.

В качестве методологической основы использованы методы анализа распределения власти по горизонтали и вертикали, сформулированные А. Липхартом [7]. Сле-

дует оговориться, что методологическая модель А. Липхарта была построена для сравнительного межстранового анализа, однако, в данном исследовании методологические подходы А. Липхарта будут использованы применительно к анализу политических процессов в Великобритании, сопровождавших Брекзит. Также настоящее исследование опирается на классический подход к анализу содержания парламентского суверенитета, разработанный А.В. Дайси [8], в той части, в которой будет проводиться анализ соотношения парламентского суверенитета с сформировавшейся в последние десятилетия «территориальной конституцией».

Наконец, в исследовании использованы такие общенаучные методы, как методы обобщения и системного анализа общественных отношений, возникших в процессе выстраивания новой модели отношений между центральной властью и региональными автономиями в Великобритании.

Результаты

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания) покинуло ЕС 1 февраля 2020 г. Однако еще до этого стало очевидно, что 40-летнее членство в Союзе оказало существенное влияние на правовую систему страны. Очевидно, что в настоящее время ЕС – это глубоко интегрированное объединение с признаками конфедеративного и даже федеративного союза. Соответственно, правовые системы государств-членов также во многих областях унифицированы, и если для стран континентальной Европы этот процесс вполне вписывался в правовую модель (то есть осуществлялся посредством принятия национальных законов, которые инкорпорировали нормы права ЕС), то для Великобритании такая унификация была сопряжена с глубокой трансформацией ее правовой системы. Хотя Великобритания всегда находилась на особом положении, выторговав для себя ряд изъятий из общеевропейских правил, значительная часть полномочий (более 150) была передана на наднациональный (европейский) уровень. Кроме того, сама правовая, особенно конституционная система Великобритании постепенно изменялась, поэтому после референдума о членстве в ЕС 2016 г. встал вопрос о том, как обеспечить

нормальное функционирование правовой системы страны.

Брекзит поднял вопрос и конституционно-правового статуса автономии в Великобритании. В отсутствие писанной конституции статус автономных регионов закреплён в актах парламента страны, которые, в частности, определяют распределение полномочий между центральной властью и регионами. Это распределение носит ассиметричный характер, предоставляя разный уровень автономии разным регионам. Так, Шотландия имеет самый высокий уровень автономии в Европе [6, р. 63], который она получила в результате референдума 2014 г. и принятого после него Акта 2016 г. о Шотландии (Scotland Act 2016). Этот акт построен по принципу максимального разграничения сфер ответственности центра и региона с тем, чтобы они не пересекались. Соответственно, каждый уровень осуществляет «исключительную и неперекрывающуюся власть отдельных или разделённых уровней правления» [6, р. 72]. Уэльс традиционно обладает наименьшим объёмом автономии, и только Акт 2017 г. (Wales Act 2017) приблизил принятую для этого региона модель управления к шотландской, закрепив перечни переданных и зарезервированных полномочий. Одновременно в соответствии с конвенцией Сьюэла, закреплённой в обоих этих Актах, «парламент Великобритании обычно не будет издавать законы по переданным вопросам без согласия соответствующего регионального законодательного органа».

Если учитывать, что на протяжении более чем 20 лет автономия регионов постоянно расширялась, и правительство страны практически не препятствовало этому, возникла политическая и юридическая коллизия. С юридической точки зрения парламент Великобритании, исходя из принципа парламентского суверенитета, может в любой момент отменить принятые им акты о предоставлении автономии регионам страны. С политической точки зрения, использовавшийся на протяжении двух десятилетий подход «разрешительной автономии» позволил обеим сторонам (центру и регионам) развить различные представления о территориальной конституции Великобритании. Так, региональные администрации придержи-

живаются мнения, что сформировалась политическая «территориальная конституция», которая имеет большую юридическую силу, чем принцип парламентского суверенитета.

Брекзит высветил эту коллизию, во-первых, в силу того, что в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии большинство населения проголосовало за то, чтобы остаться в ЕС, и националистические партии впоследствии утверждали, что правительство страны не учитывало их интересы в процессе переговоров о выходе. Во-вторых, в силу того, что большинство полномочий, которые «вернулись» из ЕС, оказались в числе делегированных регионам сфер. При этом в билле 2018 г. о выходе из ЕС была предусмотрена норма о «замораживании» этих полномочий¹, которая вызвала бурную негативную реакцию региональных администраций, особенно Шотландии. Так, в декабре 2016 г. правительство Шотландии опубликовало документ под названием «Место Шотландии в Европе» (Scotland's Place in Europe) [9, p. 4], согласно которому предлагалось сохранить единый рынок между Шотландией и ЕС. Однако особые условия для Шотландии никогда серьезно не рассматривались, поскольку это прямо противоречило заявлению премьер-министра страны Т. Мэй о том, что «по мере того, как мы покидаем ЕС, не будут создаваться новые барьеры для жизни и ведения бизнеса в рамках нашего собственного Союза» [10, p. 963].

¹ Несмотря на возражения регионов, в части 9 статьи 12 Акта 2018 г. о выходе из Европейского союза была закреплена норма, которая предоставила министрам Короны по своему усмотрению отменять положения Акта 1998 г. о Шотландии, Акта 2006 г. о правительстве Уэльса и Акта 1998 г. о Северной Ирландии, содержащие перечни делегированных этим регионам полномочий, и, соответственно, вносить изменения в действующее законодательство, которое принято в соответствии с отмененными положениями указанных актов. При этом для смягчения этого положения было также закреплено, что министры Короны должны учитывать, что это является исключительной мерой временного характера, регулярно анализировать достигнутый прогресс в выработке соглашений с регионами, целесообразность сохранения отмены указанных выше положений о делегированных полномочиях и, при необходимости, заменять такую отмену другими мерами.

Часть 9 статьи 12 Акта 2018 г. о выходе из Европейского союза вступила в силу 4 июля 2018 г. и действует до сих пор, хотя ни разу не применялась.

Более того, правительство страны инициировало процедуру выхода без получения согласия регионов (что не соответствует конвенции Сьюэла). Поняв, что решение о запуске процедуры выхода из ЕС не будет согласовано с Шотландией, первый министр Шотландии Н. Стерджен объявила о своем намерении добиваться проведения референдума о независимости региона. Кроме того, правительство Шотландии совместно с правительством Уэльса присоединились к иску гражданкой активистки Дж. Миллер, обжаловавшей то, что процедура выхода из ЕС была запущена премьер-министром, а не парламентом страны, что, по ее мнению, нарушило принцип парламентского суверенитета. Регионы, в свою очередь, ссылались на нарушение конвенции Сьюэла².

Решение Верховного суда Великобритании по данному спору является весьма показательным, поскольку суд признал безусловный приоритет парламентского суверенитета над всеми остальными политическими соглашениями и обычаями, включая конвенцию Сьюэла.

Это продемонстрировало, что верховная власть страны готова отказаться от многолетнего опыта расширения автономии регионов как инструмента предотвращения сепарации. Во многом такое решение было вынужденным, поскольку сохранение за регионами полномочий во всех ранее переданных областях означало бы разрушение единого внутреннего рынка страны, а также невозможность выполнения международных обязательств страны.

Наконец, если ранее отношения между центральным правительством и регионами строились, как было отмечено выше, по принципу максимального разграничения полномочий, чтобы они практически не пересекались, теперь во многих областях такие пересечения становятся неизбежными. Например, разграничение между делегирован-

² Северная Ирландия практически не принимала участия в дебатах, развернувшихся вокруг Брексита в силу того, что в результате очередного конфликта между юнионистами и националистами работа Стормонта была приостановлена в 2017 г., хотя государственные служащие Северной Ирландии продолжали осуществлять рабочие контакты со своими коллегами из национального правительства.

ным регионам экологическим регулированием и техническими стандартами (зарезервированная компетенция) может быть нечетким в определенных контекстах (таких как продажа сигарет и др.) [9, р. 4].

При этом к проблеме «замороженных» полномочий регионов по тем вопросам, которые раньше регулировались ЕС, добавилась проблема, связанная с прекращением финансирования из Европейских структурных фондов, в частности, Европейского социального фонда (ESF) и Европейского фонда регионального развития (ERDF).

Их основными целями являются сокращение экономического и социального неравенства и содействие устойчивому развитию в менее богатых регионах ЕС. Развитие этих фондов проходило в рамках политики сплоченности ЕС, которая уделяет основное внимание здоровью регионов, входящих в состав государств-членов, а не самим государствам-членам.

Необходимо учитывать особенность процедур выделения этими фондами финансирования – только на условиях софинансирования со стороны национальных правительств, региональных органов власти, а также других социальных партнеров, таких как неправительственные организации. На практике это означало необходимость партнерства и диалога между властями всех трех уровней. К тому же сложившаяся в результате этого «асимметрия сотрудничества» позволила региональным властям получить инструмент влияния на политику собственного государства и приобрести вертикальные, прямые каналы связи с институтами ЕС [11, р. 97].

Наконец, выделение средств из ERDF осуществляется в рамках процесса стратегического программирования, который определяет виды инвестиций для конкретного государства-члена и/или региона с помощью так называемых Региональных оперативных программ (ROPS). Они включают тщательный социально-экономический анализ и детализацию основных стратегических приоритетов. Это также требует тесного сотрудничества представителей властей всех трех уровней, а также помогает региональным и местным органам власти определять

наиболее оптимальные траектории будущего социально-экономического развития.

Однако после выхода из ЕС регионы, во-первых, лишились этих источников финансирования, а, во-вторых, исчезли налаженные механизмы сотрудничества между местными органами власти, регионами и центром при выработке стратегий развития.

Обсуждение

Таким образом, правительство Великобритании столкнулось с ситуацией, когда ему потребовалось в крайне сжатые сроки найти достойную альтернативу существовавшим до выхода из ЕС политическим и финансовым инструментам противодействия сецессии национальных регионов страны, прежде всего, Шотландии, а также, потенциально, Северной Ирландии, которая могла либо пойти на отделение в случае появления границы между Великобританией и Республикой Ирландией, либо постепенно отдалиться от страны экономически (при создании таможенной границы между Великобританией и Северной Ирландией³).

Как известно, при урегулировании финансовых проблем отдельных регионов наиболее успешно и на долговременной основе задача предотвращения сецессии решается лишь при встраивании отдельного регионального механизма в целостную общенациональную систему финансового урегулирования [12, с. 5]. Это значит, что правительству Великобритании необходимо было сформировать именно такой единый общенациональный механизм. Так, некоторые ученые [13, р. 30] полагали в качестве альтернативы финансированию из структурных

³ Северо-ирландская проблема была основным препятствием при выработке и согласовании Соглашения о выходе Великобритании из ЕС, поскольку особенность положения Северной Ирландии создала неразрешимую дилемму. Белфастское соглашение прямо запрещает создание жесткой границы между Северной Ирландией и Ирландской Республикой. Однако сохранение «прозрачной» границы после выхода Великобритании из ЕС было возможно только при условии сохранения членства страны в Едином рынке или Таможенном союзе, что прямо противоречило целям Брекзита. Сохранение же единой таможенной зоны ЕС с Ирландией означало необходимость введения таможенных процедур для перемещения товаров между Северной Ирландией и остальной частью страны. Однако, в конечном итоге, именно этот второй вариант и был согласован.

фондов ЕС использовать уже существующие в Великобритании механизмы субсидирования отдельных отраслей.

Вместо этого в Акте 2020 г. о внутреннем рынке министрам Короны предоставлено право за счет выделенных парламентом средств предоставлять помощь в целях содействия экономическому развитию отдельных регионов или страны в целом, создание инфраструктуры, поддержку культурным и спортивным мероприятиям и проектам, а также образовательным обменам как внутри, так и за пределами страны⁴.

Однако точные условия и механизмы этих видов помощи непрозрачны, а механизмы ее предоставления достаточно сложны в реализации, в то время как финансирование, выделяемое из структурных фондов ЕС, распределяется исходя из прозрачного критерия – доход на душу населения по сравнению со средним показателем по ЕС. Кроме того, что более важно, любой из указанных вариантов исключает инструменты партнерства между национальным и региональным уровнями власти при разработке стратегий развития последних.

В результате правительство Б. Джонсона заявило о своей приверженности политике «выравнивания» [14] как способу решения пространственных и социальных диспропорций. В октябре 2021 г. правительство основало Фонд выравнивания уровня развития регионов Великобритании (Levelling Up Fund) в размере 4,8 млрд фунтов стерлингов. Распределение субсидий к 2024–2025 гг. будет следующим: Англии предоставят 4 млрд фунтов стерлингов, Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии – 800 тыс. фунтов стерлингов. Также было анонсировано создание Фонда возрождения местных сообществ (Community Renewal Fund) в 2022 г. в размере 220 млн фунтов стерлингов, который частично заменит программу регионального финансирования ЕС.

Кроме того, еще в предвыборном манифесте Консервативной партии 2017 г. было заявлено, что она планирует основать Фонд всеобщего процветания Соединенного Ко-

ролевства (United Kingdom Shared Prosperity Fund). Конкретные сведения о планируемом периоде его функционирования и объеме финансирования впервые появились только в октябре 2021 г., когда Казначейство опубликовало обзор государственного бюджета. Было заявлено, что фонд аккумулирует 2,6 млрд фунтов стерлингов, которые будут выделены регионам в 2022–2025 гг. [15, с. 107].

Что же касается разграничения полномочий между центром и регионами, то, прежде всего, следует отметить, что правительство страны так и не реализовало свое право «заморозки» региональных полномочий. Более того, 25 января 2022 г. оно представило в парламент страны законопроект, отменяющий часть 9 статьи 12 Акта 2018 г. о выходе из Европейского союза (European Union (Withdrawal) Act 2018), которая и предоставила ему это право⁵. Однако это потребовало формирования принципиально новых механизмов взаимодействия и согласования принимаемых решений между правительством страны и регионами по трем ключевым направлениям: формирование общих правовых рамок в отношении переданных полномочий, которые бы гарантировали, с одной стороны, достаточный уровень самоуправления, с другой стороны, достаточный уровень единообразия; формирование институтов для взаимодействия и управления в тех областях, которые будут пересекаться; разработка, ратификация и реализация новых международных соглашений.

В настоящее время разрабатываются «Общие рамки» Великобритании (Common Frameworks), которые обеспечивают согласованный общий подход к областям политики, которые до окончания переходного периода (31 декабря 2020 г.) регулировались законодательством ЕС и относятся к делегированной компетенции регионов.

Суть данного механизма заключается в том, что представители правительства Великобритании и администраций Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии совместно вырабатывают некие общие правила в определенных областях, при этом регионы сохра-

⁴ Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/27/contents> (дата обращения: 19.03.2022).

⁵ UK Common Frameworks. URL: www.gov.uk/government/publications/the-european-union-withdrawal-act-and-common-frameworks-26-september-to-25-december-2021/ (accessed: 19.03.2022).

няют право самостоятельно определять, как реализовывать эти правила. Таким образом, «общие рамки» допускают определенную степень расхождения в региональной политике внутри Великобритании, но, в то же время, способствуют согласованным подходам между регионами, если те решат, что такая согласованность принесет пользу.

Совместный комитет министров (по переговорам с ЕС) (Joint Ministerial Committee (European Negotiations) (JMC(EN))) в октябре 2017 г. приступил к разработке Общих рамок, основываясь на следующих принципах⁶.

Во-первых, «Общие рамки» создаются там, где это необходимо для обеспечения функционирования внутреннего рынка Великобритании; соблюдения международных обязательств; обеспечения для Великобритании возможности ведения переговоров, заключения и осуществления новых торговых соглашений и международных договоров; обеспечение управления общими ресурсами, безопасности страны, администрирования и доступа к правосудию по делам, затрагивающим несколько регионов.

Во-вторых, «Общие рамки» основаны на признании делегированных полномочий, на установленных соглашениях (конкордатах⁷) и сложившейся практике. Это обеспечивает достаточную гибкость регулирования для адаптации его к конкретным потребностям каждого региона, как это позволяли делать

правила ЕС. Компетенция региональных администраций не будет изменяться без их согласия, наоборот, полномочия региональных администраций по принятию решений значительно расширяются.

В-третьих, «Общие рамки» основаны на признании экономических и социальных связей между Северной Ирландией и Ирландией и учитывают Белфастское соглашение.

Первоначальный анализ выявил 154 области политики, которые возвращены из ЕС и затрагивают компетенцию регионов. Первоначально также предполагалось, что большая часть этих полномочий потребует принятия как минимум вторичного законодательства на национальном уровне. Однако по мере проработки и в ходе обсуждений и согласований (которые продолжаются по сей день) Совместный комитет министров (по переговорам с ЕС) (JMC(EN)) пришел к заключению, что таких областей политики 152 и разделил их на три категории⁸: 1) области, где не требуется разработка «Общих рамок» и где правительство страны и региональные администрации продолжают сотрудничать (всего таких областей 120); 2) области, где потребуются выработка «Общих рамок» – предполагается, что эти «Общие рамки» будут закреплены в конкордатах (либо путем обмена письмами между профильными министрами) и/или, при необходимости, подкреплены вторичным законодательством (таких областей 29); 3) области, где потребуются принятие первичного законодательства (их всего 3, это: Европейская система торговли выбросами углекислого газа, поддержка сельского хозяйства и политика в области рыболовства), а также две области, которые признаются «зарезервированными» за правительством страны (географические наименования, обмен данными в рамках Eurodac).

Таким образом, согласовано, что есть 32 области, где необходимы «Общие рамки» (из них 3, требующие принятия первичного законодательства, и 29, не требующие его

⁶ UK Common Frameworks. URL: www.gov.uk/government/collections/uk-common-frameworks (accessed: 30.02.2022).

⁷ В правовой системе Великобритании конкордаты – политические соглашения – выступают неписаным источником права. В частности, с помощью конкордатов зафиксированы многие правила взаимодействия между национальным правительством и правительствами регионов, не нашедшие отражения и закрепления в юридических актах. Так, процесс выработки «Общих рамок» осложняется тем, что формально большинство полномочий ранее уже были переданы регионам, что закреплено в соответствующих законодательных актах. Соответственно, для того чтобы принимать единое обязательное для всех регионов законодательство по этим вопросам, правительство должно вернуть себе соответствующие полномочия, что может грозить усилением националистических настроений и повышать риски сецессии. Поэтому политические соглашения (конкордаты) являются наиболее приемлемой формой придания юридической силы выработанным и согласованным всеми регионами «Общим рамкам».

⁸ Frameworks Analysis 2021 Breakdown of areas of EU law that intersect with devolved competence in Scotland, Wales and Northern Ireland. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1031808/UK_Common_Frameworks_Analysis_2021.pdf (accessed: 19.03.2022).

принятия). В некоторых случаях области могут включать как зарезервированные за центром полномочия, так и переданные регионам (например, если необходимо установление технических стандартов, вытекающих из права ЕС).

На момент написания статьи все необходимые нормативные акты уже приняты, а сами «Общие рамки» все еще проходят процедуру согласования, после окончания которой они станут новыми политическими соглашениями (конкордатами), заключенными между национальным правительством и правительствами трех регионов – Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

Следует отметить, что выход из ЕС не только повлек необходимость масштабного изменения действующего законодательства, но и создал возможности для принятия новых законов, установления собственного правового регулирования в ряде областей. Одной из таких сфер является охрана окружающей среды. Формально эта область относится к делегированным полномочиям, и в соответствии с указанным выше делением общие рамки требуются только для отдельных областей (например, утилизация отходов или системы торговли выбросами), в то время как стандарты качества воды, общие требования к земледелию и лесоводству и т. д. оказались в числе вопросов, которые не предполагают разработку и принятие общих рамок. Однако это не помешало принять Акт 2021 г. об окружающей среде (Environment Act 2021)⁹, который призван максимально использовать возможности, создаваемые выходом из ЕС, и установить новые амбициозные внутренние рамки для экологического управления. Соответственно, предусмотрено установление общих политических принципов, которыми должны будут руководствоваться все регионы страны. Парламент страны по предложению Государственного секретаря утверждает «Заявление о политике по экологическим требованиям», которым должны руководствоваться все министры правительства, принимая решения. Однако за Государственным

секретарем сохраняется право делать исключения из Заявления (через процедуру одобрения в парламенте), то есть определять те области, на которые экологические принципы не распространяются (например, оборона, национальная безопасность и налогообложение). Создается новый независимый орган – Управление по охране окружающей среды, который будет привлекать органы исполнительной власти к ответственности за соблюдение экологического законодательства после выхода Великобритании из ЕС.

Заключение

В политической риторике, сопровождавшей процесс Брекзита, а также в богатой научной литературе по данной проблематике постоянно подчеркивалось, что более мягкая модель выхода Великобритании из ЕС, которая бы позволила сохранить более тесные экономические связи между Островом и Континентом, позволила бы сделать процесс Брекзита менее болезненным и экономически ущербным, в том числе и более гладким с точки зрения внутренней региональной политики. Аналогичный подход к конституционным и договорным урегулированиям различных переходных статусов для сецессионистки настроенных регионов мог бы использоваться и для предотвращения обвальной и влекущей массу негативных политических, правовых и экономических последствий сецессий таких регионов в унитарных государствах с особыми автономными образованиями и федеративных государствах [2, с. 448].

Вторая сторона вопроса в контексте темы исследования состоит в том, что в процессе Брекзита не был в достаточной степени проработан вопрос о создании механизмов предотвращения сецессии в отношении регионов, которые проголосовали против выхода из Евросоюза. Напротив, особенно на первом этапе процесса выхода, правительство заняло довольно жесткую центристскую позицию, были проигнорированы многие их существенные для регионов требования, и тем самым действия центра в определенной мере даже стимулировали сепаратистские настроения, что заставило многих исследователей активно обсуждать перспективы выхода Шотландии и, потенциально, Северной Ирландии из состава Со-

⁹ Официальный портал правовой информации Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/30/contents/enacted> (дата обращения: 30.02.2022).

единенного Королевства. Этот пример свидетельствует о том, что при сецессии региона может возникнуть «эффект матрешки», когда часть населения этого региона будет ущемлена в правах и также будет стремиться к отделению (возможно, с целью возвращения в прежнее государство).

Проведенный анализ организационно-правовых механизмов и правовых актов, призванных урегулировать вопросы, связанные с осуществлением выхода из ЕС и последствиями этого выхода для правовой системы Великобритании, особенно в части определения статуса и компетенции ее авто-

номных регионов, свидетельствует об огромной сложности и длительности этого процесса.

При этом в целях формирования дополнительных правовых механизмов предотвращения сецессии, дезинтеграции и обострения региональных проблем внутри государств требуется выработка новых, еще более гибких и учитывающих исторические традиции и национальные особенности регионов, правовых и политических инструментов взаимодействия и сотрудничества между центральной властью и местными элитами.

Список источников

1. Miro D., Woertz E. (eds.) *Secession and Counter-secession an International Relations Perspective*. Barcelona: CIDOB, 2018. 108 p. URL: www.cidob.org/en/publications/publication_series/monographs/monographs/secession_and_counter_secession_an_international_relations_perspective (accessed: 19.02.2022).
2. Хащина Э.Э. Значение правовых позиций международных и внутригосударственных органов для предотвращения сецессии: теоретико-исторический анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 438-453. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453)
3. Андреева Г.Н., Хащина Э.Э. Международно-правовые механизмы предотвращения сецессии // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 21-24. DOI [10.18572/1812-3910-2021-6-21-24](https://doi.org/10.18572/1812-3910-2021-6-21-24)
4. Андреева Г.Н. Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 6-22. DOI [10.23932/2542-0240-2021-14-1-1](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-1)
5. Гинзбург Ю.В. Автономия как способ предотвращения сецессии: опыт Гренландии (историко-юридический аспект) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2021. № 3. С. 22-30.
6. Tierney S. The territorial constitution and the Brexit process // *Current Legal Problems*. 2019. Vol. 72. № 1. P. 59-83. DOI [10.1093/clp/cuz007](https://doi.org/10.1093/clp/cuz007)
7. Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries* (2nd edn). New Haven; London: Yale University Press, 2012. 368 p.
8. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis, Indiana: Liberty Fund Inc., 1982. 584 p. URL: files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf (accessed: 19.02.2022).
9. Reid C.T. Brexit and the devolution dynamics // *Environmental Law Review*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 3-5. DOI [10.1177/1461452917693337](https://doi.org/10.1177/1461452917693337)
10. McHarg A. Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis // *International Journal of Constitution Law*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 952-968. DOI [10.1093/icon/moy068](https://doi.org/10.1093/icon/moy068)
11. Bell D.N.F. Regional aid policies after Brexit // *Oxford Review of Economic Policy*. 2017. Vol. 33. № 1. P. 91-104. DOI [10.1093/oxrep/grx019](https://doi.org/10.1093/oxrep/grx019)
12. Андреева Г.Н., Гинзбург Ю.В. Проблемы правового регулирования финансовых вопросов предотвращения сецессии в контексте территориального устройства // *Финансовое право*. 2020. № 12. С. 3-6. DOI [10.18572/1813-1220-2020-12-3-6](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-12-3-6)
13. Giordano B. Post-Brexit regional economic development policy in the UK? Some enduring lessons from European Union Cohesion Policy // *European Urban and Regional Studies*. 2021. Vol. 28. № 1. P. 26-33. DOI [10.1177/0969776420970624](https://doi.org/10.1177/0969776420970624).
14. Cavendish. C Boris Johnson's 'levelling up' agenda depends on devolving power // *The Financial Times*. 2020. March 7. URL: www.ft.com/content/db51cd3c-5f05-11ea-8033-fa40a0d65a98 (accessed: 19.02.2022).
15. Охошин О.В. Последствия Брекзита для Уэльса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 104-111. DOI [10.15211/vestnikieran62021104111](https://doi.org/10.15211/vestnikieran62021104111)

References

1. Miro D., Woertz E. (eds.) *Secession and Counter-secession an International Relations Perspective*. Barcelona, CIDOB Publ., 2018, 108 p. Available at: www.cidob.org/en/publications/publication_series/monographs/monographs/secession_and_counter_secession_an_international_relations_perspective (accessed 19.02.2022).
2. Khashchina E.E. Znachenije pravovykh pozitsiy mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh organov dlya predotvrashcheniya setsessii: teoretiko-istoricheskiy analiz [Significance of legal positions of international and domestic bodies for prevention of secession: theoretical-historical analysis]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 19, pp. 438-453. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-19-438-453). (In Russian).
3. Andreyeva G.N., Khashchina E.E. Mezhdunarodno-pravovyye mekhanizmy predotvrashcheniya setsessii [International legal mechanisms to prevent secession]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo [International Public and Private Law]*, 2021, no. 6, pp. 21-24. DOI [10.18572/1812-3910-2021-6-21-24](https://doi.org/10.18572/1812-3910-2021-6-21-24). (In Russian).
4. Andreyeva G.N. Dvoynnye standarty v otnoshenii sovremennykh gosudarstv k setsessii: pravovoy aspekt [Double standards in the attitude of modern states to secession: legal aspect]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 6-22. DOI [10.23932/2542-0240-2021-14-1-1](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-1). (In Russian).
5. Ginzburg Y.V. Avtonomiya kak sposob predotvrashcheniya setsessii: opyt Grenlandii (istoriko-yuridicheskiy aspekt) [Autonomy as a way to prevent secession: Greenland's experience (historical and legal aspect)]. *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs – Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, 2021, no. 3, pp. 22-30. (In Russian).
6. Tierney S. The territorial constitution and the Brexit process. *Current Legal Problems*, 2019, vol. 72, no. 1, pp. 59-83. DOI [10.1093/clp/cuz007](https://doi.org/10.1093/clp/cuz007)
7. Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven, London, Yale University Press, 2012, 368 p.
8. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis, Indiana, Liberty Fund Inc., 1982, 584 p. Available at: files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf (accessed 19.02.2022).
9. Reid S.T. Brexit and the devolution dynamics. *Environmental Law Review*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 3-5. DOI [10.1177/1461452917693337](https://doi.org/10.1177/1461452917693337)
10. McHarg A. Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis. *International Journal of Constitution Law*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 952-968. DOI [10.1093/icon/moy068](https://doi.org/10.1093/icon/moy068)
11. Bell D.N.F. Regional aid policies after Brexit. *Oxford Review of Economic Policy*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 91-104. DOI [10.1093/oxrep/grx019](https://doi.org/10.1093/oxrep/grx019)
12. Andreyeva G.N., Ginzburg Y.V. Problemy pravovogo regulirovaniya finansovykh voprosov predotvrashcheniya setsessii v kontekste territorial'nogo ustroystva [Problems of legal regulation of financial issues of secession prevention in the context of territorial structure]. *Finansovoye pravo [Financial Right]*, 2020, no. 12, pp. 3-6. DOI [10.18572/1813-1220-2020-12-3-6](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-12-3-6). (In Russian).
13. Giordano B. Post-Brexit regional economic development policy in the UK? Some enduring lessons from European Union Cohesion Policy. *European Urban and Regional Studies*, 2021, vol. 28, no. 1, pp. 26-33. DOI [10.1177/0969776420970624](https://doi.org/10.1177/0969776420970624)
14. Cavendish. C Boris Johnson's 'levelling up' agenda depends on devolving power. *The Financial Times*, 2020, March 7. Available at: www.ft.com/content/db51cd3c-5f05-11ea-8033-fa40a0d65a98 (accessed 19.02.2022).
15. Okhoshin O.V. Posledstviya Brekzita dlya Uel'sa [The Consequences of Brexit for Wales]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN – Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, 2021, no. 6, pp. 104-111. DOI [10.15211/vestnikieran62021104111](https://doi.org/10.15211/vestnikieran62021104111). (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.231.14

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157

Шифр научной специальности 5.1.1

Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве

© КОЛОСОВА Татьяна Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 600017 г. Владимир, ул. Горького, 59а, ORCID: [0000-0001-7774-2991](https://orcid.org/0000-0001-7774-2991), SPIN-код [8793-7341](https://eas.informatica.ro/spin.php?pin=8793-7341), РИНЦ AuthorID [1051415](https://elibrary.ru/authors/1051415), tat1892@yandex.ru

Аннотация

Цифровизация всех сфер жизни общества и государства актуализировала проблемы, возникающие при реализации государством его охранительной функции в сфере защиты прав человека. Особая значимость указанных вопросов обусловлена закреплением в Конституции Российской Федерации обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных в качестве самостоятельного предмета ведения Российской Федерации в области обороны и безопасности. Целью настоящего исследования явилось обоснование гипотезы о необходимости принятия государством системных мер, направленных на обеспечение цифровой безопасности личности, общества и государства. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания рассматриваемых социально-правовых явлений. Кроме того, при написании статьи применялись: логический метод, который использовался при определении последовательности изложения материала и формулировании выводов, метод системного анализа, метод моделирования, структурно-функциональный метод, а также метод обращения к выводам теории прав человека. Проанализированы основные направления реализации охранительной функции государства в указанной сфере, к которым автор относит: обеспечение сохранности персональных данных граждан, полученных в результате информационного обмена, и исключение их использования в противоправных целях; соблюдение трудовых и других социальных прав граждан в условиях вовлечения их в новые цифровые формы экономической деятельности, в частности, при взаимодействии с цифровыми платформами; поэтапное и разумное введение цифрового документооборота с сохранением его традиционных форм; обеспечение цифрового суверенитета государства и принятие мер по недопущению использования цифрового информационного пространства для дискриминации российских граждан, дезинформации и деструктивной деятельности. Обоснована необходимость конкретных мер, которые государство может и должно предпринять в рамках реализации его охранительной функции по нейтрализации и снижению рисков в сфере обеспечения и защиты прав человека в цифровом пространстве. Результаты проведенного исследования могут найти свое применение в нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере реализации государственной политики по обеспечению цифровой безопасности, а также в дальнейших научных исследованиях в указанной области права.

Ключевые слова

права человека, цифровизация, цифровые права, цифровой суверенитет, охранительная функция государства

Для цитирования

Колосова Т.Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 151-157. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157)

Problems of implementation of the state protective function in the field of human rights protection in the digital space

© Tatiana E. KOLOSOVA,

Senior Lecturer of the Civil Law Disciplines Department, Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 59a Gor'kogo St., Vladimir 600017, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7774-2991](https://orcid.org/0000-0001-7774-2991), SPIN-code [8793-7341](https://elibrary.ru/spin-code/8793-7341), RSCI AuthorID [1051415](https://elibrary.ru/author-profile/1051415), tat1892@yandex.ru

Abstract

Digitalization of all spheres of life of society and the state has actualized the problems that arise when the state implements its protective function in the field of human rights protection in conditions. The special significance of these issues is due to the consolidation in the Constitution of the Russian Federation of ensuring the security of the individual, society and the state in the application of information technologies, the circulation of digital data as an independent subject of the Russian Federation in the field of defense and security. The purpose of this study was to substantiate the hypothesis of the need for the state to take systemic measures aimed at ensuring the digital security of the individual, society and the state. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of the considered socio-legal phenomena. In addition, when writing the article, the following methods were used: the logical method used in determining the sequence of presentation of the material and the formulation of conclusions, the method of system analysis, the method of modeling, the structural and functional method, as well as the method of referring to the conclusions of the theory of human rights. The paper analyzes the main directions of the implementation of the protective function of the state in this area, to which the author refers: ensuring the safety of personal data of citizens obtained as a result of information exchange, and the exclusion of their use for illegal purposes; compliance with labor and other social rights of citizens in the conditions of their involvement in new digital forms of economic activity, in particular, when interaction with digital platforms; gradual and reasonable introduction of digital document management while preserving its traditional forms; ensuring the digital sovereignty of the state and taking measures to prevent the use of the digital information space for discrimination against Russian citizens, disinformation and destructive activities. The author substantiates the need for specific measures that the state can and should take as part of the implementation of its protective function to neutralize and reduce risks in the field of ensuring and protecting human rights in the digital space. The results of the conducted research can be applied in standard-setting and law enforcement activities in the field of implementation of the state policy on ensuring digital security, as well as in further scientific research in this area of law.

Keywords

Human rights, digitalization, digital rights, digital sovereignty, the protective function of the state

For citation

Kolosova T.E. Problemy realizatsii okhranitel'noy funktsii gosudarstva v sfere zashchity prav cheloveka v tsifrovom prostranstve [Problems of implementation of the state protective function in the field of human rights protection in the digital space]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 151-157. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-151-157) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение (постановка проблемы)

Вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обращении цифровых данных на протяжении длительного времени привлекают внимание как специалистов, так и широкой общественности. Очевидно, что использование цифровых технологий, глобальный информационный обмен наряду с положительным, общественно полезным эффектом зачастую формирует и серьезные риски для общества и государства, приводит к нарушению прав граждан.

Как отмечается в литературе, в условиях превращения информации в товар в сферу такого товарообмена неизбежно вовлекаются персональные данные и сведения о частной жизни, утрачивается или становится небезупречной сетевая нейтральность, возрастают проблемы кибербезопасности, совместности и защиты конкуренции, да и просто обеспечения в обществе социальной справедливости [1, с. 97].

Приход «цифры» в нашу жизнь неизбежно затронул право и законодательство [2, с. 6]. Впервые в нашей стране комплексное правовое урегулирование вопросы цифровой безопасности получили в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹. Однако уровень их значимости в настоящее время настолько возрос, что они нашли отражение при работе над изменениями и дополнениями в Конституцию России [3].

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² пункт «м» статьи 71 Конституции, очерчивающий предмет ведения Российской Федерации в области обороны и безопасности, был дополнен указанием на то, что в предмет ведения государства в указанной сфере включено обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

¹ Российская газета. 2006. 29 июля.

² Российская газета. 2020. 16 марта.

Переоценить значимость указанного решения вряд ли возможно, поскольку риски для граждан с точки зрения прав человека, связанные с цифровизацией, развитием информационных технологий и их проникновением во все сферы жизни человека, с каждым годом неизменно повышаются, и, соответственно, актуализируется вопрос их снижения, повышения уровня технологической и юридической защиты цифровых данных, а также роли в этом государства [4, с. 57].

С учетом изложенного, чрезвычайно важным направлением реализации охранительной функции современного российского государства является обеспечение «цифровой» безопасности граждан, а также защита их прав в цифровом пространстве.

Результаты исследования

В современной юридической литературе под охранительной функцией государства понимают публично-властную деятельность государства, обусловленную его сущностью, проявляющую его ценность и социальное назначение, осуществляемую в целях предотвращения и нейтрализации угроз безопасности общества [5, с. 13-14].

При этом не вызывает никаких сомнений, что одним из ключевых компонентов в структуре указанной функции государства является охрана и защита прав и свобод личности.

Учитывая, что процессы цифровизации проникают абсолютно во все сферы социальных отношений, в современной литературе в качестве относительно обособленной группы прав человека все чаще выделяют «цифровые» права, под которыми понимают права человека, связанные с использованием современных цифровых технологий и функционированием в цифровой среде [6, с. 12-13].

К ключевым «цифровым» правам граждан следует отнести право на доступ к сети Интернет, которое, в свою очередь, складывается из права на свободный доступ к содержащейся в ней информации, а также права на обеспечение необходимой для этого инфраструктурой и информационно-коммуникационными технологиями; право на неприкосновенность персональных данных, предоставляемых, передаваемых и хранящихся в цифровой форме, право на защиту от кибератак, право на «цифровое забвение».

В настоящей работе мы попытаемся обозначить основные риски, с которыми сталкивается государство, реализуя охранительную функцию в сфере обеспечения прав и свобод человека в цифровой сфере, а также наметить основные направления их нейтрализации.

Одним из главных рисков в указанной сфере, с которыми столкнулся современный мир вообще и Россия в частности, является неконтролируемый сбор информации о гражданах, которые в условиях тотальной цифровизации неизбежно становятся участниками информационного обмена. Так, современные технологии позволяют в кратчайшие сроки аккумулировать и анализировать колоссальные объемы информации, касающиеся абсолютно всех сфер жизни человека: места проживания, работы, маршрутов передвижения, социальных связей, финансовых активов, склонностей и взглядов, состояния здоровья, биометрических данных и т. д.

Очевидно, что в случае бесконтрольного обращения указанные массивы данных могут быть использованы в абсолютно любых целях. Самая безобидная из них – персонализированная реклама, навязывание товаров и услуг на основе выявленных личных предпочтений. При этом, разумеется, субъекты экономической деятельности, использующие указанные данные, руководствуются отнюдь не интересами и благополучием граждан-потребителей, а преследуют исключительную цель получения максимальной прибыли.

В то же время все чаще имеют место факты использования таких данных в криминальных целях, при совершении, прежде всего, корыстных преступлений, связанных с хищением денежных средств, находящихся на банковских счетах граждан, обслуживаемых электронным способом. Так, согласно экспертным данным, только за 2021 г. ущерб от так называемых «киберпреступлений» составил 90 млрд рублей³.

Наряду с посягательствами на имущественные права граждан, собранные цифровые

данные активно используются и для других противоправных действий – цифровой дискриминации, нарушения неприкосновенности частной жизни, посягательств на половую свободу и неприкосновенность, в том числе несовершеннолетних, деятельности деструктивных сект и сообществ и т. д.

При этом в литературе обоснованно отмечается, что регулирование государством исключительно сбора данных не сможет остановить получение и применение персональных данных для манипуляции и цифровой дискриминации. Необходима четко выработанная государственная политика по регламентации способов использования «чувствительных» типов персональных данных, например, запрет на использование любых данных о болезнях, психических отклонениях, беременности, личных семейных и родственных обстоятельствах, запрет на любой анализ поведения и использование личных данных несовершеннолетних и т. д.

Обоснованные опасения вызывают и процессы так называемой «уберизации» (от наименования фирмы “Uber”) экономики, которые состоят в том, что работник, который с точки зрения трудового законодательства выступает в роли свободного агента, самозанятого, вступает в фактические трудовые отношения не с конкретным работодателем, а с определенной цифровой платформой, которая по существу выступает лишь информационным посредником между заказчиками и поставщиками услуг. Подобная система создает колоссальные риски нарушения трудовых прав граждан, по сути, полностью лишая работников, вовлеченных в подобные экономические отношения, социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством.

С учетом изложенного полагаем, что в рамках реализации охранительной функции государства законодателю следует предпринять безотлагательные меры по внесению изменений в трудовое законодательство, направленных на урегулирование отношений работников с информационными посредниками в целях обеспечения трудовых прав и социальных гарантий граждан, занятых в указанной сфере.

Заслуживает упоминания и проблема тотальной цифровизации документооборота

³ Эксперт оценил ущерб от киберпреступлений в России в 2021 году. URL: <https://ria.ru/20211222/kiberprestupleniya-1764832102.html> (дата обращения: 18.02.2022).

и, особенно, личных документов граждан, предоставляющих либо подтверждающих их права. У нас не вызывает сомнений тот факт, что человечество рано или поздно придет к полному отказу от изготовления документов на материальных носителях, однако, мы также убеждены и в том, что существующий в настоящее время уровень защиты цифровых данных не позволяет принять такое решение не только незамедлительно, но и в обозримом будущем. Обусловлено это целым рядом факторов. Во-первых, легкостью тиражирования и фальсификации электронных документов, что существенно увеличит возможность их использования в вышеприведенных противоправных целях. Во-вторых, как программная, так и материальная составляющие электронных хранилищ информации на данный момент не обладают необходимым уровнем долговечности и надежности. Так, существующие физические носители цифровой информации крайне недолговечны и редко служат дольше 10–15 лет, в то время как программы обработки и хранения информации обновляются еще быстрее. Что же касается «облачных» технологий, за которыми, безусловно, будущее, то и они в настоящее время далеко несовершенны. При этом с учетом складывающейся в последние годы геополитической обстановки следует учитывать, что подавляющее большинство дата-центров, обеспечивающих хранение таких данных, расположены за пределами нашей страны, что, в случае неблагоприятного развития международной обстановки, может привести к полной утрате доступа к ним российских обладателей и пользователей хранящейся в них информации.

С учетом изложенного, на современном этапе нам представляются разумными предложения по обязательному сохранению в среднесрочной перспективе «гибридного» электронно-бумажного хранения и оборота документов, особенно в части документов, содержащих персональные данные граждан, с признанием подлинником таких документов исключительно их исполнения на материальном носителе.

Наконец, наиболее острой и актуальной в условиях все нарастающего санкционного давления на нашу страну и все обостряющейся внешнеполитической обстановки ста-

новится проблема обеспечения национального цифрового суверенитета, под которым понимают исключительную прерогативу государств самостоятельно и независимо определять внутренние и внешние интересы в цифровой сфере и проводить соответствующую информационную политику; распоряжаться национальными информационными ресурсами и формировать собственную инфраструктуру информационного пространства; гарантировать электронную и информационную безопасность российских граждан, общества и государства. При этом в качестве необходимых средств достижения такого рода суверенитета может быть рекомендовано создание соответствующих регулятивных механизмов, прежде всего, национальных технических стандартов и специального правового режима, создание и использование защищенных от внешнего воздействия аппаратных и программных средств связи отечественного производства, в том числе создание отечественной системы дата-центров, а также способов доведения информации до конечного потребителя, государственно-частное партнерство, которое особенно важно для контроля над сбором, обработкой, хранением и использованием больших массивов данных отечественных пользователей. Кроме того, важнейшей составляющей цифрового суверенитета государства, который бы обеспечивал соблюдение соответствующих прав российских граждан, должно стать создание эффективного механизма «очистки» внутренней виртуальной среды от нежелательной или вредоносной информации, а также инструментов противодействия интегрированным в импортируемый информационный продукт враждебным социально-политическим, историческим, религиозным, нравственно-культурным и другим идеологическим установкам⁴.

Особую тревогу вызывает все возрастающее влияние транснациональных цифровых корпораций, которые в своей деятельности преследуют не только экономические, но и, зачастую, политические цели, связан-

⁴ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2021. С. 49–50.

ные с оказанием идеологического воздействия на население различных государств в целях изменения их мировоззрения, системы ценностей и, в итоге, приведение к власти лояльных им политических сил. Так, крупнейшие зарубежные глобальные цифровые платформы и социальные сети, оперирующие в нашей стране, – Google, Meta** (признана в России экстремистской организацией и запрещена) (Facebook* (социальная сеть, признанная экстремистской и запрещенная на территории Российской Федерации)), Twitter, Instagram* (социальная сеть, признанная экстремистской и запрещенная на территории Российской Федерации), TikTok, YouTube все чаще становятся инструментом деструктивного идеологического воздействия на российских граждан, доведения до них недостоверной информации, а также дискредитации нашей страны и ее граждан в глазах мирового сообщества.

Подобные вопиющие действия являются несомненным открытым посягательством на цифровой суверенитет нашей страны и требуют незамедлительного применения ответных мер со стороны государства в рамках реализации его охранительной функции.

Так, в ответ на беспрецедентные действия компания Meta** (признана в России экстремистской организацией и запрещена), которая в свете проводимой Российской Федерацией специальной военной операции в связи с ситуацией в Луганской Народной Республике и Донецкой Народной Республике разрешила призывы к насилию в социальных сетях Facebook* и Instagram* (социальные сети, признанные экстремистскими и запрещенные на территории Российской Федерации) в отношении российских граждан, Роскомнадзор принял решение об ограничении доступа к социальной сети Instagram* (социальная сеть, признанная экстремистской и запрещенная на территории Российской Федерации)⁵.

Указанные меры, принимаемые государством, в определенной степени ограничивают «цифровые» права граждан – пользователей указанной социальной сети, одна-

ко, безусловно, являются соразмерными и необходимыми в целях обеспечения безопасности государства, общества, а также права российских граждан на защиту от дискриминации. Более того, полагаем, что в условиях информационной войны, которая по существу была развязана в отношении нашей страны со стороны США и ряда примкнувших к ним государств, подобные меры должны стать системными, а основания и порядок их применения должны получить четкое урегулирование на законодательном уровне.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что на сегодняшнем сложнейшем этапе развития российского государства в условиях проникновения процессов цифровизации во все сферы жизнедеятельности общества одним из ключевых направлений реализации охранительной функции государства становится принятие исчерпывающих мер, направленных на обеспечение прав человека в цифровом пространстве. Полагаем, что основными точками приложения государством таких усилий должны стать обеспечение сохранности персональных данных граждан, полученных в результате информационного обмена, и исключение их использования в противоправных целях; соблюдение трудовых и других социальных прав граждан в условиях вовлечения их в новые цифровые формы экономической деятельности; поэтапное и разумное введение цифрового документооборота с сохранением его традиционных форм; обеспечение цифрового суверенитета государства и принятие мер по недопущению использования цифрового информационного пространства для дискриминации российских граждан, дезинформации и деструктивной деятельности. При этом, учитывая взрывные темпы развития процессов цифровизации, не вызывает сомнений тот факт, что проблематика их воздействия на сферу прав человека призвана стать важнейшим направлением научного поиска в области права.

⁵ Об ограничении доступа к социальной сети Instagram*. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm> (дата обращения: 18.03.2022).

Список источников

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. Сквозные правовые проблемы Интернета вещей и пределы права: российская перспектива // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 6. С. 94-123.
2. Грудцына Л.Ю. Цифровое будущее права: к вопросу об аддитивных технологиях // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 5-14.
3. Лебедева Ю.Н. Новое в разграничении вопросов ведения России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 20-21.
4. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
5. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства: теоретико-методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.
6. Варламова Н.В. Цифровые – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9-46.

References

1. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Skvoznnyye pravovyye problemy Interneta veshchey i predely prava: rossiyskaya perspektiva [Cross-cutting Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 13, no. 6, pp. 94-123. (In Russian).
2. Grudtsyna L.Y. Tsifrovoye budushcheye prava: k voprosu ob additivnykh tekhnologiyakh [Digital future of law: to a question on additive technologies]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2021, no. 7, pp. 5-14. (In Russian).
3. Lebedeva Y.N. Novoye v razgranichenii voprosov vedeniya Rossii [New in differentiation of questions of competence of Russia]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State Power and Local Self-Government], 2021, no. 9, pp. 20-21. (In Russian).
4. Khabriyeva T.Y., Klisshas A.A. *Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya ot-del'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti»* [Thematic Comment to the Russian Federation Law on Amendment of the Constitution of the Russian Federation on March 14, 2020, № 1-FKZ “On Improvement of Regulation of Individual Issues of Organization and Functioning of Public Authorities”]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020, 240 p. (In Russian).
5. Pozharskiy D.V. *Okhranitel'naya funktsiya gosudarstva: teoretiko-metodologicheskiye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Protective Function of the State: Theoretical and Methodological Problems. Dr. law sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014, 418 p. (In Russian).
6. Varlamova N.V. Tsifrovyye – novoye pokoleniye prav cheloveka? [Digital – a new generation of human rights?]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 14, no. 4, pp. 9-46. (In Russian).

* Социальные сети Facebook* и Instagram* (принадлежат Meta**) признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации. 21 марта 2022 г. компания Meta** признана экстремистской организацией, деятельность холдинга в России запрещена.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166

Шифр научной специальности 5.1.1

Эволюция ювенальной юстиции в законодательстве России XX века

© **МИРЗОЯН Мария Александровна,**

преподаватель кафедры уголовного права, Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Российская Федерация, 350020 г. Краснодар, Западный внутригородской округ, ул. Красных Партизан, 234, ORCID: [0000-0002-7676-4715](https://orcid.org/0000-0002-7676-4715), mirzoyanmariya@yandex.ru

Аннотация

Развитие законодательства в области защиты прав детей является одним из приоритетных направлений политики Российской Федерации. На основании этого вопрос о создании и функционировании системы ювенальных судов в России обсуждается часто, но ученые и исследователи так и не пришли к единому мнению по этой проблеме. В то же время интерес вызывают особенности ювенальной юстиции в период Советского Союза, так как многие исследователи полагают, что в обозначенный период ювенальной юстиции на территории нашей страны не существовало. Целью исследования является изучение истории ювенальной юстиции и всех ее проявлений в период существования Советского Союза, а также выявление ее характерных черт на протяжении обозначенного периода. В качестве основных методов исследования использовались диалектический и исторический методы, которые позволили проследить за данным правовым институтом в его динамике. Кроме того, в качестве методов применялся анализ и синтез, а также сравнительный подход, который позволил выявить особенности ювенальной юстиции на разных этапах XX века. По итогам рассмотрения выбранной темы было выяснено, что зачатки ювенальной юстиции были заложены еще в начале XX века до Октябрьской революции 1917 г., что было выражено в фактическом существовании ювенальных судов. Выявлено, что период с 1930-х по 1950-е гг. характеризовался повышенным уровнем ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетними. В этот период статус несовершеннолетних лиц как субъектов преступления практически не отличался от статуса совершеннолетних лиц. Сделан вывод о том, что, начиная с 1950-х гг., ответственность за преступления, совершенные подростками, смягчается, в Уголовном кодексе появляются гарантии, обеспечивающие защиту прав и свобод несовершеннолетних.

Ключевые слова

ювенальная юстиция, несовершеннолетние лица, уголовная ответственность, комиссии по делам несовершеннолетних

Для цитирования

Мирзоян М.А. Эволюция ювенальной юстиции в законодательстве России XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 158-166. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166)

Evolution of juvenile justice in the Russian legislation of the 20th century

© Mariya A. MIRZOYAN,

Lecturer of Criminal Law Department, North Caucasian branch of The Russian State University of Justice, 234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar 350020, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7676-4715](https://orcid.org/0000-0002-7676-4715), mirzoyan-mariya@yandex.ru

Abstract

The development of legislation in the field of protection of children's rights is one of the priorities of the policy of the Russian Federation. Based on this, the issue of the creation and functioning of the system of juvenile courts in Russia is often discussed, but scientists and researchers have not come to a consensus on this issue. At the same time, the peculiarities of juvenile justice in the period of the Soviet Union are of interest, since many researchers believe that during the indicated period juvenile justice did not exist in our country. The purpose of this scientific article is to study the history of juvenile justice and all its manifestations during the existence of the Soviet Union, as well as to identify its characteristic features throughout the designated period. Dialectical and historical methods were used as the main research methods, which made it possible to follow this legal institution in its dynamics. In addition, analysis and synthesis were used as methods, as well as a comparative approach, which made it possible to identify the features of juvenile justice at different stages of the twentieth century. Based on the results of consideration of the chosen topic, it was found out that the beginnings of juvenile justice were laid at the beginning of the twentieth century before the October Revolution of 1917, which was expressed in the actual existence of juvenile courts. It was revealed that the period from the 1930s to the 1950s was characterized by an increased level of responsibility for crimes committed by minors. During this period, the status of minors as subjects of a crime practically did not differ from the status of adults. It is concluded that since the 1950s, responsibility for crimes committed by teenagers has been mitigated, guarantees appear in the Criminal Code that ensure the protection of the rights and freedoms of minors.

Keywords

juvenile justice, minors, criminal liability, commissions on juvenile affairs

For citation

Mirzoyan M.A. Evolyutsiya yuvenal'noy yustitsii v zakonodatel'stve Rossii XX veka [Evolution of juvenile justice in the Russian legislation of the 20th century]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 158-166. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-158-166) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение и постановка проблемы

Несовершеннолетние представляют собой особые субъекты права. Исходя из этого, особое значение приобретает развитие ювенальной юстиции. Как и любая другая правовая категория, ювенальная юстиция в России имеет свою историю. В данной статье обратимся к регулированию ювенальной юстиции по законодательству СССР.

Под ювенальной юстицией понимается специализированная система учреждений, осуществляющих правосудие в отношении несовершеннолетних. В некоторых источниках встречается мнение о том, что в советский период ювенальная юстиция как таковая не существовала, однако мы полагаем,

что это не совсем так. Считаем, что в целом можно говорить о существовании ювенальной юстиции, имеющей широкий спектр особенностей и характерных черт, который был не свойственен ювенальной юстиции в зарубежных странах.

Развитие законодательства в области защиты прав детей является одним из приоритетных направлений Российской Федерации. На основании этого вопрос о создании и функционировании системы ювенальных судов в России обсуждается часто, но ученые и исследователи так и не пришли к единому мнению по этой проблеме. В то же время особый интерес вызывают особенности ювенальной юстиции в период Совет-

ского Союза, так как многие исследователи полагают, что в обозначенный период ювенальной юстиции на территории нашей страны не существовало.

Основной целью анализа ювенальной юстиции советского периода развития нашего государства является изучение истории развития ювенальной юстиции в СССР и выявление ее характерных черт на протяжении всего XX века.

В качестве основных методов исследования использовались диалектический и исторический методы, которые позволили проследить за данным правовым институтом в его динамике. Кроме того, в качестве методов применялся анализ и синтез, а также сравнительный подход, который позволил выявить особенности ювенальной юстиции на разных этапах XX века.

Результаты исследования

В начале двадцатого столетия в судебной сфере закрепились некоторые характерные особенности, касающиеся судопроизводства над несовершеннолетними. К таким чертам можно отнести, например, обязательное участие в процессе защитника несовершеннолетнего и особый порядок отправления правосудия. Государство шло по пути расширения процессуальных гарантий несовершеннолетних, что было вполне обоснованным в виду специфического правового положения несовершеннолетних, их незащищенности в правовых отношениях, невозможности в большинстве случаев самостоятельно представлять свои интересы и защищать свои права.

Первый суд по делам несовершеннолетних был образован в Санкт-Петербурге в 1910 г. Одной из причин его образования явился рост беспризорности и детской преступности. К 1917 г. такой суд уже существовал в Москве, Киеве, Риге и ряде иных городов. Можно выделить следующие особенности ювенальной юстиции того времени.

Во-первых, дела, связанные с несовершеннолетними, рассматривали мировые судьи. Мировой судья избирался населением и был знаком с проблемами на своем судебном участке, а также имел представление об уровне жизни несовершеннолетних, что должно было позволить ему наилучшим образом рассмотреть дело и вынести справед-

ливое решение. Стоит также отметить, что рассмотрение такого дела осуществлялось судьей единолично.

Во-вторых, рассмотрение дела осуществлялось в упрощенном порядке и фактически сводилось к беседе судьи с несовершеннолетним. Такая беседа проводилась в присутствии попечителей ребенка.

В-третьих, основной применяемой мерой воздействия (фактически мерой ответственности) на несовершеннолетнего, назначаемой судом, являлся попечительский надзор.

Еще одной значимой особенностью правосудия в отношении несовершеннолетних лиц являлась особая процедура, проводимая до момента непосредственного рассмотрения дела судом. Процедура заключалась в сборе попечителем информации о несовершеннолетнем, совершившем правонарушение, а также об условиях его жизни. В дальнейшем попечитель принимал участие в судебном разбирательстве и предоставлял суду информацию о несовершеннолетнем правонарушителе. Кроме того, как отмечает в своей статье С.В. Матвеев, «судья для несовершеннолетних осуществлял судебный надзор за работой учреждений, взявших на себя заботу о малолетних преступниках и детях, лишенных родительского попечения» [1, с. 584].

Интересен также и тот факт, что в начале XX века регулирование осуществления ювенальной юстиции не было закреплено в нормативно-правовых актах. Отметим также и то, что были осуществлены попытки создания закона, регулирующего привлечение к ответственности несовершеннолетних, однако начавшаяся Октябрьская революция свела эти попытки на нет. События 1917 г. оказали огромное влияние на функционирование и само существование ювенальных судов России. Взамен ювенальных судов в 1918 г. образуются комиссии для несовершеннолетних, которые действуют на основании Декрета СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. Данным актом упразднялись суды для несовершеннолетних и утверждалось положение о том, что «указанные комиссии находятся в исключительном ведении Народного Комис-

сариата общественного призрения и состоят из представителей ведомств»¹.

Комиссии по делам несовершеннолетних появились на всей территории РСФСР. Значимым отличием таких комиссий от существовавших ранее ювенальных судов являлся их состав, включавший в себя не мировых судей, а представителей ведомств. Интересен также и тот факт, что комиссии занимались не только рассмотрением правонарушений, совершенных несовершеннолетними лицами, но также были призваны осуществлять профилактическую работу и борьбу с беспризорностью.

Рассматривая систему комиссий для несовершеннолетних, образованных в соответствии с названным выше Декретом СНК РСФСР, Д.М. Замышляев делает вывод о том, что «вторая попытка создания ювенальной юстиции была более завершённой» [2, с. 20]. Исследователи отмечали, что система комиссий была более проработанной, а также ставила в приоритет меры воспитательного воздействия и профилактику преступности несовершеннолетних. Можно полагать, что комиссии по делам несовершеннолетних были созданы в качестве реакции государства на совершаемые несовершеннолетними преступные деяния. Государство приняло во внимание необходимость заботы о несовершеннолетних, осознало важность противодействия беспризорности и неблагоприятным условиям жизни.

Стоит также отметить, что, в отличие от ювенальных судов, существовавших в России до Октябрьской революции, правовое положение комиссий по делам несовершеннолетних основано на «Инструкции Комиссиям по делам о несовершеннолетних» от 30 июля 1920 г.² Помимо юридического аспекта, особое внимание в Инструкции уделялось психологической и медицинской стороне, были выработаны меры медико-педагогического характера, которые могли быть применены к несовершеннолетнему. Среди

них выделяют, например, беседу, помещение в школу, отправление на какую-либо работу и некоторые другие. Наиболее серьёзной мерой являлась передача дела в народный суд. Ее применяли в том случае, если несовершеннолетний повторно совершал преступное деяние (рецидив), а также если признавалось, что применение более мягких мер не даст положительных результатов, а нахождение несовершеннолетнего лица на свободе может поставить под угрозу безопасность других людей.

Интересно, что внимание начали уделять также психологической стороне вопроса. Согласно исследованиям Вашингтонского университета, уровень психических заболеваний в общей подростковой популяции составляет примерно 20 %, хотя оценки по количеству несовершеннолетних правонарушителей сильно различаются, показатели как минимум в два раза выше, чем среди молодежи, не совершающей правонарушений [3].

В 1919–1920-х гг. продолжается борьба с беспризорностью, в рамках которой издаются нормативные акты, целью которых является улучшение жизни несовершеннолетних (например, Декрет СНК РСФСР «О бесплатном детском питании»³ от 17 мая 1919 г.). В 1921 г. была создана Комиссия по улучшению жизни детей. Отметим и то, что некоторые положения ювенальной юстиции, действовавшие до 1917 г., сохранились до конца 20-х гг. XX века: субъектом преступления фактически могло быть только лицо старше 14 лет, лица младше указанного возраста к уголовной ответственности не привлекались.

Значительные изменения данная сфера претерпела в 30-х гг. двадцатого столетия. Как замечает в своей статье А.Э. Дубоносова, «в 1930 г. изменился характер беспризорности» [4]. Правосудие в отношении несовершеннолетних изменило свой курс: вместо превалирования мер воспитательного и медико-педагогического характера правосудие стало носить карательный характер. Указанная тенденция проявила себя в сни-

¹ О комиссиях для несовершеннолетних: Декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

² Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних: Постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30.07.1920 // СУ РСФСР. 1920. № 68. Ст. 308.

³ О бесплатном детском питании: Декрет СНК РСФСР от 17.05.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 238.

жении возраста уголовной ответственности. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁴ от 7 апреля 1935 г. возраст уголовной ответственности составил 12 лет. Данное постановление устанавливало возможности применения к несовершеннолетним лицам всех мер ответственности. До этого, в 1931 г., ликвидируется Центральная избирательная комиссия по делам несовершеннолетних. Фактически, статус несовершеннолетних как субъектов преступлений приравнивался к статусу совершеннолетнего лица.

Мнения исследователей по поводу причин резкой смены курса в отношении ювенальной юстиции того периода довольно разнятся. Некоторые ученые полагают, что объективных причин для такой резкой смены курса не было, так как рост преступности несовершеннолетних был минимален. Иные исследователи, наоборот, отмечали значительный рост «детской» преступности, с которым на тот момент еще существующие комиссии не могли справиться. Также есть и те, кто полагал, что причина изменения политики в отношении несовершеннолетних заключалась не в росте преступности, а «в попытке продемонстрировать социальную благоустроенность окрепнувшего советского общества» [2, с. 21].

Также внимания заслуживает Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью»⁵ от 25 ноября 1935 г., которым ликвидируются комиссии по делам несовершеннолетних. Их функции были переданы в ведение органов НКВД.

Как замечают в своей статье О.И. Мальчук и Н.В. Румянцев, «упразднение специализированных «детских» судов и введение

комиссий по делам несовершеннолетних не принесло ожидаемых результатов» [5, с. 23].

Кроме того, данным актом в статье 12 действующего на тот момент Уголовного кодекса РСФСР вводилось положение о возможности привлечения лиц, достигших двенадцати лет и совершивших кражу, насилие, убийство или попытку убийства, причинение телесных повреждений, увечий, к уголовной ответственности и применению к ним всех видов уголовного наказания. Формально уголовный процесс в отношении несовершеннолетних имел ряд отличий, к которым можно отнести:

1) необходимость установления возраста несовершеннолетнего лица и условий его жизни;

2) как замечает в своей статье Е.В. Марковичева, «считалось необходимым проведение серии показательных судебных процессов, имеющих воспитательное значение» [6];

3) при рассмотрении уголовных дел, связанных с несовершеннолетними, было предусмотрено участие адвоката.

Несмотря на выделенные особенности, можно говорить о том, что они носили формальный характер. Фактически же уголовный процесс в отношении несовершеннолетних осуществлялся практически так же, как и в отношении совершеннолетних лиц.

Год от года количество осужденных несовершеннолетних лиц увеличивалось. Чаще всего они подвергались уголовному наказанию за кражу государственного имущества или имущества, относящегося к частной собственности. Актуальной стала проблема определения срока назначаемого наказания, назначаемого несовершеннолетним. Кроме того было принято решение, что все уголовные дела, связанные с несовершеннолетними, должны рассматриваться в срок, не превышающий 10 дней.

Начало 40-х гг. XX века характеризовалось ужесточением уголовной ответственности несовершеннолетних. В 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вы-

⁴ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: Постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 07.04.1935 // СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

⁵ Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25.11.1935 // СУ РСФСР. 1936. № 1. Ст. 1.

звать крушение поездов»⁶. В 1941 г. принимается Указ Президиума ВС СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»⁷. Данный указ установил общий возраст наступления уголовной ответственности (14 лет), кроме исключений, предусмотренных рассмотренными выше нормативными актами.

Интересен также и тот факт, что несовершеннолетние лица могли быть привлечены к уголовной ответственности за совершение так называемых «трудовых преступлений». Под трудовыми преступлениями понималось не только уклонение от работы, но и самовольный уход, который мог наказываться заключением в трудовую колонию на срок до 1 года. При этом срок рассмотрения таких дел был сокращен с 10 до 5 дней. В период Великой Отечественной войны побег несовершеннолетних лиц из трудовых колоний квалифицировались как побег арестованного из-под стражи или из места лишения свободы.

26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»⁸. Данный нормативный акт устанавливал наказание за самовольный уход рабочих с предприятия лишением свободы в размере от 5 до 8 лет. При этом такой уход приравнивался к дезертирству. Стоит отметить, что в данном документе нет упоминания о несовершеннолетних, однако есть ссылка на то, что действие акта распространяется на всех рабочих и служащих мужского и женского пола. Вероятно, именно такая формулировка указа и позволила применять положения данного акта к несовершеннолетним лицам. А.Я. Козинцев приводит статистику осуждений несовершеннолетних по Указу 26-12: «В Куйбышевской области в

октябре–ноябре 1942 г. еженедельно поступало материалов на 500–700 несовершеннолетних по Указу 26-12, в феврале 1943 года – 200–250» [7, с. 4].

Отдельного внимания заслуживает принятое 15 июня 1943 г. Постановление СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»⁹ № 659. Рассматриваемый акт предусматривал создание воспитательных колоний. Согласно изданным положениям в детские трудовые воспитательные колонии могли быть направлены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 16 лет, относящиеся к одной из групп: беспризорные дети, не имеющие родителей и/или определенного места жительства; несовершеннолетние, совершившие мелкие уголовные преступления (например, хулиганство, мелкую кражу), возбуждение уголовного процесса по которым было бы нецелесообразным; несовершеннолетние, находящиеся в детских домах и периодически нарушающие их дисциплину.

Также отметим, что принятый в 1947 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР¹⁰ устанавливал уголовную ответственность за хищение государственного имущества. При этом положения данного указа распространялись и на несовершеннолетних лиц, несмотря на то, что срок лишения свободы мог составлять 25 лет. Фактически при рассмотрении преступления, совершенного несовершеннолетним лицом, суд должен был исходить из тяжести совершенного деяния и определять, какую меру следует применить: направить несовершеннолетнего в трудовую воспитательную колонию или все же применить норму уголовного закона.

С 1950-х гг. строгость репрессивных мер по отношению к подросткам, совершившим преступления, постепенно снижается, что особенно заметно по принятому Президиумом Верховного Совета СССР в 1954 г. указу «О порядке досрочного осво-

⁶ Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов: Указ Президиума ВС СССР от 10.12.1940 // Ведомости ВС СССР. 1940. № 52.

⁷ Об уголовной ответственности несовершеннолетних: Указ Президиума ВС СССР от 31.05.1941 // Ведомости ВС СССР. 1941. № 25.

⁸ Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий: Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 // Ведомости ВС СССР. 1942. № 2.

⁹ Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством: Постановление СНК СССР от 15.06.1943 № 659 // Постановления Совета Народных Комиссаров СССР. 1943. Июнь.

¹⁰ Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 // Ведомости ВС СССР. 1947. № 19.

бождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет». Данный акт устанавливал возможность несовершеннолетних лиц быть освобожденными из мест лишения свободы до истечения установленного срока заключения. Однако были установлены некоторые условия: подросток должен был ступить на путь исправления, что выражалось в примерном поведении и добросовестном труде, а также он должен был отбыть не менее одной трети от установленного срока наказания.

В принятом в 1960 г. Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР¹¹ была предусмотрена глава 32, посвященная производству по делам несовершеннолетних. Появление такой главы в уголовном законодательстве было неоспоримым новшеством и значительным шагом в развитии ювенальной юстиции. Были определены некоторые особенности дел, связанных с несовершеннолетними. Определялись вопросы, на которые необходимо было обратить внимание суду при разрешении уголовного дела. Так, суд был обязан выяснить возраст несовершеннолетнего лица, его условия жизни и причины совершения преступного деяния, а также наличие подстрекателей и соучастников. Задержание и заключение под стражу в отношении подростка стали применять только в исключительных случаях. Мерой пресечения к несовершеннолетним являлась передача его под присмотр родителей/опекунов.

Заметим, что нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривали процедуру выделения дела в отдельное производство в отношении несовершеннолетнего, если подросток совершил преступление вместе со взрослыми. Кроме того, допрос несовершеннолетнего лица до 16 лет мог осуществляться при участии педагога, однако его участие не являлось обязательным: он привлекался к участию в процессе либо по усмотрению следователя/прокурора, либо по ходатайству защитника. По ходатайству законный представитель несовершеннолетнего имел право ознакомиться с материалами де-

ла, а также мог участвовать в судебном процессе.

Некоторые статьи рассматриваемого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР утверждали некоторые иные особенности производства в отношении несовершеннолетних. Так, судебное заседание по делу, связанному с лицом, не достигшим 16 лет, могло быть закрытым. Кроме того, участие защитника при разбирательстве в отношении несовершеннолетних лиц являлось обязательным. Обязательным в таких случаях являлось и проведение предварительного следствия. Вносимые в дальнейшем поправки в указанный кодекс продолжали тенденцию становления и развития ювенальной юстиции в стране.

Заключение

Подводя итоги рассмотрения ювенальной юстиции в период существования Советского Союза, можем сделать ряд выводов.

Во-первых, зачатки ювенальной юстиции были заложены еще в начале XX века до Октябрьской революции 1917 г., что было выражено в фактическом существовании ювенальных судов.

Во-вторых, период с 1930-х по 1950-е гг. характеризовался повышенным уровнем ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетними. В этот период статус несовершеннолетних лиц как субъектов преступления практически не отличался от статуса совершеннолетних лиц. Согласимся также с мнением исследователей о том, что исследования процессуальной справедливости показывают, что процедуры, связанные с уголовным процессом для взрослых, не являются оптимальными в режиме, ориентированном на реабилитацию или наказание детей. Центральной целью правосудия в отношении несовершеннолетних является фундаментальная справедливость, которая не обязательно должна совпадать с состязательной традицией уголовного суда для взрослых [8].

В-третьих, начиная с 1950-х гг. ответственность за преступления, совершенные подростками, смягчается, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР появляются гарантии, обеспечивающие защиту прав и свобод несовершеннолетних.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

Законодательство о ювенальной юстиции прошло долгий путь, начиная с фактического отсутствия нормативно-правовых актов в начале XX века, регулирующих осуществления ювенальной юстиции, до закрепления таких норм в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. Наиболее значимыми актами, регулирующими назначение наказаний для несовершеннолетних лиц, на всем протяжении истории XX века являлись: декрет СНК РСФСР «О комиссиях

для несовершеннолетних» 1918 г.; постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» 1935 г.; указ Президиума ВС СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» 1941 г.; постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» 1943 г.; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.

Список источников

1. Матвеев С.В. Генезис идеи о дифференциации подхода к несовершеннолетним от Устава уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 582-589.
2. Замышляев Д.М. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5. С. 18-22.
3. Goldstein N., Olubadewo O., Redding R.E., Lexcen F. Mental Health Disorders: The Neglected Risk Factor in Juvenile Delinquency // Juvenile Delinquency: Prevention, Assessment, and Intervention. 2005. P. 85-110.
4. Дубоносова А.Э. Роль государства в профилактике преступлений несовершеннолетних: исторический аспект // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 6-8.
5. Мальчук О.И., Румянцев Н.В. История ювенальной юстиции // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 1. С. 19-24.
6. Марковичева Е.В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX в. // История государства и права. 2009. № 6. С. 33-36.
7. Кодицев А.Я. Ювенальная юстиция в СССР при Сталине // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5. С. 3-7.
8. Slobogin C., Fondacaro M. R., Cross T. Reconceptualizing Due Process in Juvenile Justice: Contributions from Law and Social Science // Hasting Law Journal. 2006. Vol. 57. P. 955-990.

References

1. Matveyev S.V. Genesis of the idea of a differential approach to minors from the Criminal Procedure Charter to the CPC of the Russian Federation. *Actual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 4, pp. 582-589. (In Russian).
2. Zamyshlyayev D.M. Perspektivy yuvenal'noy yustitsii v Rossii: istoricheskiye aspekty [Prospects of juvenile justice in Russia: historical aspects]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii* [Issues of Juvenile Justice], 2012, no. 5, pp. 18-22. (In Russian).
3. Goldstein N., Olubadewo O., Redding R.E., Lexcen F. Mental Health Disorders: The Neglected Risk Factor in Juvenile Delinquency. *Juvenile Delinquency: Prevention, Assessment, and Intervention*, 2005, pp. 85-110.
4. Dubonosova A.E. Rol' gosudarstva v profilaktike prestupleniy nesovershennoletnikh: istoricheskiy aspekt [The role of the state in preventing juvenile delinquency: a historical aspect]. *Advokatskaya praktika – Advocacy Practice*, 2005, no. 6, pp. 6-8. (In Russian).
5. Malchuk O.I., Rummyantsev N.V. Istoriya yuvenal'noy yustitsii [History of juvenile justice]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo – Criminal Executive Law*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 19-24. (In Russian).
6. Markovicheva E.V. Nesovershennoletniy v sisteme ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii pervoy poloviny XX v. [Minor in the system of criminal proceedings in Russia in the first half of 20th century]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 2009, no. 6, pp. 33-36. (In Russian).
7. Kodintsev A.Y. Yuvenal'naya yustitsiya v SSSR pri Staline [Juvenile Justice in the USSR under Stalin]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii* [Issues of Juvenile Justice], 2012, no. 5, pp. 3-7. (In Russian).

8. Slobogin C., Fondacaro M. R., Cross T. Reconceptualizing Due Process in Juvenile Justice: Contributions from Law and Social Science. *Hasting Law Journal*, 2006, vol. 57, pp. 955-990.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177

Шифр научной специальности 5.1.1

К вопросу о теории справедливости Джона Ролза

© СОЛОВЬЕВА Виктория Викторовна,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 398050 г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, ORCID: [0000-0002-3843-3675](https://orcid.org/0000-0002-3843-3675), viktoriya-solovev@list.ru

Аннотация

Политические процессы, происходившие в мире после Второй мировой войны, требовали нового философского осмысления, поскольку утилитарный подход, доминировавший долгое время в англо-американской политической традиции, не мог полностью выполнить эту задачу. Джон Ролз, с которого и начинается возрождение политической философии, предложил свою версию решения накопленных теоретических проблем, отвечавшую социальным и политическим запросам его времени. Более того, Ролз был практически первым, кто поставил справедливость в центр политико-философской мысли. Проблема справедливости являлась предметом внимания философов еще со времен Античности, однако учение именно о справедливости было составляющей социального и нравственного учения в целом, тогда как традиционно главным вопросом для политической философии был вопрос власти, ее политической организации и легитимности. Цель статьи – научный анализ политико-философского наследия Джона Ролза. Ролз продемонстрировал, что политическая организация власти производна от того, как мы понимаем этические нормы и какими нормами (правилами) мы руководствуемся в социальном взаимодействии, поэтому главным вопросом политической философии является не вопрос о власти, а вопрос о справедливости. Кроме того, он был убежден, что политическая свобода тесно связана с равенством. Методологическая основа включила в себя диалектический метод, группу общенаучных методов познания – метод анализа и синтеза, структурный метод, а также частнонаучных – формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Сделаны выводы о том, что теория справедливости Ролза оказала определяющее влияние на политическую философию XX века, развитие которой во многом происходило на основе критики или рецепции его идей. Сегодня мы наблюдаем начало разрыва с традицией, выразителем которой является Ролз и которая предполагает, что политическое базируется на возможности консенсуса и этического согласия. Однако нынешнее развитие политической философии также тесно связано с переосмыслением наследия Ролза, что мы видим, в частности, на примере развития так называемых «неидеальных» политических теорий.

Ключевые слова

справедливость, социальное устройство, базисная структура, равенство, свобода, благо

Для цитирования

Соловьева В.В. К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 167-177. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177)

On John Rawls' theory of justice

© Viktoriya V. SOLOVYEVVA,

Doctor of History, Professor, Professor of the Criminal Law, Procedure and Criminalistics Department, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 3 Internationalnaya St., Lipetsk 398050, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3843-3675](https://orcid.org/0000-0002-3843-3675), viktoriya-solovev@list.ru

Abstract

The political processes that took place in the world after the Second World War required a new philosophical understanding, since the utilitarian approach, which dominated the Anglo-American political tradition for a long time, could not fully fulfill this task. John Rawls, from whom the revival of political philosophy began, proposed his own version of the solution of the accumulated theoretical problems, which met the social and political demands of his time. Moreover, Rawls was practically the first to put justice at the center of political and philosophical thought. The problem of justice has been the subject of attention of philosophers since Antiquity, however, the doctrine of justice was the components of social and moral teachings in general, while traditionally the main issue for political philosophy was the question of power, its political organization and legitimacy. The purpose of the article is a scientific analysis of the political and philosophical legacy of John Rawls. Rawls demonstrated that the political organization of power is derived from how we understand ethical norms and what norms (rules) we are guided by in social interaction, therefore the main issue of political philosophy is not the question of power, but the question of justice. In addition, he was convinced that political freedom is closely related to equality. The methodological basis included the dialectical method, a group of general scientific methods of cognition – the method of analysis and synthesis, the structural method, as well as private scientific ones – formal legal and comparative legal methods. It is concluded that Rawls' theory of justice had a decisive influence on the political philosophy of the twentieth century, the development of which largely took place on the basis of criticism or reception of his ideas. Today we are witnessing the beginning of a break with the tradition of which Rawls is the spokesman and which assumes that the political is based on the possibility of consensus and ethical agreement. However, the current development of political philosophy is also closely related to the rethinking of Rawls' legacy, which we see, in particular, in the development of so-called "imperfect" political theories.

Keywords

justice, social structure, basic structure, equality, liberty, good

For citation

Solovyeva V.V. K voprosu o teorii spravedlivosti Dzhona Rolza [On John Rawls' theory of justice]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 167-177. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

Политические процессы, происходившие в мире после Второй мировой войны, требовали нового философского осмысления, поскольку утилитарный подход, доминировавший долгое время в англо-американской политической традиции, не мог полностью выполнить эту задачу. Речь идет, прежде всего, об институционализации конфликта между двумя политическими системами (капитализмом и социализмом в его советском варианте), а также о появлении новых независимых государств в результате распада колониальных систем. Кроме того, социально-культурные революции 1960-х гг.

в Европе и США, сопровождавшиеся движением за гражданские права, а следовательно, и проблематизацией понятия равенства, постепенный рост влияния так называемых «новых правых» способствовали политическим дискуссиям относительно государства всеобщего благосостояния и принципов распределения социальных благ. Джон Ролз, с которого и начинается возрождение политической философии, предложил свою версию решения накопленных теоретических проблем, отвечающую социальным и политическим запросам его времени. Ролз был практически первым, кто поставил справедливость в центр политико-филосо-

софской мысли. В современном обществе справедливость выступает принципом критики позитивного права, этическим правилом и социальной ценностью. Это понятие интегрирует сущность справедливого закона в рамках постоянной, управляемой разумом позиции: давать каждому свое и осуществлять это в любой ситуации.

Аристотель в «Никомаховой этике» подчеркивал: «Добродетель справедливости есть такое поведение, которое является основой справедливых действий» [1, с. 146]. Таким образом, справедливость предполагает наличие действенного и эффективного правопорядка. Как указывает немецкий специалист по социальной этике Бернхард Суттор: «Добродетель «справедливость» нуждается в действующем праве, а оно в свою очередь зависит от минимальной степени воли в стремлении к справедливости у граждан» [2, с. 100]. В связи с этим минимальная степень справедливости выступает необходимым компонентом регулирования общественной жизни.

Результаты исследования

Ценность принципа, согласно которому все люди одинаково достойны того, чтобы их человеческие права были защищены, не вызывает сомнения, но это не устраняет острых дискуссий относительно того, какой должна быть имплементация этого принципа. Справедливость выступает как этически правильный способ распределения, при этом не берется во внимание, как именно было получено то, что подлежит распределению: было ли оно результатом труда претендентов или может просто находиться в распоряжении субъекта справедливости. Необходимым условием справедливого распределения является наличие точного критерия этого распределения. В связи с этим существует несколько различных концепций справедливого распределения благ.

Первая из них предлагает пропорциональный подход при распределении благ. Этот принцип имеет свои преимущества, но он не учитывает морального долга общества заботиться о своих нетрудоспособных членах. Кроме того, те трудоспособные члены общества, которые имеют на своем иждивении большие семьи, будут в худшем материальном положении, чем другие.

Другая теория получила название эгалитаризма (от фр. *égalité* – равенство), она не признает никаких отличий между людьми, равенство имеет принципиальное значение, любая форма неравенства осуждается. Учитывая право каждого на равную долю общественного достояния, эгалитаристы провозглашают равное распределение благ и тягот в обществе. Несмотря на то, что корни эгалитаризма уходят в глубину веков, он остается привлекательным и сегодня. Реформаторские схемы, основанные на коллективистской программе, исходят из убеждения, что перераспределение капитала – главное условие установления социальной справедливости. Эгалитаризм отождествляет понятие равноправия и равенства. Люди действительно равны в своих правах, но они не равны в своих возможностях, способностях, потребностях, обязанностях. Смещение понятий «равноправия» и «равенства» приводит к социально-политическим спекуляциям, попыткам манипулирования людьми. Недостаток этой теории в том, что в ней не учитываются и не вознаграждаются трудовые усилия, у большинства людей это просто убивает желание работать. Следствием этого становится застой, деградация экономики, снижение уровня жизни.

При рассмотрении проблемы справедливости необходимо иметь в виду, что она в принципе не имеет идеального теоретического решения. Понятие справедливости не ограничивается только моральными аспектами, переплетаясь с социально-экономическими, правовыми и идеологическими. Степень конкретно-социальной изменчивости критериев справедливости очень высока. На это обращал внимание еще Д. Юм, когда определял справедливость как искусственную добродетель: «...справедливость является моральным качеством только потому, что она направлена ко благу человечества; действительно, она ведь есть не что иное, как искусственное изобретение, преследующее эту цель» [3, с. 614]. Несмотря на то, что принципы общежития могут изменяться, справедливость предусматривает определенный уровень согласия между членами общества относительно жизненно важных принципов их сосуществования.

Одна из наиболее известных попыток сформулировать рациональные принципы справедливости принадлежит американскому политическому философу Дж. Ролзу. Его фундаментальный труд «Теория справедливости» представляет собой обстоятельное исследование справедливости как проблемы, вызванной расхождением между общественным строем, его институтами и интересами членов общества, а также противоречиями интересов, прав и стремлений членов общества между собой. Если совместное существование людей порождает конкуренцию и конфликты интересов, процедура справедливого существования социальных институтов просто необходима. Концепция справедливости должна основываться на разумных принципах и общепризнанных методах их формулирования, обеспечивая при этом конструктивный подход к обоснованию моральных принципов, базирующийся на фундаментальной доктрине о неприкосновенности и достоинстве человеческой личности.

Теория Ролза, учитывая те изменения, что происходят в современном обществе, в целом базируется на идеях классической философии. В предисловии своего труда он так и заявляет: «Я попытался обобщить и представить в виде теории высокой степени абстракции традиционную теорию общественного договора, выдвигавшуюся Локком, Руссо и Кантом. Я надеюсь, что теория эта может быть развита таким образом, чтобы устоять против тех серьезных возражений, которые до этого были часто фатальны для теории общественного договора... Результатом является теория, которая в высшей степени напоминает теорию Канта. Основными являются классические идеи, довольно хорошо известные. Мое намерение состоит в том, чтобы организовать эти идеи в более широкую схему» [4, с. 14]. В теории Ролза анализируется социальная справедливость институтов и практик. Под последней понимается любой вид деятельности, характеризующейся наличием четкой структуры и системы правил. Под практикой Ролз понимает как общественные институты (свободный рынок, частная собственность, законодательство, судопроизводство, институт се-

мьи и т. д.), так и всевозможные игры и ритуалы.

Ролз однозначно называет справедливость общественных институтов их главной добродетелью. Для того чтобы гражданские права и свободы не стали объектом политического торга, справедливость должна быть бескомпромиссной. Каждое общество устанавливает определенные правила кооперации, выгодные для тех, кто их придерживается, однако конфликты интересов сохраняются в любом обществе. Общество можно сравнить с кооперативным предприятием, направленным на взаимовыгоду, с присутствующим ему как конфликтом, так и тождественностью интересов [4, с. 85]. Для упорядочивания человеческого сообщества необходима определенная мера согласия относительно того, что можно считать справедливым, а что – нет, иначе действия индивидов будут несовместимыми, они будут неспособны координировать свои планы, и как следствие – взаимная выгода будет недостижима. Кроме того, исполнение этих планов должно быть эффективным, совместимым со справедливостью, а в случае возникновения конфликта для восстановления порядка должны существовать определенные стабилизирующие силы.

Концепция Ролза прежде всего была направлена против утилитаризма, однако сегодня его теоретическими оппонентами являются приверженцы контекстуализма и коммунитаризма. Коммунитаристы (Ч. Тейлор, Е. Макинтайр, М. Сендел) активно полемизируют с Ролзом, критикуя его, прежде всего, за склонность к индивидуалистической антропологии. Е. Макинтайр обращает внимание на то, что Ролз не уделил достаточное внимание понятию «заслуги». Так, Ролз признает, что справедливость связана с заслугами, но до тех пор, пока мы не сформулируем правила справедливости, мы не будем знать, чего именно заслуживает индивид, а когда эти правила будут сформулированы, то речь будет уже идти не о заслугах, а о допустимых ожиданиях. Невозможность применения понятия заслуг в концепции справедливости Ролза возрождает, как считает Макинтайр, призрак Юма [5, с. 338].

Признавая превосходство принципа справедливости над принципом блага, Ролз

осуществил парадигмальный переворот в социальной и политической философии. В основе такого подхода лежит кантовское понимание справедливости как формального абстрактно-всеобщего равенства свободных и независимых людей. Ролз настаивает на том, что нельзя жертвовать индивидуальными правами людей: «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» [4, с. 19-20]. Позиция Ролза относительно приоритета права над благом означает, что принципы права доминируют над соображениями о благосостоянии или удовлетворении желания, ограничивая тем самым диапазон желаний и ценностей, которые можно удовлетворить. Идея, что демократическое, справедливое общество не нуждается в концепции блага для формирования принципов своего существования, а установление справедливости является целью само по себе, имеет огромное значение. Получается, что принципы справедливости лишь задают структуру основных прав и свобод, а уже отдельные индивиды, соответственно своим целям, интересам и убеждениям, претворяют в жизнь конкретные представления о благе. Исходя из этого, Ролз делает следующий вывод о роли государства: оно должно не навязывать гражданам некий образ жизни или систему ценностей, а поддерживать справедливую структуру общества. Каждый индивид имеет собственные представления о благе, государство же в спорных и конфликтных ситуациях не должно поддерживать ни одну из сторон. Требование нейтральности государства, как обобщение либерального принципа веротерпимости, явля-

ется основополагающим признаком либерализма Ролза [6; 7].

Ролз подчеркивает принципиальное отличие деонтологического подхода от утилитаристского, его концепция справедливости, в отличие от утилитаризма, утверждает права индивида на равную свободу перед лицом противоположных устремлений большинства: «Начнем с того, что могущественные убеждения большинства, если это, действительно, просто предпочтения, не опирающиеся на какую-то основу в виде заранее определенных принципов справедливости, не имеют никакого веса. Удовлетворение этих чувств не имеет ценности, которую можно было бы поставить на чашу весов против требований равной свободы... Против этих принципов ничего не означает ни интенсивность чувства, ни то, что его разделяет большинство» [4, с. 455].

Приоритет всеобщего общественного блага в утилитаризме таит опасность жертвования справедливостью ради благополучия абстрактного общества, история человечества демонстрирует множество примеров последствий такого подхода. Кроме того, принцип пользы несовместим с концепцией социальной кооперации ради взаимного преимущества и с идеей взаимности в целом. Поэтому Ролз приходит к выводу, что современным демократическим процессам в обществе может отвечать только приоритетная деонтологическая позиция преимущества права и справедливости над другими моральными ценностями и идеалами. Концепция Ролза противостоит не только утилитаризму, но и всем телеологическим теориям в целом.

Справедливость нельзя применить в мире, где существует только один субъект, для ее существования нужны различные в определенном понимании существа: «...принципы справедливости имеют дело с конфликтующими притязаниями на преимущества, получаемые через социальную кооперацию; они прилагаются к отношениям между несколькими группами или личностями. Слово «договор» предполагает эту множественность групп и личностей» [4, с. 29]. Справедливость порождается конфликтными претензиями, в которых участвует более чем один претендент. Множество составляет

фундаментальную черту морального объекта, а количественное измерение этого множества отвечает количеству индивидуализированных людей в мире. Поэтому, согласно Ролзу, каждый отдельный человек является моральным субъектом, а каждый моральный субъект – это отдельный человек. Таким образом, множество составляет необходимое условие возможности справедливости. Последняя выступает всеобщей правовой основой всех других интересов индивидов.

В концепции Ролза понятию справедливости придается нормативный характер: она понимается не только как одно из измерений общественного бытия, но и как главное, фундаментальное условие его существования, цивилизованный способ его репродукции: «Справедливость – первая добродетель общественных институтов, так же как истина – первая добродетель систем мысли. ...законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они не справедливы. В справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» [4, с. 18-19].

Главным субъектом справедливости Ролз считает базисную структуру общества. Под этим понятием он понимает средства распределения прав, обязанностей и преимуществ социальной кооперации. Основные социальные институты, которые занимают всем этим, имеют возможность влиять на жизненные планы людей и их осуществление. Ожидания людей определяются их социальным положением, политической системой, экономическими обстоятельствами. Поэтому базисная структура общества выступает первичным субъектом справедливости, а сама социальная справедливость зависит от экономических возможностей, социальных условий различных слоев населения и от того, как предписываются фундаментальные права и обязанности. Ролз вводит понятие «справедливости как честности» для анализа того, как принципы справедливости регулируют исходные соглашения базисной структуры общества.

Принципы справедливости Ролз выводит из гипотетического общественного договора, видя в этом их преимущество. Теория общественного договора позволяет объединить (путем согласия, компромисса) разнобразные, порой даже полярные интересы и ценности. Эту теорию критиковали за ее историческую абсурдность, но она была, прежде всего, попыткой обосновать представление о естественном равенстве людей. Поэтому рассматривать общественный договор нужно не как реальную или гипотетическую договоренность, а как средство выяснения последствий определенных моральных предпосылок, связанных с моральным равенством людей.

Для Ролза общественный договор представляет собой широкую договоренность, основу политических прав и обязанностей, механизм справедливой защиты интересов граждан и основание принципов справедливости. При этом утверждается оптимистически-рационалистическое понимание природы человека: все индивиды вместе, в совместном социальном действии, выберут принципы справедливости. Ролз ориентируется на отдельных, независимых индивидов, которые до какой-либо социализации способны к восприятию своих интересов и целей. Поэтому он трактует фундаментальные договоренности скорее как акт доброй воли, а не как аргументированно достигнутое понимание. Кроме того, Ролз приспособляет свое видение справедливого общества к кантовской проблеме совместительства свободной воли каждого со свободной волей всех.

Концепции справедливости Ролза присуща традиционная для всех теорий общественного договора уверенность, что изначальное равенство всех индивидов отвечает естественному состоянию, а сам общественный договор выступает не как реально историческая, а как гипотетическая ситуация: «В справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора. Это исходное положение не мыслится, конечно, как примитивное состояние культуры. Оно понимается как чисто гипотетическая ситуация, характеризующаяся таким образом, чтобы привести к

определенной концепции справедливости» [4, с. 25].

Однако существует отличие «справедливости как честности» Ролза от традиционных теорий общественного договора: достигнутое соглашение не входит в данное общество и не поддерживает его формы правления, а само становится формой определенных моральных принципов. Следствием договоренности являются не обязанности отдельных индивидов, а принципы справедливого построения и справедливого реформирования базисных структур общества. Теория Ролза «справедливости как честности» уже по объему договорной теории, которая может включать в себя не только принципы справедливости, но и принципы всех других добродетелей.

Исходя из того, что принципы справедливости провозглашаются нормативными критериями для оценки распределения социальных преимуществ, они должны быть общезначимыми, универсальными, все члены общества, независимо от их природных способностей, социального положения, рода занятий и устремлений, должны принимать их. Учитывая, что в реальном обществе каждый понимает свой социальный статус, свои преимущества и недостатки, способности и предпочтения, достигнуть полного согласия между людьми невозможно. Принципы справедливости не должны приспосабливаться к конкретным обстоятельствам и подвергаться воздействию личных склонностей и предпочтений. Поэтому Ролз утверждает, если бы люди в определенном досоциальном состоянии могли решать, какие принципы должны руководить их обществом, они бы выбрали его принципы. Каждый индивид, пребывающий в ситуации, названной Ролзом «исходным положением», имеет рациональный интерес в применении принципов справедливости в управлении социальным сотрудничеством.

Концепция Ролза исходит из того, что принципы справедливости не должны принимать во внимание знания рационального субъекта о его месте в обществе, способностях и талантах, его концепцию блага или жизненных целей, социальное, культурное, экономическое и политическое окружение, то есть индивиды находятся в ситуации аб-

солютного незнания. Они даже не должны иметь каких-либо представлений о добре и зле, ценностях, целях и намерениях в жизни [4, с. 25]. Ролз называет такое состояние «занавесом незнания», цель которого – защитить выбор принципов справедливости от предвзятости влияния случайных природных или социальных обстоятельств. Именно такая установка заставит каждого рационального субъекта определять справедливое распределение благ при любом социальном порядке в терминах двух принципов и правил приоритета, в случае конфликта между ними. Исходное положение должно «репрезентировать равенство между человеческими существами как моральными индивидами», а принципы справедливости, vyplывающие из этого, – являются принципами, с которыми люди «согласились бы как равные, когда известно, что никто не имеет преимуществ благодаря случайным социальным либо природным обстоятельствам». Начальная позиция является «демонстрационным методом», «подытоживающим значения» наших представлений о справедливости и «помогает нам выяснить их последствия» [4; с. 25, 27].

Общая концепция справедливости утверждает: «Все социальные основополагающие блага – свободу и возможности, прибыль и богатство, а также основы самоуважения – следует разделять поровну, разве, что неравное распределение любого из этих благ или их всех пойдет на пользу наименее привилегированных» [4, с. 316]. Ролз уверен, что ради сотрудничества, от которого зависит благосостояние всех, распределение преимуществ должно вызывать желание сотрудничества как у тех, кто преуспел в жизни, так и у тех, чье положение не столь блестяще.

Теория справедливости связана с равной для всех долей социальных благ, однако Ролз обращает внимание на одну важную особенность: когда речь идет о равенстве и неравенстве между людьми, в последнем имеется в виду не все его разновидности, а только те, которые ставят кого-то в невыгодное положение. Если определенные виды неравенства полезны всем, давая возможность выявить общественно полезные таланты, то такое неравенство будет приемлемо

для всех. Существование неравенства можно допустить, если оно способствует увеличению начальной равной доли, однако, если речь идет о лишении кого-то его справедливой доли, оно будет недопустимо.

Для того чтобы различить аспекты социальной системы, Ролз разделяет принципы справедливости на два:

«Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем» [4, с. 66].

Кроме этого Ролз считает необходимым ввести два правила приоритетности: равной свободы («свободу можно ограничить только ради свободы») [4, с. 218] и приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием.

Таким образом, первый принцип имеет приоритет перед вторым: свобода может быть ограничена только ради свободы, справедливость имеет приоритет над эффективностью и над принципом максимизации суммы преимуществ. Получается, что некоторые социальные блага важнее остальных и потому ими нельзя пожертвовать ради улучшений, связанных с другими благами. Равные свободы имеют приоритет равенства возможностей, которое, в свою очередь, приоритетнее равенства ресурсов. При этом в рамках каждой категории сохраняется основная идея Ролза: неравенство разрешено только при условии содействия наименее обеспеченным. Не придерживаясь какого-то общего принципа свободы, Ролз защищает то, что он называет «основными свободами», под которыми понимает стандартные гражданские и политические права: «Каждый человек должен иметь равное право на наиболее широкую общую систему равных базовых свобод для всех» [4, с. 66].

Принципы справедливости Ролза подчеркивают, что за исключением ситуации, когда неравное распределение благ дает преимущество наименее обеспеченным сло-

ям населения, все социальные первичные блага, такие как свобода, возможности, доход, богатство, должны распределяться равномерно. Таким образом, правила приоритетности не влияют на основной принцип справедливого распределения, который сохраняется в рамках каждой категории. Джон Кекес, американский социальный философ, реконструируя и обосновывая базовые ценности либерализма, отмечает присущий ему эгалитаризм: «Либеральная ценность равенства следует из морального подхода, в соответствии с которым все люди являются одинаково достойными того, чтобы их человеческие права были защищены, а разница в защите может быть оправданной только тогда, когда это необходимо для защиты прав человека в целом».

Принципы свободы и равенства Ролз пытается объединить с помощью “maximin” – «максиминимальной» стратегии. Индивиды должны максимизировать то, что им достанется, если они окажутся в минимальном, то есть в самом плохом положении. Как, утверждает Ролз, это аналогично действиям на основе предположения, «как будто ваше будущее место в обществе определяет ваш заклятый враг» [4, с. 165]. Поэтому совершенно естественным будет стремление к максимуму благ при минимальном риске, индивиды должны снизить до минимума опасность возможной неудачи. Правило “maximin” провозглашает гарантирование минимальной доли в распределении социальных благ. После принятия этого правила можно снять «занавес незнания», приобщив индивида к реальной общественной жизни, со всеми проявлениями неравенства, дать возможность принимать участие в распределении социальных благ на основе справедливости. Таким образом, правило “maximin” представит как рациональный стандарт компенсации наименее обеспеченным слоям населения последствий естественных и социальных обстоятельств. Поэтому его можно рассматривать в качестве критерия второго принципа справедливости.

Аргументируя принципы справедливости, Ролз утверждает, что они намного больше отвечают «публичности» [4, с. 147] и «стабильности» [4, с. 186], чем другие теории. Принципы справедливости должны

быть известны общественности, их применение должно быть легким, а соответствующее им чувство справедливости – стабильным, груз обязанностей не должен быть слишком большим. Ролз противопоставляет свою теорию идеалу равенства возможностей, считая, что его теория лучше формулирует идеалы справедливости и больше отвечает интуитивным взглядам на справедливость.

Идеология равенства возможностей кажется справедливой многим людям, так как она уверяет, что судьбу людей определяет их личный выбор, а не жизненные обстоятельства. Если в обществе никто не имеет привилегий или препятствий, обусловленных социальными обстоятельствами, успех или неудача будут результатами личного выбора и усилий. Однако Ролз считает идеал равенства возможностей «нестабильным»: «если при определении получаемой при распределении доли нам мешает влияние какого-то фактора, – то ли социальных случайностей, то ли природных шансов, – то, если хорошо подумать, препятствием будет и влияние второго фактора. С точки зрения морали оба фактора кажутся одинаково произвольными [4, с. 87-88]. Господствующий взгляд основывается на утверждении, что ликвидация социального неравенства дает равные возможности каждому, и потому разница в уровне дохода является результатом человеческих усилий, выбора, вследствие чего она полностью заслужена. Но если мы сузим объем рассматриваемого понятия и посмотрим, например, на людей с врожденными недостатками, то поймем, что они не имеют равных возможностей получать социальные выгоды, отсутствие успеха у них не связано с личным выбором или усилиями. Господствующий взгляд на равенство возможностей признает только разницу социальных обстоятельств и либо совсем игнорирует различие врожденных талантов, либо считает их результатом выбора.

Ролз убежден, что «никто не заслуживает ни больших по сравнению с другими природных способностей, ни привилегий в получении более предпочтительного стартового места в обществе» [4, с. 96], впрочем, это не означает, что эту разницу между людьми следует ликвидировать: «...базисная струк-

тура может быть устроена так, что эти случайности будут работать во благо наименее преуспевших. Таким образом, если мы хотим установить социальную систему, такую, чтобы никто не приобретал бы и никто не терял бы из-за своего произвольного места в распределении природных дарований или же из-за исходного положения в обществе, не возвращая преимуществ или получая их взамен в плане компенсации приобретений, мы должны принять принцип различия» [4, с. 98]. Как видим, данный принцип провозглашает, что любое неравенство должно идти на пользу наименее обеспеченных. Впрочем, существует некоторая незавершенность принципа различия: непонятен механизм его применения, когда, например, выходец из социальных низов, не одаренный особыми талантами, благодаря своим усилиям и настойчивости смог получить больший доход, чем остальные.

Принцип различия, согласно Ролзу, противостоит неравенству, порожденному случайностью природных и социальных обстоятельств. Однако когда неравенство доходов является результатом выбора, а не обстоятельств, принцип различия не столько устраняет несправедливость, сколько создает ее. Невыгодное положение людей вследствие неодинаковости обстоятельств, безусловно, является несправедливым, но несправедливым было бы и заставлять людей оплачивать затраты, связанные не с их личным выбором, а с выбором других лиц. Судьба индивидов должна зависеть от их стремлений (понимаемых в широком смысле как жизненные цели и проекты) и не должна зависеть от их природных и социальных дарований (обстоятельств, среди которых они реализуют свои стремления). При этом необходимо заметить, что принцип различия не дает никакого критерия для дифференциации того, является ли неравенство результатом личного выбора или нет. Отсюда возможность заставить одних индивидов оплачивать выбор других. Ролз стремится к тому, чтобы принцип различия смягчил несправедливые последствия природного и социального неравенства, но этот принцип смягчает и закономерные последствия, порожденные выбором и усилиями индивида.

Заключение

Справедливость выступает мерой равенства и неравенства между людьми. Свобода, благоприятные условия, доходы и богатство должны быть распределены в равной мере, за исключением тех случаев, когда неравное распределение дает преимущество каждому. Неравенство при распределении, если оно дает преимущество каждому, необходимо. К тому же равенство не всегда выступает безусловным благом, например, если оно достигается за счет ограничения экономической активности либо принудительно низкого уровня жизни граждан. Необходимо отметить, что взгляды Ролза на реальное положение вещей в либеральном обществе с рыночной экономикой являются достаточно критическими. Рыночная система, отстаивающая экономические интересы предпринимателей, не является идеальной и требует определенных институтов, таких как демо-

кратия либо либерально-социалистический режим.

В своей теории справедливости Ролз стремится сконструировать либеральный порядок на основе такого свободного рынка, который самым оптимальным образом ликвидировал бы существующее неравенство в распределении как материальных, так и социальных привилегий. Его принципы социальной справедливости предусматривают, что возрастание участия в справедливом распределении экономических и социальных благ может происходить только в такой общественно-политической системе, которая обеспечит человеку в сфере экономики максимальную самостоятельность и ответственность за себя, другими словами, обеспечит максимум свободы. Теория справедливости Ролза является наиболее весомой попыткой западной социальной и политической философии осмыслить с либеральных позиций проблемы современного общества.

Список источников

1. *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4: Никомахова этика. 832 с.
2. *Сутор Б.* Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика; пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 365 с.
3. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. Кн. III. Ч. 2. Гл. 2 // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1; пер. с англ. С.И. Церетели и др.; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996. 696 с.
4. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищева, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 500 с.
5. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
6. *Литвиненко Н.С.* Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. 2006. № 1. С. 26-34.
7. *Майданюк И.З.* Еще раз о справедливости идей Джона Ролза // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия. 2013. № 31. С. 46-52.

References

1. Aristotle. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, 832 p. (In Russian).
2. Sutor B. *Malaya politicheskaya etika* [Minor political ethics]. *Politicheskaya i ekonomicheskaya etika* [Political and Economic Ethics]. Moscow, FAIR-PRESS, 2001, 365 p. (In Russian).
3. Hume D. *Traktat o chelovecheskoy prirode*. Kn. III. Ch. 2. Gl. 2 [Treatise on human nature. Bk III, pt 2, ch. 2]. In: *Hume D. Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, 696 p. (In Russian).
4. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk, State University Publ., 1995, 500 p. (In Russian).
5. Makintayr A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in the Theory of Morality]. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2000, 384 p. (In Russian).
6. Litvinenko N.S. *Kontseptsiya spravedlivosti Dzhona Rolza* [Concept of justice by John Rawls]. *Logos*, 2006, no. 1, pp. 26-34. (In Russian).

7. Maydanyuk I.Z. Eshche raz o spravedlivosti idey Dzhona Rolza [Once again about the justice of John Rawls's ideas]. *Aktual'nyye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya* [Topical Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy], 2013, no. 31, pp. 46-52. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188

Шифр научной специальности 5.1.1

Субъективные причины злоупотребления правом: нравственно-правовой аспект

© ЯКОВЛЕВА Юлия Владимировна,

аспирант, кафедра теории права, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 410012 г. Саратов, ул. Московская, 164, в/г № 2; ассистент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, Интернациональная, 33, ORCID: 0000-0003-0783-8407, ResearcherID: AAB-7025-2022, madam.fabula@yandex.ru

Аннотация

Посвящено анализу проблемы влияния субъективных причин на возникновение случаев злоупотребления правом. Исследование направлено на обоснование роли нравственно-правового аспекта субъективных причин злоупотребления правом в формировании цели осуществления прав, не отвечающей назначению права как социального регулятора. Использование формально-логического метода позволило рассмотреть в единстве нравственные и правовые аспекты злоупотребления правом, метод материалистической диалектики позволил обосновать выводы исследования. В качестве субъективных причин злонамеренного осуществления права рассмотрены деформация правосознания, низкий уровень правовой культуры, правовой эгоизм, правовой эгоцентризм. Проанализировано значение нравственных категорий в формировании целей злоупотребления правом. Установлено, что деформация нравственно-правовых ценностей оказывает непосредственное влияние на осуществление предоставленных субъектам прав. Обосновано влияние трансформации отношения индивидов к праву и нравственности на возникновение случаев злоупотребления правом. Доказана невозможность рассмотрения данного правового феномена как вида деформации правового сознания. Сформировано представление о правовом эгоизме и правовом эгоцентризме как основных субъективных причинах злонамеренного осуществления права. Сделан вывод о необходимости дальнейшего исследования факторов, влияющих на изменения в нравственно-правовой сфере субъектов права, в целях создания эффективного механизма противодействия и профилактики злоупотребления правом. Полученные данные могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных изучению проблемы злоупотребления правом, определению причин и условий злонамеренного осуществления права, формированию механизма противодействия и профилактики данного негативного правового явления.

Ключевые слова

деформация правосознания, добросовестность, злоупотребление правом, кверулянство, нравственные идеалы, осуществление права, правовой эгоизм, правовой эгоцентризм, ценность права

Для цитирования

Яковлева Ю.В. Субъективные причины злоупотребления правом: нравственно-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 178-188. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188

Subjective causes of abuse of rights: moral and legal aspects

© Yuliya V. YAKOVLEVA,

Post-Graduate Student, Theory of Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russian Federation; Assistant of Theory and History of State and Law Department of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0783-8407](https://orcid.org/0000-0003-0783-8407), ResearcherID: AAB-7025-2022, madam.fabula@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problem of the influence of subjective reasons on the occurrence of cases of abuse of right. The study aims to substantiate the role of moral and legal aspect of the subjective causes of abuse of rights in the formation of the purpose of the rights that do not meet the purpose of law as a social regulator. The use of formal-logic method allowed us to consider in unity the moral and legal aspects of abuse of rights, the method of materialistic dialectics allowed us to substantiate the conclusions of the study. We have considered deformation of legal consciousness, low level of legal culture, legal egoism and legal egocentrism as subjective reasons of malicious exercise of law. The value of moral categories in forming of aims of law abuse is analysed. It was established that deformation of moral-legal values has a direct impact on the implementation of the rights granted to the subjects. The article substantiates the influence of transformation of attitude of individuals to the law and morality on the occurrence of cases of right abuse. We prove the impossibility to consider this legal phenomenon as a type of deformation of legal consciousness. The notion of legal egoism and legal egocentrism as the main subjective reasons of malicious exercise of law was formed. We have made a conclusion about the necessity of further research of the factors influencing changes of moral-legal sphere of legal subjects in order to create the effective mechanism of counteraction and prevention of abuse of law. The data obtained can be used in future studies dedicated to the study of the problem of abuse of law, identification of the causes and conditions of the malicious exercise of law, the formation of mechanism of counteraction and prevention of this negative legal phenomenon.

Keywords

deformation of legal consciousness, good faith, abuse of law, querulousness, moral ideals, exercise of law, legal egoism, legal egocentrism, value of law

For citation

Yakovleva Y.V. Sub'yektivnyye prichiny zloupotrebleniya pravom: нравственно-правовой аспект [Subjective causes of abuse of rights: moral and legal aspects]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 178-188. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-178-188) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Правовой феномен злоупотребления правом в различные периоды развития государства и права выступал предметом исследования многих российских и зарубежных

ученых, которые стремились выявить его сущность, признаки и особенности, отграничивающие его от других правовых явлений, а также определить направления противодействия случаям злонамеренного осущест-

ствления права. Отдельные аспекты идеи недопустимости злоупотребления правом были рассмотрены в трудах М.М. Агаркова, М. Байера, А.М. Гуляева, В.П. Доманжо, С.Г. Зайцевой, В.И. Курдиновского, А. Майранда, Дж. Перилло, И.А. Покровского, О.А. Поротиковой, А. Робилант, О.И. Цыбулевской, А.Н. Яннопуласа и др.

На сегодняшний день злоупотребление правом является одной из самых обсуждаемых правовых категорий, понимание которой не находит единства среди правоприменителей, заслуженных юристов и молодых ученых, некоторые вопросы злоупотребления правом так и остаются не исследованными в полной мере. Расширение сфер общественных отношений, в которых возможно возникновение случаев злоупотребления правом, предполагает необходимость выработки механизма противодействия и профилактики данного явления, что невозможно без выявления не только его сущности, но и причин и условий возникновения злоупотребления правом. На сегодняшний день неоправданно мало внимания уделяется нравственным аспектам причин злостного осуществления права, вместе с тем, нравственные нормы, также как и правовые, имеют существенное значение в регулировании общественных отношений, представления субъектов права о моральности юридически значимых действий определяют ракурс их правового поведения. Трансформация представлений индивидов о нравственно-правовых категориях не может не влиять на выбор целей и способов осуществления субъективных прав. Исследование нравственно-правовых аспектов причин злоупотребления правом позволит определить возможные направления противодействия и профилактики данного негативного явления.

Методы исследования

Исследование правового феномена злоупотребления правом и причин его возникновения предполагает использование метода материалистической диалектики, который позволяет рассматривать в единстве нравственные и правовые аспекты поведения отдельных индивидов как важнейшие критерии осуществления субъективных прав. Формально-логический метод позволяет сформулировать идею о том, что субъектив-

ные причины злоупотребления правом основаны на трансформации нравственных и правовых установок современного человека. Важной особенностью рассмотрения причин злостного осуществления права является необходимость применения междотраслевого подхода, который позволяет изучить особенности причин злоупотребления правом в различных отраслях права, исследовать их общие и частные черты [1, с. 12].

Обсуждение

Любое явление, в том числе злоупотребление правом, не может возникать без наличия способствующих тому причин и условий. Ряд ученых, осуществляя исследование правового феномена злоупотребления правом, отмечают, что все причины его возникновения можно условно разделить на объективные – не зависящие от субъекта права, и субъективные – имеющие тесную взаимосвязь с субъектом права, его волеизъявлением (см., например, [2, с. 5-6]. Как правило, объективные причины злоупотребления правом сводятся к наличию в праве коллизий, пробелов, противоречий, ошибок [3, с. 30]. Так, например, О.Н. Бармина подчеркивает, что «мы можем получить злоупотребление, когда отдельный правовой случай выпущен из регулирования или отрегулирован – но ошибочно или неточно» [4, с. 97]. Безусловно, правовые коллизии и ошибки, пробелы и противоречия в праве могут стать основанием возникновения злоупотреблений, однако, указанные причины не всегда имеют первостепенную роль в возникновении случаев злостного осуществления права, поскольку данное явление всегда связано с волеизъявлением субъекта. Полагаем, что на современном этапе развития общественных отношений именно субъективные причины предопределяют возникновение отдельных случаев злоупотребления правом.

Субъективные причины злоупотребления правом во многом обусловлены индивидуальными особенностями индивидов, их восприятием нравственных и правовых ценностей, в связи с чем при рассмотрении причин злоупотребления правом нельзя не учитывать нравственный аспект данного явления. Необходимо согласиться с О.И. Цыбулевской в том, что «злоупотребление правом зачастую носит характер нарушения норм

нравственности» [5, с. 57]. Профессор подчеркивает: «Реализация субъектом норм связана с необходимостью использования нравственных критериев при оценке его действий, так как права и обязанности являются, помимо правовой, еще и важнейшей моральной категорией» [5, с. 59]. А.А. Малиновский отметил, что «признаки, позволяющие квалифицировать конкретные деяния как злоупотребления правом, сформулированы юридической наукой и обозначены законодателем через оценочные понятия», одной из которых, по мнению ученого, является «нравственность юридически значимых действий управомоченного лица» [1, с. 278].

Нравственность и право многими учеными рассматриваются как взаимодополняющие друг друга категории, имеющие общее предназначение – регулирование поведения субъектов общественных отношений путем согласования правил поведения [6, с. 140; 7, с. 29-30; 8, с. 21-22]. При этом, как отметил В.П. Камышанский, «недооценка возможностей одного регулятора приводит к сбою в работе другого» [8, с. 21]. Категория «злоупотребление правом» призвана оценить цели и способы совершения юридически значимых действий с точки зрения морали, представления о которой могут существенно меняться на различных этапах развития государства и права.

Необходимость рассмотрения субъективных причин злоупотребления правом с точки зрения нравственности во многом обусловлена тем, что формирование представлений о данном правовом феномене основано на такой нравственно-правовой категории, как добросовестность, которая появилась в трудах зарубежных и российских ученых задолго до формирования какой-либо обоснованной концепции злоупотребления правом. Еще в XVII веке данная категория рассматривалась в работах Жана Дома (1625–1696), который отмечал необходимость соблюдения добрых нравов и справедливости при заключении договоров и изменений их условий, поскольку «того требовала сама природа соглашений» (цит. по: [9, с. 203]). При этом, по убеждению Ж. Дома, весь закон и правоотношения должны строиться на основе этико-моральных и религиозных принципов. На необходимость оценки

поведения субъектов с точки зрения нравственности, поощрения добрых людских качеств и сдерживания дурных свойств человеческого поведения указывалось в сочинениях Екатерины II (например, «Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения» (1767), изданный на нескольких языках) (см. подробнее: [10]). Видный отечественный правовед, В.П. Грибанов, отмечал, что принцип добросовестности строится на необходимости «соблюдения участником имущественного оборота моральных и других неправовых социальных норм, субъекты права не должны совершать действия, противоречащие правилам социалистического общежития и нормам морали» (цит. по: [11, с. 20]). Е.Е. Богданова справедливо подчеркивает, что «добросовестность характеризует поведение субъекта применительно к сложившимся в обществе представлениям о нравственности поведения члена общества, субъекта права» [12, с. 1366]. Таким образом, представления о добросовестном поведении участников правоотношений и случаи злоупотребления правом во многом основываются на понимании каждым субъектом права таких нравственных категорий, как добро, честность, порядочность, правдивость, уважение, без которых невозможно построение устойчивых правоотношений, и которые предопределяют поведение человека в обществе, в том числе в связи с реализацией его прав.

Сущность злоупотребления правом иногда рассматривается с точки зрения «употребления» права [13], тогда как оценка цели такой реализации права выходит на второй план. Подобный подход не дает возможности оценить истинные причины возникновения злоупотребления правом, что затрудняет разработку механизма противодействия данному явлению. Злоупотребление правом должно оцениваться с точки зрения цели действий субъектов права, что позволит учитывать не только сугубо правовой, но и нравственный аспект их поведения. В работах некоторых ученых прослеживается «сердцевина» рассматриваемого правового феномена, характеризующаяся как преследование субъектом права негативных целей – причинение вреда другому лицу (см. подробнее: [14, с. 20]) и (или) создание условий

для его возникновения [15, с. 283]. Ответ на вопрос о том, что способствует такому поведению субъектов права, может быть найден посредством изучения мотивов поведения субъектов права, их представлений о нравственной ценности права.

В исследованиях некоторых российских ученых отмечается, что к субъективным причинам злоупотребления правом, имеющим тесную связь с личностью субъекта права, относятся, в частности, низкий уровень правовой грамотности, правосознания, правовой культуры [16, с. 275], неумелое пользование предоставленными правами [4, с. 97].

Рассматривая низкий уровень правосознания как субъективную причину злоупотребления правом, нельзя не отметить следующее. Правосознание как форма общественного сознания содержит в себе, по мнению многих ученых, теоретико-правовое и эмоционально-ценностное восприятие правовой действительности, «проявляет себя в форме социально значимых действий и поступков человека» [17, с. 42]. При этом «правосознание, взрощенное без учета нравственных идеалов, становится сухим и поверхностным» [18, с. 50], что может приводить к реализации права в целях, противоречащих его назначению.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда осужденные к пожизненному лишению свободы за неоднократное совершение тяжких и особо тяжких преступлений, обращаясь с многочисленными исками о взыскании компенсации морального вреда, причиненного ненадлежащими условиями содержания в исправительных учреждениях, не преследуют реальной цели получения компенсации, а желают создать неблагоприятные последствия для учреждений и государственных органов, в компетенцию которых входило обеспечение содержания данных лиц в подобных учреждениях. Так, в отдельных решениях судов может быть зафиксирована позиция такого заявителя, который указывает, что реальной целью подачи иска было привлечение к ответственности должностных лиц исправительного учреждения и УФСИН по субъекту Российской Федерации «в связи с их ненадлежащим, по мнению истца, отно-

шением к нему, созданием неблагоприятных последствий для этих лиц»¹. Лицо, неоднократно судимое за умышленное совершение преступлений, вряд ли может «похвастаться» наличием у него высоких нравственно-правовых идеалов, глубоким восприятием правовой действительности и своего поведения. В отдельных случаях это предопределяет осуществление такими лицами субъективных прав в целях, не отвечающих добросовестности, справедливости, нравственности.

Включая правосознание в комплекс причин злоупотребления правом, следует отметить, что основной из них является не только низкий уровень правосознания индивида, но, прежде всего, деформация правосознания (правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой дилетантизм, правовой идеализм и т. д.), которая может приводить к возникновению у субъекта права «безнравственной» цели – причинение вреда другим лицам посредством использования вполне законных средств.

Так, например, одной из форм деформации правового сознания является правовой нигилизм, который иногда рассматривается как «отрицание прогрессивных идей, норм, правовых идеалов и ценностей» [19, с. 4], как «сформировавшееся в общественном сознании или психике человека устойчиво пренебрежительное или иное негативное отношение к праву, выражающееся в отрицании его социальной ценности и конструктивной роли в жизни общества» [20, с. 343]. В ряде исследований подобное отрицание ценности и прогрессивности права рассматривается как правовой негативизм (см., например, [21]). Одной из ценностей выступает добросовестность участников правоотношений, которая в настоящее время рассматривается как важный принцип гражданского права, имеющий нравственное и правовое «звучание». Отрицание субъектами права уважения обязательств, необходимости дей-

¹ Решение Тамбовского областного суда от 12.03.2020 по делу № 3а-229/2020 // Официальный сайт Тамбовского областного суда. URL: https://oblsud--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3290884&case_uid=3624c629-2a68-417a-822d-695307ab8f5c&delo_id=1540005 (дата обращения: 10.01.2022).

ствовать добросовестно, исключать обман и хитрость приводит к возникновению безнравственных мотивов и противоправных целей осуществления субъективных прав.

А.А. Малиновский отмечает, что правовой нигилизм, равно как и правовой негативизм, не находит отражения в категории «злоупотребление правом». Подобная позиция обусловлена тем, что лицо, отвергающее ценность права, любые правовые предписания, отказывающееся воплощать их в жизнь, не станет предпринимать какие-либо действия по реализации субъективных прав [22, с. 174]. Однако с таким подходом нельзя полностью согласиться. Отрицание права и его нравственной ценности не лишает индивида возможности использовать право «не по назначению» – причинить вред другим лицам или создать условия для его возникновения, очередной раз подтверждая, что право способно причинять вред и не может рассматриваться как важнейший социальный регулятор.

Нежелание воспринимать добросовестность как необходимое условие сосуществования субъектов правоотношений, отрицание ценности права, приводящее к злонамеренному его осуществлению, во многом обусловлено деформацией нравственных идеалов и представлений о праве. Как указывают Т.В. Дерюгина и А.О. Зайцев, «нравственность как категория, получившая внешнее выражение в нормах права, предполагает формирование внутреннего отношения субъекта не только к своему поведению, но и поведению третьих лиц, пропускаемое через призму его представлений о моральности» [7, с. 29-30]. Нивелирование субъектом права значения добросовестности, честности, порядочности, правдивости, уважения при осуществлении предоставленных ему прав создает почву для возникновения злоупотребления правом.

Следует отметить, что отношение субъекта права к необходимости соблюдения принципа добросовестности формируется в условиях деформации его внутреннего отношения к правовым и нравственным ценностям. Стремительно развивающееся общество и радикальные изменения, происходящие в общественных отношениях, вызывают изменения в нравственно-правовом

сознании как отдельного человека, так и группы людей. Изменения общественного строя, государственно-правовой политики, экономического уклада жизни, процессы глобализации обуславливают две тенденции, оказывающие воздействие на формирование представлений современного человека о праве и моральности. Первая тенденция связана с разрушением прежних, устоявшихся норм, ценностей, идеалов, вторая – обуславливает механизм торможения в развитии общественного сознания, в том числе правосознания, стереотипность мышления, копирования поведения других людей. Указанные тенденции определяют выбор способов и целей осуществления субъективных прав.

В ряде исследований злоупотребление правом рассматривается как деформированное правосознание. Так, например, Г.Р. Ишкильдина рассматривает злоупотребление правом как смешанную комбинацию нескольких форм деформации правосознания, при которой «субъект выходит за установленные законом пределы реализации права и наносит ущерб интересам общества, государства, правам и законным интересам граждан» [23, с. 28]. Однако, рассматривая осуществление права конкретным субъектом с точки зрения преследуемых им целей, возникают затруднения в понимании того, каким образом у субъекта права могут одновременно проявляться несколько форм деформации правосознания, например, такие «антиподы», как правовой нигилизм и правовой идеализм. Кроме того, злоупотребление правом, в отличие от деформации правосознания, основывается на реализации субъективного права и влечет юридически и социально значимые последствия, то есть имеет активную форму действий. Деформация правосознания связана с негативными изменениями в правовой идеологии и (или) правовой психологии, но не обязательно порождает активные действия индивидов.

В качестве субъективной причины злоупотребления правом называют низкий уровень правовой культуры. Следует отметить, что в ряде исследований данная причина злоупотребления правом рассматривается во взаимосвязи с низким уровнем правосознания, вместе с тем, характеристика низкому уровню правовой культуры как самостоя-

тельной причины злонамеренного осуществления права не дается. Так, О.Н. Бармина, рассматривая «низкий уровень правосознания и правовой культуры» в качестве причины злоупотребления правом, не разделяет данные явления, ограничившись лишь указанием на содержание в них «эгоистических убеждений, тягой к обогащению любыми средствами, неправильным пониманием правовых ценностей, неточным несоблюдением правовых предписаний» [4, с. 97].

Безусловно, правосознание и правовая культура являются взаимосвязанными категориями, имеющими одинаковый вектор направленности и оказывающими существенное влияние друг на друга, что позволяет рассматривать их в качестве «причинного комплекса» возникновения злоупотребления правом. Вместе с тем правовая культура может быть рассмотрена в качестве самостоятельной причины данного правового явления. Правовую культуру можно охарактеризовать как «реализованное правосознание» [24, с. 225]. Такая реализация «опирается» на правовую грамотность, правовое и нравственное воспитание личности, общий уровень ее культуры, умелое осуществление юридически значимых действий. Отсутствие необходимого уровня социального развития, правовой образованности личности в совокупности с незнанием способов разрешения межличностных конфликтов и неумелым использованием предоставленных правовых возможностей может приводить к злонамеренному осуществлению права.

Так, например, в последнее время широкое распространение получило «кверулянство» – деятельность граждан по направлению многочисленных обращений и жалоб в различные инстанции без цели реальной защиты своих прав и интересов. По справедливому замечанию С.П. Степкина, такие заявители достаточно часто «пытаются использовать ресурсы органов власти и правоохранительной системы для разрешения межличностных конфликтов и имущественных споров гражданско-правового характера, чаще всего в отношении родственников, соседей и вышестоящих руководителей» [25, с. 55]. Авторы многих подобных обращений и жалоб не учитывают отсутствие у конкретных государственных и муниципальных

органов необходимой компетенции на разрешение поставленных вопросов, основаны на незнании и непонимании нормативных правовых актов, устанавливающих разграничение сфер деятельности органов публичной власти. Анализируя реальные цели действий «кверулянтов», нельзя не отметить, что такие субъекты могут иметь вполне высокий уровень правовой грамотности с точки зрения знания действующего законодательства. Вместе с тем подобные лица не всегда отличаются высоким уровнем правового и нравственного воспитания, пониманием «духа закона», этических правил поведения в обществе, а также прав других лиц и границ своей свободы.

Рассматривая субъективные причины злоупотребления правом, нельзя не отметить, что к ним относятся правовой эгоцентризм и правовой эгоизм. В общем виде эгоизм представляет собой «сознательное пренебрежение интересами других людей, готовность обеспечить свое благополучие за счет других, осознанное и порой циничное нарушение моральных норм. Эгоцентризм, в отличие от эгоизма, – это устойчивая концентрация внимания только на своих интересах, проблемах, задачах. При этом другие, даже близкие люди, остаются вне поля зрения» [25, с. 57]. Анализируя данные явления в нравственно-правовом измерении, следует отметить, что правовой эгоизм представляет собой готовность субъекта права в определенных случаях реализовать собственные права и интересы даже в том случае, если его действия причинят вред другим лицам, «подорвут» нравственно-правовые основы общества. В свою очередь, правовой эгоцентризм характеризуется осознанием индивидом самого себя как центра правовой действительности, вокруг которого должны «вращаться» другие лица, процессы, явления (см. подробнее: [22, с. 174-175]. Отличие данных явлений состоит в том, что правовой эгоизм не всегда приводит к злоупотреблению правом, поскольку субъект сознательно оценивает целесообразность, значение, последствия осуществления предоставленных ему прав, тогда как правовой эгоцентризм не предполагает оценивание субъектом права своих действий «на долгосрочную перспективу». Правовой эгоцентризм во многом ос-

нован на нравственной и правовой незрелости индивида, его неготовности искать такие варианты осуществления права, которые в полной мере учитывали бы не только его цели, но и права и интересы других лиц.

Признаки злоупотребления правом, основанного на правовом эгоцентризме, могут проследиваться при осуществлении прав, предоставленных брачно-семейным законодательством, жилищных, трудовых и иных прав. Например, в правоприменительной практике встречаются случаи, когда бывшая супруга обращается в суд с иском о вселении ее и малолетнего ребенка в квартиру, в которой проживает бывший супруг с новой семьей, и в праве собственности на которую несовершеннолетний имеет 1/2 доли. При этом после развода бывшая супруга, забрав ребенка, въехала в квартиру, в которой она обладает 1/8 доли в праве собственности, препятствий во владении, пользовании указанной квартирой для нее и несовершеннолетнего ребенка не имеется². В такой ситуации сложно представить, что в поле зрения гражданина, реализующего право собственности малолетнего на жилое помещение, попадают права и интересы как бывшего супруга и членов его новой семьи, так и самого несовершеннолетнего.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 14.04.2015 по делу 33-6043/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IbSj9EgEekVR> (дата обращения: 05.02.2022).

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что именно волеизъявление субъекта ведет к злоупотреблению правом. Цель осуществления предоставленных ему прав позволяет определить субъективные причины злонамеренного осуществления права. В ходе проведенного исследования установлено, что появление цели осуществления субъективных прав – причинение вреда другим лицам и (или) создание условий для его возникновения предопределяется субъективными причинами, к которым могут быть отнесены деформация правосознания, низкий уровень правовой культуры, правовой эгоизм и правовой эгоцентризм. Указанные причины основаны на трансформации представлений современного человека о праве, моральности поведения, нравственном значении границ прав и свобод человека, рассогласованности правовых и нравственных потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций субъектов правовых отношений. Управление подобной трансформацией должно являться одним из направлений противодействия и профилактики злонамеренного осуществления права. Формирование механизма противодействия и профилактики злоупотребления правом невозможно без глубокого анализа факторов, оказывающих влияние на трансформацию отношения индивидов к праву и нравственности, что определяет необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Список источников

1. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2010. 320 с.
2. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020. 184 с.
3. Гридина А.М., Кононкова Н.В. Правовые причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективных прав // Правовая система России: история, современность, тенденции развития: сб. материалов 6 заочной Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.В. Чердаков. Благовещенск: АмГУ, 2019. С. 29-34.
4. Бармина О.Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 96-103.
5. Цыбулевская О.И. Злоупотребление правом как нравственная проблема // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Серия 5. Вып. 6. С. 56-62.
6. Алонцева Д.В. Нравственность как основа права в политико-правовых взглядах Ф.В. Тарановского // Молодежь и XXI век – 2021: материалы 11 Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т. / отв. ред. М.С. Разумов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. Т. 2. С. 138-140.

7. Дерюгина Т.В., Зайцев А.О. Нравственность и право как основы правового воспитания и правомерного осуществления субъективных гражданских прав // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 28-33.
8. Камышианский В.П. Некоторые идеи Л.И. Петражицкого о нравственности и праве в контексте современного гражданского права // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 19-25.
9. Поляков М.А. Развитие принципа добросовестности в праве европейских государств в период от Средневековья до современности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 202-206.
10. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв.: Очерки жизни и творчества: в 3 т. Изд. 2-е, доп. М.: Зерцало-М, 2015. Т. 1. С. 69-77.
11. Чернова О.В. Становление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве: исторический, доктринальный и правоприменительный аспекты // Genesis: исторические исследования. 2020. № 2. С. 15-27. DOI [10.25136/2409-868X.2020.2.32101](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.2.32101)
12. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1363-1368.
13. Савицкий П.В. Запрет злоупотребления правом как особая юридическая конструкция гражданского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 484-495.
14. Полищук Н.И. Злоупотребление правом как особая форма проявления правового нигилизма // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. № 22. С. 17-23.
15. Яковлева Ю.В. К вопросу о сущности злоупотребления правом // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. С. 279-283.
16. Панченко К.С. Определение пределов правовой толерантности как условие эффективного противодействия злоупотреблению правом // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 273-277.
17. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 41-48.
18. Шабанова Ю.А. Влияние нравственности на правосознание // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. В.Ф. Воловича, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. Ч. 40. С. 48-50.
19. Аксенова Г.Н. Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 3-9. DOI [10.14258/ralj\(2020\)2.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.1)
20. Ермилова Т.А. Правовой нигилизм как черта российской правовой культуры // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 11 (50). С. 342-345.
21. Мамонько М.М. Правовой негативизм как деформация правосознания осужденных к лишению свободы в структуре правового воспитания // Теория государства и права. 2021. № 3 (24). С. 102-109. DOI [10.47905/MATGIP.2021.23.3.012](https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.23.3.012)
22. Малиновский А.А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 6 (281). С. 171-181.
23. Иикульдина Г.Р. Злоупотребление правом как деформация правосознания // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 23-28.
24. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Теория государства и права: краткий курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Поволж. ин-т управ. им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2018. 244 с.
25. Степкин С.П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 54-59.

References

1. Malinovskiy A.A. *Zloupotrebleniye sub'yektivnym pravom (teoretiko-pravovoye issledovaniye)* [Abuse of Subjective Right (Theoretical and Legal Research)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010, 320 p. (In Russian).
2. Osmanova D.O. *Zloupotrebleniya pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve)* [Abuse in Insolvency (Bankruptcy)]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2020, 184 p. (In Russian).
3. Gridina A.M., Kononkova N.V. *Pravovyye prichiny vozniknoveniya zloupotrebleniya pravom v protsesse osushchestvleniya sub'yektivnykh prav* [Legal causes of abuse of right in the process of exercising subjective rights]. *Sbornik materialov 6 zaachnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Pravovaya sistema Rossii: istoriya, sovremennost', tendentsii razvitiya"* [Proceedings of the 6th Remote All-Russian

- Scientific and Practical Conference “Legal system of Russia: history, modernity, development trends”]. Blagoveshchensk, Amur State University, 2019, pp. 29-34. (In Russian).
4. Barmina O.N. Prichiny i usloviya vozniknoveniya zloupotrebleniy v prave [Causes and conditions of abuses in law]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2014, no. 6, pp. 96-103. (In Russian).
 5. Tsybulevskaya O.I. Zloupotrebleniye pravom kak npravstvennaya problema [Abuse of right as a moral problem]. *Vestnik VolGU – Journal of Volgograd State University*, 2003–2004, vol. 5, no. 6, pp. 56-62. (In Russian).
 6. Alontseva D.V. Npravstvennost' kak osnova prava v politiko-pravovykh vzglyadakh F.V. Taranovskogo [Morality as a basis of right in political-legal views of F.V. Taranovsky]. *Materialy 11 Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii “Molodezh' i XXI vek – 2021”: v 6 t.* [Proceedings of 11th International Youth Scientific Conference “Youth and 21st Century – 2021”: in 6 vols.]. Kursk, Southwest State University Publ., 2021, vol. 2, pp. 138-140. (In Russian).
 7. Deryugina T.V., Zaytsev A.O. Npravstvennost' i pravo kak osnovy pravovogo vospitaniya i pravomernogo osushchestvleniya sub'yektivnykh grazhdanskikh prav [Morality and law as bases of legal education and lawful exercise of subjective civil rights]. *Pravovaya paradigma – Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 28-33. (In Russian).
 8. Kamyshanskiy V.P. Nekotoryye idei L.I. Petrazhitskogo o npravstvennosti i prave v kontekste sovremennogo grazhdanskogo prava [Some ideas of L.I. Petrazhitzky on morality and law in the context of modern civil law]. *Vlast' Zakona* [Power of Law], 2013, no. 3 (15), pp. 19-25. (In Russian).
 9. Polyakov M.A. Razvitiye printsipa dobrosovestnosti v prave evropeyskikh gosudarstv v period ot Srednevekov'ya do sovremennosti [Development of the principle of good faith in the law of European states during the period from the Middle Ages to the present day]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 18, pp. 202-206. (In Russian).
 10. Tomsinov V.A. *Rossiyskiye pravovedy XVIII–XX vv.: Ocherki zhizni i tvorchestva: v 3 t.* [Russian Jurists of 18–20 Centuries: Essays on Life and Work: in 3 vols.]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2015, vol. 1, pp. 69-77. (In Russian).
 11. Chernova O.V. Stanovleniye printsipa dobrosovestnosti v otechestvennom grazhdanskom prave: istoricheskiy, doktrinal'nyy i pravoprimeritel'nyy aspekty [The development of the principle of good faith in domestic civil law: historical, doctrinal and law enforcement aspects]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], 2020, no. 2, pp. 15-27. DOI [10.25136/2409-868X.2020.2.32101](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.2.32101) (In Russian).
 12. Bogdanova E.E. Printsip dobrosovestnosti v dogovornykh otnosheniyakh v rossiyskom i zarubezhnom prave [The principle of good faith in contractual relations in Russian and foreign law]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44), pp. 1363-1368. (In Russian).
 13. Savitskiy P.V. Zapret zloupotrebleniya pravom kak osobaya yuridicheskaya konstruktsiya grazhdanskogo prava [Prohibition of abuse of right as a special legal construction of civil law]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2004, no. 5, pp. 484-495. (In Russian).
 14. Polishchuk N.I. Zloupotrebleniye pravom kak osobaya forma proyavleniya pravovogo nigelizma [Abuse of right as a special form of legal nihilism]. *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «Vzaimodeystviye ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovyye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty»* [Bulletin of Public Research Laboratory “Interaction of Criminal-Executive System with Institutions of Civil Society: Historical-Legal and Theoretical-Methodological Aspects”], 2021, no. 22, pp. 17-23. (In Russian).
 15. Yakovleva Y.V. K voprosu o sushchnosti zloupotrebleniya pravom [On the essence of the abuse of right]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Tambovskiy pravovyye chteniya imeni F.N. Plevako”: v 2 t.* [Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference “Tambov legal readings in the name of F. N. Plevako”: in 2 vols.]. Tambov, “Derzhavinskiy” Publishing House, 2020, pp. 279-283. (In Russian).
 16. Panchenko K.S. Opredeleniye predelov pravovoy tolerantnosti kak usloviye effektivnogo protivodeystviya zloupotrebleniyu pravom [Definition of the limits of legal tolerance as a condition for effective counteraction to the abuse of law]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, 2019, no. 4, pp. 273-277. (In Russian).
 17. Strugova E.V. O pravosoznanii i ego deformatsii [About legal consciousness and its deformation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2016, no. 1, pp. 41-48. (In Russian).

18. Shabanova Y.A. Vliyaniye npravstvennosti na pravosoznaniye [Influence of morality on legal consciousness]. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening of the Russian Statehood]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, pt 40, p. 48-50. (In Russian).
19. Aksenova G.N. Kharakter sootnosheniya pravovogo nigelizma i pravovogo idealizma [Nature of the ratio of legal nihilism and legal idealism]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal* [Russian-Asian Law Journal], 2020, no. 2, pp. 3-9. DOI [10.14258/ralj\(2020\)2.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.1). (In Russian).
20. Ermilova T.A. Pravovoy nigelizm kak cherta rossiyskoy pravovoy kul'tury [Legal nihilism as a feature of Russian legal culture]. *Alleya nauki* [Science Alley], 2020, vol. 2, no. 11 (50), pp. 342-345. (In Russian).
21. Mamonko M.M. Pravovoy negativizm kak deformatsiya pravosoznaniya osuzhdennykh k lisheniyu slobody v strukture pravovogo vospitaniya [Legal negativism as a deformation of legal consciousness of convicted to imprisonment in the structure of legal education]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and Law*, 2021, no. 3 (24), pp. 102-109. DOI [10.47905/MATGIP.2021.23.3.012](https://doi.org/10.47905/MATGIP.2021.23.3.012). (In Russian).
22. Malinovskiy A.A. Pravovoy egotsentrizm kak raznovidnost' deformatsii individual'nogo pravosoznaniya [Legal egocentrism as a kind of deformation of individual legal consciousness]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2008, no. 6 (281), pp. 171-181. (In Russian).
23. Ishkil'dina G.R. Zloupotrebleniye pravom kak deformatsiya pravosoznaniya [Abuse of right as deformation of legal consciousness]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 3 (41), pp. 23-28. (In Russian).
24. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. *Teoriya gosudarstva i prava: kratkiy kurs lektsiy* [Theory of the State and Law: A Brief Course of Lectures]. Saratov, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2018, 244 p. (In Russian).
25. Stepkin S.P. Problemy zloupotrebleniya pravom pri realizatsii prava grazhdan na obrashcheniya [Problems of abuse of right in realization of the right of citizens to appeal]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2019, no. 1 (124), pp. 54-59. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198

Шифр научной специальности 5.1.4

К вопросу об уголовно-правовой характеристике надругательства над телами умерших и местами их захоронения

© АЛИМИРЗАЕВ Экбер Абдулахадович,

аспирант, кафедра уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33; подполковник полиции, начальник 8 отделения, ОУР УВД по CAO ГУ МВД России по г. Москве, Российская Федерация, 125212 г. Москва, ул. Выборгская, 14, ORCID: 0000-0002-0127-2572, SI80777780@mail.ru

Аннотация

Рассмотрен состав преступления, предусмотренный статьей 244 УК РФ, а также указано на ряд дискуссионных моментов по правильности трактовки отдельных элементов состава данного преступления и проблем его квалификации в судебной практике. Цель статьи – анализ элементов состава преступления, отраженного в статье 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», и квалификации определенных действий виновных лиц, например, при совершении хищения предметов, находящихся при умершем. В ходе исследования подробно рассмотрены родовая, видовой и непосредственный объект и предмет деяния по статье 244 УК РФ, проанализированы признаки объективной стороны данного преступления, проблемы его квалификации. На основе изучения судебной практики сделан вывод, что надругательство над телом умершего может быть выражено в разнообразных формах расчленения трупа, в глумлении над трупом человека, совершении в отношении него полового акта (некрофилия). Акцентируется внимание на том, что единообразное мнение относительно уголовно-правовой квалификации хищения имущества с тела покойного отсутствует. Высказана авторская точка зрения о необходимости разработки и внедрения унифицированного подхода к пониманию статьи 244 УК РФ и правильной квалификации деяний, подпадающих под совокупность признаков, предусмотренных указанной статьей. Сформулированы предложения по дополнению норм законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова

общественная нравственность, надругательство над телами умерших, надругательство над местами захоронений, проблема квалификации, изъятие вещей с тела умершего, некрофилия, осквернение мест захоронения, уничтожение имущества

Для цитирования

Алимирзаев Э.А. К вопросу об уголовно-правовой характеристике надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 189-198. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198)

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198

On the issue of the criminal-legal characteristics of the abuse of the bodies of the deceased and their burial places

© Ekber A. ALIMIRZAEV,

Post-Graduate Student, Criminal Law and Procedure Department of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation; Lieutenant Colonel of the Police, Head of the 8th Department, CID of the DIA for the NAD MD of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, 14 Vyborgskaya St., Moscow 125212, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0127-2572](https://orcid.org/0000-0002-0127-2572), SI807777780@mail.ru

Abstract

We examine the composition of the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also point out a number of controversial points on the correctness of the interpretation of certain elements of the composition of this crime and the problems of the qualification of this act in judicial practice. The purpose of the scientific work is to investigate the elements of the composition of the crime reflected in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation “Abuse of the bodies of the deceased and their burial places” and the qualification of certain actions of the perpetrators, for example, when committing theft of objects that are with the deceased. In the course of the study, the generic, specific and direct object and subject of the act under Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered in detail, the signs of the objective side of this crime, the problems of its qualification are analyzed. Based on judicial practice, it is possible to formulate a logical conclusion that the abuse of the body of the deceased can be expressed in various forms of dismemberment of the corpse, in mockery of the corpse of a person, committing sexual intercourse in relation to him (necrophilia). It is emphasized that there is also no uniform opinion regarding the criminal legal qualification of the theft of property from the body of the deceased. We express our point of view about the need to develop and implement a unified approach to understanding Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation and the correct qualification of acts falling under the set of signs provided for by this study. Proposals are formulated to supplement the norms of legislation in the field under consideration.

Keywords

public morality, abuse of the bodies of the deceased, abuse of burial sites, the problem of qualification, removal of things from the body of the deceased, necrophilia, desecration of burial sites, destruction of property

For citation

Alimirzaev E.A. K voprosu ob ugovovno-pravovoy kharakteristike nadrugatel'stva nad telami umershih i mestami ikh zakhoroneniya [On the issue of the criminal-legal characteristics of the abuse of the bodies of the deceased and their burial places]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 189-198. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-189-198) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Постановка проблемы

Уголовно-правовая охрана общественной нравственности и иных смежных духовных ценностей общества занимает особое место в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Так, государством ставится задача по сохра-

нению нравственности, морального здоровья общества, часть которой реализуется посредством введения уголовной ответственности за преступления, подрывающие честь и память умерших, что, в свою очередь, причиняет моральные страдания родным и близким покойных. Состав указанного пре-

ступления сформулирован в статье 244 УК РФ, в которой, в частности, речь идет о надругательстве над телами умерших и местами их захоронений.

Согласно статистике, число осужденных по статье 244 УК РФ за последние десять лет варьировалось от 0,02 до 0,07 % от общего числа осужденных за преступления, посягающих на здоровье населения и общественную нравственность. За 2020 г. по данной статье было осуждено всего 29 человек, из которых лишь один человек отбывает наказание в местах лишения свободы, тогда как остальным были назначены иные виды наказания (3 человека осуждено условно, к 2 применили ограничение свободы, 2 назначили штраф, 11 – исправительные работы и 7 лицам – обязательные работы)¹. Действительно, количество совершенных преступных деяний, содержащихся в частях 1 и 2 статьи 244 УК РФ, относительно иных преступлений незначительно, однако указанный факт не умаляет их общественную опасность.

В настоящее время в доктрине современного уголовного права не существует единого подхода к пониманию решения основных проблем, сопряженных с квалификацией, в частности, указанных посягательств. При этом подобные сложности в понимании присущи не только данному деянию, но и иным преступлениям, на чем неоднократно акцентируют внимание ученые в своих публикациях [1–4]. Данный факт применимо к общественно опасному деянию, предусмотренному ст. 244 УК РФ, находит отражение в паллиативных вопросах применения судебной практики, что подтверждает необходимость подробного изучения диспозиции статьи 244 УК РФ. Полагаем, это положительно скажется на определении правовой сущности указанного деяния, а также его отграничении от смежных преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ.

Представляется верным провести краткий исторический обзор становления института ответственности за рассматриваемое уголовное преступление. Так, гробокопа-

тельство выступает одним из древнейших преступлений, посягающим на общественную нравственность. Оно сопровождало человечество на всех этапах его развития. Впервые состав данного преступления получил свое закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5]. Предшественником современного преступного деяния, содержащегося в статье 244 УК РФ, является преступление, которое было закреплено в статье 299 УК РСФСР от 1960 г., а именно: «надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов»².

Общественная опасность указанного преступления выражается не только в оскорблении памяти об усопшем, но и в оскорблении чувств живых к умершему, что, в общем, составляет нарушение обычаев по почитанию умерших, складывающихся веками. Неслучайно отечественными исследователями подчеркивается, что к настоящему моменту времени надругательства над телами умерших и местами их захоронений превратились в «новую социальную болезнь», проявившую себя в объединении нравственно деградированных и социально дезориентированных групп граждан [6, с. 139]. Кроме того, на проблемы защиты мест захоронения и тел умерших указывается и в зарубежных источниках [7].

Результаты исследования

Предполагаем, что подробное рассмотрение преступного деяния, содержащегося в статье 244 УК РФ, целесообразно начать с объекта указанного преступления. Сначала проанализируем общий объект, которым выступает вся совокупность общественных отношений, охраняемых нормами уголовного закона. Однако на современном этапе существует и иное мнение – в частности, А.В. Пашковская под общим объектом понимает всю совокупность значимых ценностей, благ, на которые покушаются лица, совершающие любое преступление, содержащиеся в УК РФ [8, с. 376]. Несмотря на различные позиции понимания общего объекта, они довольно схожи и обладают единым

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначении наказания по статьям УК РФ за 2020 г. // Официальный сайт Судебной статистики РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 28.06.2021).

² Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

признаком – это совокупность общественных отношений, охраняемая уголовным правом. Думается, что термин «общественные отношения» в данном случае более применим, так как имеет более широкий спектр и охватывает больший круг объектов в целом.

Далее следует рассмотреть родовой объект. В соответствии с родовым объектом называются разделы особенной части УК РФ. Так, родовым объектом преступного деяния, предусмотренного статьей 244 УК РФ, являются общественная безопасность и общественный порядок. Дискуссионным остается вопрос, на что именно посягает преступное деяние, закрепленное в статье 244 УК РФ – на общественную безопасность или на общественный порядок? Актуальным также является законодательное закрепление понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» для наиболее правильной квалификации. Надругательство над телами умерших не создает угрозу здоровью человека. Данные деяния посягают на моральные ценности и нравственные устои индивидов в частности и общества в целом. Учитывая вышеизложенное, родовым объектом преступления, предусмотренного статьей 244 УК РФ, является именно общественный порядок.

Видовым объектом указанного преступного деяния выступает общественная нравственность. В литературе отмечается, что общественная нравственность, являясь объектом уголовно-правовой охраны, включает в себя «совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и поддерживающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования» [9, с. 44]. Подчеркнем, что общественная нравственность основывается на системе моральных норм и правил, обычаев и традиций, которые, в свою очередь, связаны с представлениями о добре и зле. Кроме того, следует отметить, что общественная нравственность в определенной мере выступает в качестве составной части общественного порядка в сфере, касающейся определенной категории общественных отношений, которые преимущественно регулируются нормами мо-

рали и нравственности и, таким образом, обеспечивают общественное спокойствие.

Перейдем к рассмотрению непосредственного объекта надругательства над телами умерших и их захоронениями. Как правило, конкретная статья УК РФ указывает, каким именно общественным отношениям причиняется вред совершенным преступлением. На основе совокупности вышеприведенных фактов следует логичный вывод о том, что преступное деяние, запрещенное статьей 244 УК РФ, непосредственно нарушает общественные отношения в сфере уважительного отношения к умершим людям и местам их захоронений. Наряду с непосредственным объектом выделяется дополнительный – общественные отношения, которым нанесен вред совершенным преступным деянием, которые, однако, не отражают сущность деяния. Дополнительный объект появляется в пункте «в» части 2 статьи 244 УК РФ. Таковым объектом в данном случае выступает жизнь и здоровье гражданина, которому высказана угроза применения насилия или в отношении которого непосредственно применено насилие. Наличие дополнительного непосредственного объекта автоматически повышает общественную опасность преступного деяния, о чем может свидетельствовать анализ санкций одной и той же статьи – разных ее частей и пунктов, в которых присутствует дополнительный объект, и в которых он отсутствует.

Практически значимым является отграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 214 УК РФ (вандализм) и, соответственно, 244 УК РФ. Так, базовым отличием является предмет посягательства – в статье 244 предметом посягательства являются не только непосредственные места захоронения останков, но и символические захоронения. Однако судебная практика решает данный вопрос иным способом – так, нередко мемориальные доски и плиты, а точнее их порча и осквернение, квалифицируются судом как деяния, относящиеся к вандализму (то есть по соответствующей части статьи 214 УК РФ). Таким образом, суд признал, что мемориальная доска, посвященная жертвам Великой Отечественной войны, не входит в предмет преступления, предусмотренного статьей 244 УК РФ [10,

с. 15]. Немаловажным аспектом является отграничение составов статей 243 и 244 УК РФ. В данном случае важную роль играет правовой статус предмета посягательства. Так, для применения статьи 243 УК РФ необходимо, чтобы у предмета посягательства присутствовал статус объекта культурного наследия – памятника истории и культуры.

Перейдем к рассмотрению признаков объективной стороны состава анализируемого преступления. Представляется возможным отметить, что объективная сторона преступления, санкционируемого статьей 244 УК РФ, выражается в двух формах самостоятельных преступных деяний, альтернативно перечисленных в диспозиции статьи – это *надругательство над телами умерших* и *уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений, кладбищенских зданий*.

В соответствии с современной доктриной уголовного права надругательство над телами умерших выражается в оскорблении памяти умершего и чувств его близких. В юридической литературе встречаются разные определения данного понятия. В частности, наиболее точным и полным, на наш взгляд, выступает следующее определение, данное А.С. Шокель: «это совершение безнравственных физических действий виновных лиц, выражающихся в глумлении над останками человека, извлечение трупа из могилы, обнажение или расчленение тела, изъятие предметов, связанных с ритуалом погребения, самовольное перезахоронение либо кремация и т. п., которые, согласно обычаям, сложившимся на территории Российской Федерации, оскорбляют память умершего и чувства его близких» [11, с. 64].

Однако на основе судебной практики можно сформулировать логичный вывод, что надругательство над телом умерших может быть выражено в разнообразных формах расчленения трупа, в глумлении над трупом человека, совершении в отношении него полового акта (некрофилия)³. По мнению Э. Фромма, сексуальная некрофилия

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2011 г. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

представляет собой страсть лица к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом [12, р. 280].

Однако необходимо принимать во внимание Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1, в котором речь идет об определении понятия глумления над трупом – в частности, глумление над трупом не предусматривает совершения убийства с особой жестокостью. Так, данные преступные деяния не будут квалифицироваться по пункту «д» части 1 статьи 105 УК РФ, а будут оцениваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 105 и соответствующей частью статьи 244 УК РФ в случае, если отсутствуют признаки проявления субъектом особой жестокости в ходе лишения жизни лица⁴.

Актуальным также остается вопрос о правильной квалификации преступного деяния, если субъект совершает кражу имущества, находящегося на теле умершего. В соответствии с действующей судебной практикой такое преступное деяние будет квалифицировано по совокупности части 1 статьи 244 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 158 УК РФ (то есть субъект совершил надругательство над местами захоронения умерших, в частности, повреждение мест захоронения и кражу с проникновением в иное хранилище)⁵. Аналогичного мнения придерживается и А.С. Шокель, однако, представляется возможным отметить, что это противоречит субъективной стороне преступного деяния, содержащегося в статье 244 УК РФ. Так, для квалификации по совокупности преступлений необходимо установить наличие прямого умысла у лица и на надругательство над телами умерших, и на хищение имущества в месте захоронения либо на (при) умершем, что вряд ли возможно. Как обозначалось нами ранее, доктрина уголовного права, наряду с действующей

⁴ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. 03.03.2015 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Надругательство над телами умерших и местами их захоронения: Приговор суда по ч. 1 ст. 244 УК РФ № 1-39/2017 (1-338/2016) // Официальный сайт Судебной практики РФ. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/202510.html> (дата обращения: 28.06.2021).

судебно-следственной практикой, имеет иную точку зрения. В частности, указанная позиция рассматривается у отдельных авторов комментариев к УК РФ, а также в литературе, посвященной актуальным вопросам уголовного права [5, с. 520; 13, с. 56].

Однако существует иная позиция, обуславливаемая положениями, содержащимися в ГК РФ. Так, имущество, находящееся при покойном, в соответствии с нормами гражданского права признается брошенным, то есть у такого имущества не может быть собственника. Несмотря на ценность вещей (ими могут быть украшения – ювелирные изделия, награды и т. д.), в соответствии с положениями ГК РФ указанная категория вещей, будучи захороненными, перестает являться объектами гражданского оборота⁶. К тому же покойник также не может выступать в качестве собственника данных предметов – таким образом, ритуал по ингумации вещей *de jure* является прямым отказом собственника от них. Следовательно, действия виновного в таком случае, при совершении деяния, признаки которого совпадают с совокупностью признаков, указанных в изучаемой статье, должны быть квалифицированы только по статье 244 УК РФ без совокупности с иными статьями.

Однако Р.А. Исмагилов высказывает позицию о том, что если лицо совершает изъятие вещей с тела умершего, то такое деяние должно быть квалифицировано как незаконное хищение имущества [14].

Актуальным также остается вопрос о правильной квалификации деяний, связанных с некрофилией. В частности, проблемным является аспект, касающийся убийства с последующим «изнасилованием» – совершением полового сношения с трупом. Указанный вопрос не урегулирован ни уголовным законодательством Российской Федерации, ни ППВС РФ, ни сложившейся судебной практикой. Авторитетные юристы также не пришли к единому мнению по решению данного вопроса.

Существует мнение, в соответствии с которым убийство с целью впоследствии со-

вершить акт некрофилии должно быть квалифицировано по части 1 статьи 105 УК РФ. Однако, на наш взгляд, это не отражает полной картины и ужаса деяний, совершенных виновным. Так, предполагаем, что если лицо совершило убийство с целью совершения полового акта или действий сексуального характера с трупом и начало реализовывать их в процессе предсмертной агонии, то указанные деяния следует квалифицировать по совокупности пункта «к» части 2 статьи 105 УК РФ и статьи 244 УК РФ (соответствующей части) – то есть убийство с целью изнасилования/насильственных действий сексуального характера и, соответственно, надругательство над телом умершего. Аналогичная квалификация имеет место быть, если лицо приступило к совершению полового акта или действий сексуального характера после наступления смерти потерпевшего. В таком случае пункт «к» необходим в качестве указания на «облегчение совершения иного преступления» – надругательство над телом умершего.

Однако судебная практика решает данные дискуссионные вопросы несколько иным образом. Так, действия виновного, который в процессе полового акта с потерпевшей убил ее и, осознавая это, продолжил половое сношение, были квалифицированы по совокупности пункта «к» части 2 статьи 105 УК РФ и части 1 статьи 131 УК РФ⁷. Доктрина уголовного права предписывает квалифицировать дополнительно и по статье 244 УК РФ в случае, если виновный осознал, что в ходе полового акта и/или насильственных действий сексуального характера жертва умирает, однако, несмотря на это, продолжает свои преступные действия. Это мнение противоречит судебной практике, рассмотренной нами ранее, хотя, на наш взгляд, является наиболее верной квалификацией совокупности деяний, совершенных виновным лицом. Необходимо уделить особое внимание умыслу субъекта. Так, например, когда лицо имело умысел на совершение полового сношения с трупом в целях надругаться над погибшим, то, в соответст-

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Апелляционное постановление Тульского областного суда по делу № 22-698 от 12.04.2017 // СПС Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.06.2021).

вии со сложившейся судебной практикой, деяния квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующим пунктом части 2 статьи 105 и соответствующей части статьи 244 УК РФ⁸.

Перейдем к рассмотрению второй формы преступного деяния, содержащегося в статье 244 УК РФ. Однако на первичном этапе необходимо провести анализ такого понятия, как «уничтожение имущества» для того, чтобы впоследствии правильно истолковать и дать верную характеристику, соответствующую мнению авторитетных ученых в области уголовного права, касающейся объективной стороны преступления, закрепленного в статье 244 УК РФ. В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «уничтожение». Представляется возможным отметить, что в доктрине существует несколько наиболее полных определений, характеризующих уничтожение применительно к имуществу. Так, А.М. Шарипов и И.Г. Шевченко предлагают следующее определение уничтожения применительно к уголовному праву – это противоправное воздействие на чужую вещь, которая в результате этого разрушается/гибнет и, как следствие, не поддается восстановлению и использованию по целевому назначению, выпадая из экономического оборота [15, с. 10; 16, с. 8]. У.С. Юдина отмечает, что в основе уничтожения, как правило, находятся биологические и социально-психологические особенности лиц, совершающих данное деяние, а также причины, проходящие «сквозь призму социально-экономических, политических, управленческих отношений» [17, с. 84].

Если рассматривать *уничтожение* в контексте статьи 244 УК РФ, то в современной доктрине уголовного права существует следующее определение: «это разрушение мест захоронения, надмогильных сооружений либо кладбищенских зданий (при невозможности последующего восстановления, так как виновными лицами они были приведены в полную негодность или они полностью перестают существовать), кото-

рые были специально предназначены для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, в результате чего невозможно их использовать по прямому назначению» [18, с. 17; 19, с. 651].

В соответствии со сложившейся судебной практикой, предметами данного преступления могут выступать памятники и надмогильные сооружения⁹. Повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений либо кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний, предполагает умышленное причинение вреда местам захоронения. Однако для правильной квалификации необходимо наличие реальной возможности восстановления первоначального состояния объекта – а конкретнее – прежних качеств объекта [20, с. 314]. Также не существует легального определения *осквернения* мест захоронения. Предполагаем, что необходимо также обратиться к современной доктрине уголовного права – таким образом, под осквернением мест захоронения следует понимать совершение безнравственных (циничных) действий, которые несовместимы с предназначением сооружений без признаков повреждения либо уничтожения, заключающихся, например, в нанесении непристойных надписей и рисунков на могильных плитах, нанесении на могилу мусора, нечистот [11, с. 65; 20, с. 314; 21, с. 112; 22, с. 109; 23, с. 41].

Заключение

В контексте существующих проблем появилась необходимость разработать и внедрить унифицированный подход к пониманию статьи 244 УК РФ и правильной квалификации деяний, подпадающих под совокупность признаков, предусмотренных указанной статьей. Представляется возможным принять разъяснения Пленуму Верховного суда Российской Федерации, который, будучи основанным на международно-правовых актах, национальных нормативных правовых актах и существующей судебной и следственной практики использования статьи 244 УК РФ, позволит решить основные проблемы и разногласия, существующие

⁸ Апелляционное определение Верховного суда РФ по делу № 29-АПУ15-4 от 26.01.2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Судебной Коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда по делу № 33-850 от 25.04.2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

между авторитетными учеными-криминалистами и сложившейся судебной практикой. К тому же предполагаем, что необходимо внести некоторые изменения в действующую редакцию федерального закона «О погребении и похоронном деле»¹⁰ в целях создания легальных определений следующих терминов применительно к уголовному праву в целом и статье 244 УК РФ в частности: уничтожение, повреждение и осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений и кладбищенских зданий.

К тому же существует ряд проблемных аспектов, касающихся разграничения смежных составов преступлений. Предполагаем, что только разработка и внедрение новых разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации, касающегося статьи 244 УК РФ, позволит правильно отграничивать смежные составы преступлений. Особое внимание следует обратить на преступления, рассмотренные нами ранее.

Что касается хищения имущества с тела покойного, то и здесь отсутствует единообразное мнение относительно уголовно-правовой квалификации этого деяния. Таким образом, существует необходимость дополнения положений статьи 244 УК РФ норма-

ми, касающимися хищения имущества. Это позволит устранить ряд недостатков, существующих на современном этапе, а также разногласий между мнениями авторитетных ученых, занимающихся изучением актуальных вопросов уголовного права и сложившейся на сегодняшний день судебной практикой. Особое внимание следует уделить преступным деяниям, сопряженным с изнасилованием и/или насильственными действиями сексуального характера (в контексте некрофилии), так как их квалификация, наряду с хищением имущества с трупа, является одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем на современном этапе, требующих унификации с точки зрения уголовно-правовых норм.

На основе совокупности всех вышеперечисленных фактов представляется возможным сделать вывод о наличии значительного количества недостатков и коллизий в уголовном законодательстве, которые не позволяют эффективно и единообразно охранять общественные отношения, на которые посягают субъекты при совершении преступных деяний, предусмотренных статьей 244 УК РФ. Только реализация предложений, сформулированных автором, позволит минимизировать ошибки на практике, и, соответственно, впоследствии полностью их исключить.

¹⁰ О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

Список источников

1. Осокин Р.Б., Клещенко Ю.Г. Проблемы квалификации налогового мошенничества по субъективным признакам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6 (62). С. 357-360.
2. Осокин Р.Б. Разграничение составов вовлечения в занятие проституцией и использования рабского труда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 294-296.
3. Panteleeva I.A., Baksht D.A. Issues of criminal liability for smuggling cultural properties // Russian Journal of Criminology. 2017. № 3. P. 577-586. DOI [10.17150/2500-4255.2017.11\(3\).577-586](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(3).577-586)
4. Осокин Р.Б., Заливина Н.Н. Правовой статус прекурсоров, аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 2. С. 342-352. DOI [10.21638/spbu14.2020.206](https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.206)
5. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
6. Григорян Д.К., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. К вопросу надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 139-143.
7. Matefi R. The respect owed to the human being even after death // Globalization and Intercultural Dialogue: Multidisciplinary Perspectives – Law: 2nd International Conference on Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity. Targu-Mures: Arhipelag XXI, 2014. P. 230-233.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.

9. Ланко Г.К. Криминологические особенности преступлений против общественной нравственности // Юридическая наука. 2020. № 12. С. 44-46.
10. Широков Н.А. Вандализм (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
11. Шокель А.С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 209 с.
12. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. N. Y., 1994. 521 p.
13. Осокин Р.Б., Курсаев А.В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 49-58.
14. Исмагилов Р.А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 56-58.
15. Шарипов А.М. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
16. Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 26 с.
17. Юдина У.С. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 84-88. DOI [10.24411/2414-3995-2020-10235](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10235)
18. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследование надругательств над телами умерших и местами их захоронений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 40 с.
19. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2008. 1008 с.
20. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 581 с.
21. Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 238 с.
22. Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 216 с.
23. Абдуллаев А.С. Уголовно-правовой и криминологический анализ надругательства над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. 168 с.

References

1. Osokin R.B., Kleshchenko Y.G. Problemy kvalifikatsii nalogovogo moshennichestva po sub'yektivnym priznakam [Problems of qualifying tax fraud on subjective grounds]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 6 (62), pp. 357-360. (In Russian).
2. Osokin R.B. Razgranicheniye sostavov vovlecheniya v zanyatiye prostitutsiyey i ispol'zovaniya rabskogo truda [Differentiation between the compositions of involvement in prostitution and the use of slave labor]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 2 (118), pp. 294-296. (In Russian).
3. Panteleeva I.A., Baksht D.A. Issues of criminal liability for smuggling cultural properties. *Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 3, pp. 577-586. DOI [10.17150/2500-4255.2017.11\(3\).577-586](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(3).577-586)
4. Osokin R.B., Zalivina N.N. Pravovoy status prekursorov, analogov i proizvodnykh narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv [Legal status of precursors, analogues and derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 342-352. DOI [10.21638/spbu14.2020.206](https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.206). (In Russian).
5. Sundurov F.R., Talan M.V. (eds.). *Ugolovnoye pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. Special Part]. Moscow, Statut Publ., 2012, 943 p. (In Russian).
6. Grigoryan D.K., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. K voprosu nadrugatel'stva nad telami umershih i mestami ikh zakhoroneniya [On the issue of abuse of the bodies of the dead and their burial places]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*, 2022, no. 1 (100), pp. 139-143. (In Russian).
7. Matefi R. The respect owed to the human being even after death. *2nd International Conference on Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity "Globalization and Intercultural Dialogue: Multidisciplinary Perspectives – Law"*. Targu-Mures, Arhipelag 21 Publ., 2014, pp. 230-233.

8. Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. (eds.). *Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. general Part]. Moscow, Statut Publ., 2012, 879 p. (In Russian).
9. Lapko G.K. Kriminologicheskiye osobennosti prestupleniy protiv obshchestvennoy npravstvennosti [Criminological features of crimes against public morality]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*, 2020, no. 12, pp. 44-46. (In Russian).
10. Shirokov N.A. *Vandalizm (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Vandalism (Criminal and Criminological Aspects). Cand. law sci. diss. abstr.]. Moscow, 2003, 24 p. (In Russian).
11. Shokel A.S. *Preduprezhdeniye prestupleniy, svyazannykh s nadrugatel'stvami nad telami umershikh i mestami ikh zakhoroneniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prevention of Crimes Related to Abuse of the Bodies of the Dead and Their Burial Places. Cand. law sci. diss.]. Moscow, 2011, 209 p. (In Russian).
12. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York, 1994, 521 p.
13. Osokin R.B., Kursayev A.V. Ugolovno-pravovaya otsenka pokhishcheniya, unichtozheniya ili povrezhdeniya imushchestva s tel umershikh ili mest ikh zakhoroneniya [Criminal-legal assessment of theft, destruction or damage to property from the bodies of the dead or their burial places]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2012, no. 7, pp. 49-58. (In Russian).
14. Ismagilov R.A. Nekotoryye problemy kvalifikatsii khishcheniya imushchestva s tel umershikh i mest ikh zakhoroneniya [Some problems of qualifying the theft of property from the bodies of the dead and their burial places]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2014, no. 1 (15), pp. 56-58. (In Russian).
15. Sharipov A.M. *Unichtozheniye i povrezhdeniye imushchestva v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Destruction and Damage to Property in the Criminal Law of Russia. Cand. law sci. diss. abstr.]. Moscow, 2006, 28 p. (In Russian).
16. Shevchenko I.G. *Unichtozheniye i povrezhdeniye imushchestva v ugolovnom prave Rossii: evolyutsiya norm: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Destruction and Damage to Property in Russian Criminal Law: the Evolution of Norms. Cand. law sci. diss. abstr.]. Samara, 2007, 26 p. (In Russian).
17. Yudina U.S. K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za unichtozheniye ili povrezhdeniye imushchestva [On the issue of criminal liability for destruction or damage to property]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Economic Security*, 2020, no. 4, pp. 84-88. DOI [10.24411/2414-3995-2020-10235](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10235). (In Russian).
18. Dzhemelinskiy V.A. *Kriminalisticheskaya kharakteristika i pervonachal'nyy etap rassledovaniye nadrugatel'stv nad telami umershikh i mestami ikh zakhoroneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic Characteristics and the Initial Stage of the Investigation of Abuse of the Bodies of the Dead and Their Burial Places. Cand. law sci. diss. abstr.]. Krasnodar, 2005, 40 p. (In Russian).
19. Kozachenko I.Y., Novoselov G.P. (executive ed.). *Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special Part]. Moscow, Norma Publ., 2008, 1008 p. (In Russian).
20. Osokin R.B. *Teoretiko-pravovyye osnovy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv obshchestvennoy npravstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and Legal Foundations of Criminal Liability for Crimes Against Public Morality. Dr. law sci. diss.]. Moscow, 2014, 581 p. (In Russian).
21. Starkov E.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv obshchestvennoy npravstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for Crimes Against Public Morality. Cand. law sci. diss.]. Moscow, 2011, 238 p. (In Russian).
22. Ismagilov R.A. *Pokhoronnaya kul'tura kak ob'yekt ugolovno-pravovoy okhrany: dis. ... kand. yurid. nauk* [Funeral Culture as an Object of Criminal Law Protection. Cand. law sci. diss.]. Tyumen, 2011, 216 p. (In Russian).
23. Abdullayev A.S. *Ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij analiz nadrugatel'stva nad telami umershikh i mestami ikh zakhoroneniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal-Legal and Criminological Analysis of Desecration of the Bodies of the Dead and Their Burial Places. Cand. law sci. diss.]. Makhachkala, 2002, 168 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-199-210

Шифр научной специальности 5.1.4

Современное состояние и основные тенденции преступлений в сфере пожарной безопасности

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, ORCID: 0000-0002-7357-3526, gv22@mail.ru

© ШЕНИН Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, ORCID: 0000-0002-2361-5978, vitya-shen@mail.ru

Аннотация

Рассмотрено современное состояние и основные тенденции преступлений в сфере пожарной безопасности. Цель исследования – рассмотрение особенностей современного состояния и основных тенденций преступлений в сфере пожарной безопасности. Задачи исследования: анализ законодательства, регулирующего современное состояние в сфере пожарной безопасности. Методологическая основа исследования: нормативный анализ и формально-юридический подход. Показано, что на сегодняшний день наблюдается снижение количества выявляемых преступлений органами Государственного пожарного надзора, а также то, что наблюдаются как периоды существенного снижения, так и значительного повышения количества расследованных преступлений. Всю совокупность причин преступлений в сфере пожарной безопасности исследователи делят на четыре группы: корысть и иная личная заинтересованность лиц, ответственных за соблюдение требований и норм пожарной безопасности; личная невнимательность, неосторожность отдельных лиц; коррупционный и служебно-должностной фактор; причины личного характера. Сделан вывод о наличии ряда тенденций преступности, связанной с пожарной безопасностью, к которым исследователи относят: постепенное снижение количества выявляемых преступлений; неравномерное распределение уровня расследуемых преступлений в сфере пожарной безопасности; распределение выявленных преступлений в зависимости от степени тяжести.

Ключевые слова

уголовное право, преступление в сфере пожарной безопасности, умысел, неосторожность

Для цитирования

Гавриленко В.А., Шенин В.М. Современное состояние и основные тенденции преступлений в сфере пожарной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 199-210. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-199-210

The current state and main trends of crimes in the field of fire safety

© **Vladimir A. GAVRILENKO**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Faculty, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7357-3526](https://orcid.org/0000-0002-7357-3526), gv22@mail.ru

© **Victor M. SHENSHIN**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Faculty, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-2361-5978](https://orcid.org/0000-0002-2361-5978), vitya-shen@mail.ru

Abstract

We examine the current state and main trends of crimes in the field of fire safety. The purpose of the study is to consider the features of the current state and the main trends of crimes in the field of fire safety. Research objectives are analysis of legislation regulating the current state in the field of fire safety. Methodological basis of the research are normative analysis and formal legal approach. We show that today there is a decrease in the number of crimes detected by the State Fire Supervision authorities, as well as that there are both periods of significant reduction and a significant increase in the number of crimes investigated. The researchers divide the entire set of causes of crimes in the field of fire safety into four groups: self-interest and other personal interests of persons responsible for compliance with the requirements and standards of fire safety; personal inattention, carelessness of individuals; corruption and official-official factor; personal reasons. We conclude that there are a number of trends in crime related to fire safety, which the researchers refer to: gradual decrease in the number of detected crimes; uneven distribution of the level of investigated crimes in the field of fire safety; distribution of detected crimes depending on the severity.

Keywords

criminal law, crime in the field of fire safety, intent, negligence

For citation

Gavrilenko V.A., Shenshin V.M. *Sovremennoye sostoyaniye i osnovnyye tendentsii prestupleniy v sfere pozharной безопасности* [The current state and main trends of crimes in the field of fire safety]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 199-210. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-199-210](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-199-210) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется актуализацией вопросов обеспечения пожарной безопасности. Можно с уверенностью говорить о том, что данное направление деятельности – важнейшая функция государства. Реализация указанной функции – значимая гарантия защиты жизни, здоровья и имущества населения.

Тем не менее, несмотря на всю озвученную значимость и актуальность, вопросы обеспечения пожарной безопасности на сегодняшний день находятся не на должном уровне своего разрешения. Так, по данным

МЧС России¹, в 2020 г. было зарегистрировано 439100 пожаров, на которых погибло 8262 человека и получили травмы – 8439. Особую обеспокоенность вызывает стабильность основных причин, по которым происходят пожары. Так, на протяжении длительного времени таковыми выступают неосторожное обращение с огнем, аварийный режим работы электрического оборудования сетей, нарушение правил устройства и эксплуатации печного оборудования. Если рассматривать проблематику с точки зрения процентного соотношения, то становится

¹ МЧС: количество пожаров в 2020 году снизилось почти на 7 % // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4359846> (дата обращения: 16.03.2022).

очевидным, что до 90 % всех пожаров в стране происходит в связи с нарушением требований пожарной безопасности. Отметим, что «деятельность по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий стала одной из важнейших основных функций современного развитого государства» [1, р. 32-33].

Наиболее опасными проявлениями нарушений требований пожарной безопасности выступают уголовно-наказуемые деяния, совершаемые в данной сфере. Именно подобные деяния представляют самую большую общественную опасность, влекут тяжкие последствия, отмечаются широким общественным резонансом.

Вместе с тем общий уровень преступлений в сфере пожарной безопасности остается относительно стабильным – на протяжении последних лет среднечисловые значения преступности в указанной сфере составляют примерно 2000 деяний в год².

В подобных условиях вопрос поиска путей совершенствования деятельности по противодействию преступлениям в сфере пожарной безопасности, безусловно, является актуальным и востребованным на современном этапе. Для разрешения данного вопроса необходимо задействовать различные многоуровневые и межотраслевые механизмы. Вместе с тем ключевое место нужно отводить криминологическому аспекту. Его качественная и детальная разработка позволят произвести глубокий анализ основных криминологических характеристик преступлений в сфере пожарной безопасности, определить основополагающие детерминанты данных преступлений, сформулировать эффективные направления предупреждения подобного рода преступности, установить субъектов, ответственных за их реализацию.

Методологической основой настоящего исследования является нормативный анализ и формально-юридический подход. Справедливо также, что «дифференциация знаний при изучении общих предметов познания является одним из основных вопросов как в уголовно-правовой отрасли науки, так

и в любой другой области научных знаний» [2, р. 171].

Необходимость оценки современного состояния и определения основных тенденций преступлений в сфере пожарной безопасности связана с совокупностью следующих факторов.

Во-первых, это возможность определить реальное положение дел в сфере совершения данного вида преступлений, установив динамику противоправных деяний.

Во-вторых, это возможность спрогнозировать дальнейшее развитие преступной деятельности в данной сфере, проведя соответствующую аналитическую работу. Отметим, что в данном случае речь, в том числе, идет о предиктивной аналитике [3].

В-третьих, это возможность выявить причины и условия совершения преступлений в данной сфере, предложив, в свою очередь, варианты их нейтрализации.

1. Оценка состояния преступности в сфере пожарной безопасности

Прежде всего следует указать, какие преступления относятся к деяниям, совершаемым именно в сфере пожарной безопасности. Это позволит правильно квалифицировать деяния [4], а также верно оценивать статистические тенденции в указанных преступлениях. Рассматривая виды преступлений в сфере пожарной безопасности, следует указать на общую дискуссионность данного вопроса. Споры о том, какие преступления следует причислять к совершаемым в сфере пожарной безопасности, а какие нет, ведутся на протяжении многих лет. К примеру, С.А. Никольская еще в 2005 г. указала на многочисленность и разнообразие классификаций преступлений в сфере пожарной безопасности [5]. В подтверждение озвученного тезиса можно привести множество примеров подобных дискуссий [6; 7].

На наш взгляд, относить преступления к категории деяний, совершенных в сфере пожарной безопасности, необходимо с учетом следующих моментов.

Во-первых, это уголовно-правовое понятие пожара. В данном случае можно утверждать, что пожаром следует определить не всякое горение вне специально предназначенного для этого места, но только которое возникает в результате общественно

² Статистика и аналитика // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.03.2022).

опасного деяния и приводит к ущербу для здоровья или гибели людей, либо уничтожению или повреждению имущества, а также иным тяжким последствиям.

Во-вторых, это понятие пожарной безопасности и требований пожарной безопасности. Данные понятия даны в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности». В соответствии с положениями указанного закона под пожарной безопасностью понимается состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров; под требованиями пожарной безопасности – специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными документами по пожарной безопасности.

Исходя из изложенного, можно предположить обоюдный характер пожарной безопасности (требований пожарной безопасности) и пожаров. С одной стороны, в основе пожарной безопасности лежит защищенность от пожаров, в случае возникновения пожара автоматически материализуется угроза пожарной безопасности. С другой стороны, в основе возникновения пожара лежит нарушение требований пожарной безопасности, за счет которых, опять-таки, материализуется угроза пожарной безопасности. Соответственно, перечень преступлений, которые могут быть отнесены к категории совершенных в сфере пожарной безопасности, достаточно широкий, поскольку «в основе всех посягательств, связанных с пожарной безопасностью, лежит пожар или угроза его возникновения» [6, с. 40]. Соглашаясь с Е.А. Зориной, Н.Ю. Борзуновой и Ю.А. Волковой, приведем позицию С.А. Никольской, с которой мы также полностью согласны: «в принципе, любое преступление или почти любое, подавляющее большинство могут быть совершены с определенным использованием пожара, или нарушения правил пожарной безопасности. Другое дело, что для них такое не является характерным» [5, с. 112].

Именно с учетом сказанного полагаем возможным произвести анализ современно-

го состояния преступлений в сфере пожарной безопасности.

Согласно данным МЧС России³, в 2019 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 471357 пожаров, при которых погибло 8567 человек и получило травмы 9477 человек, в том числе на объектах и территориях федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих самостоятельный учет пожаров и их последствий, произошло 111 пожаров, на которых погибло 8 человек и 16 человек получило травмы. Оценить статистику возникновения пожаров в связи с совершением деяний в сфере пожарной безопасности возможно, исходя из анализа причинного комплекса пожаров (рис. 1).

Также интерес представляет статистика преступлений, выявленных и расследованных специальными субъектами учета, а именно органами государственного пожарного надзора. Основываясь на данных статистики ГИАЦ МВД России за последние несколько лет (с 2017 по 2019 г.), можем представить следующие обобщенные сведения (табл. 1, рис. 2)⁴.

2. Развитие тенденций преступности в сфере пожарной безопасности

Таким образом, мы видим тенденции преступности, связанной с пожарной безопасностью.

Во-первых, это постепенное снижение количества выявляемых преступлений. Так, если в 2017 г. было выявлено 2153 преступления в сфере пожарной безопасности, то в 2019 г. данный показатель составил 1923. Учитывая тот факт, что нарушение требований пожарной безопасности (статистическая основа рассматриваемых противоправных деяний) во многом носит латентный характер, следует предположить, что падение уровня выявляемости данных преступлений – это отрицательная тенденция.

³ О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 г.: государственный доклад. М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020. С. 59. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/vse-dokumenty/4602> (дата обращения: 16.03.2022).

⁴ Статистика и аналитика // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.03.2022).

Рис. 1. Распределение количества пожаров, произошедших в Российской Федерации в 2019 г., по причинам возникновения пожаров (%)

Fig. 1. Distribution of the number of fires that occurred in the Russian Federation in 2019, by causes of fires (%)

Таблица 1
Статистика преступлений, выявленных и расследованных органами государственного пожарного надзора

Table 1

Statistics of crimes detected and investigated by state fire authorities

Год	Выявлено	Динамика (%)	Расследовано	Динамика (%)
2017	2153	4,8	179	-8,2
2018	2084	-3,2	170	-5,0
2019	1923	-7,7	217	27,6

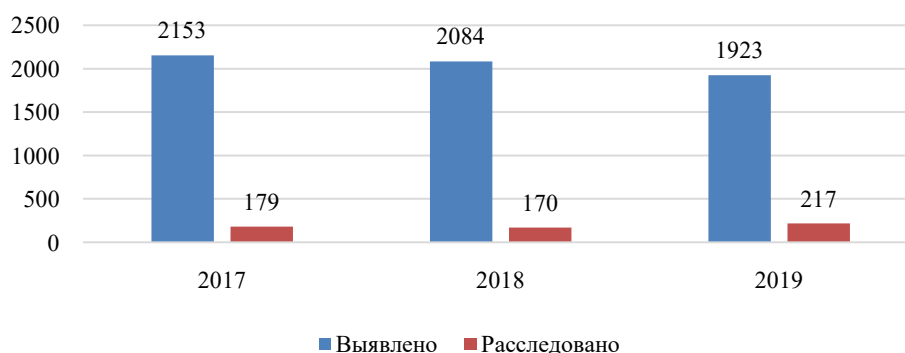

Рис. 2. Статистика преступлений, выявленных и расследованных органами государственного пожарного надзора

Fig. 2. Statistics of crimes detected and investigated by state fire authorities

Во-вторых, это неравномерное распределение уровня расследуемых преступлений в сфере пожарной безопасности. На протяжении 2017, 2018 гг. наблюдалось снижение количества расследованных преступлений, в среднем на 6 процентных подпункта. Однако в 2019 г. произошел резкий рост данного показателя, а именно на 27,6 %. В то же время, как показал анализ статистических данных за текущий период 2020 г., количество расследованных преступлений изучаемой категории вновь упало на 2,8 %.

Определенный интерес представляет тенденция распределения выявленных преступлений в зависимости от степени тяжести.

Распределение общих статистических показателей по данному критерию представлено на рис. 3.

Как можно заметить, основной массив (около 70 %) выявленных преступлений – средней тяжести.

Отдельно следует остановиться на тенденциях преступлений в сфере пожарной безопасности, проявляющихся на региональном уровне. В целях выявления указанных тенденций нами были проанализированы статистические данные по двум регионам, а именно Новгородской и Нижегородской областям. Анализ проводился на основе данных, полученных с официальных сайтов ГУ МЧС по соответствующим регионам⁵.

Для более показательного сравнительного сопоставления следует проанализировать относительные показатели, характеризующие обстановку с пожарами по двум регионам (табл. 2).

Как можно заметить, при пересчете на 100 тысяч населения показатели в сфере пожарной безопасности Новгородской области по многим параметрам оказываются хуже, чем аналогичные показатели Нижегород-

ской области. В частности, по количеству пожаров, количеству погибших и травмированных Новгородская область «обгоняет» Нижегородскую почти в два раза.

Помимо тенденций, характеризующих современное состояние преступности в сфере пожарной безопасности, которые основаны на данных статистики, существенное значение имеет определение ряда тенденций, основанных на некоторых других аспектах. В определенной степени такие тенденции можно называть качественно-отраслевыми. Полагаем, что следует обратить внимание на следующие такие тенденции.

Во-первых, это тенденции расследования преступлений в сфере пожарной безопасности. Следует согласиться с мнением абсолютного большинства ученых, которые отмечают, что расследование таких преступлений – это крайне трудоемкий и сложный (с точки зрения организации и достижения результатов) процесс [8]. Во многом это связано с тем, что данные преступления многочисленны. Г.М. Овсепян по данному поводу указывает следующее: «Проанализированная нами правоприменительная практика позволила сделать вывод о том, что преступления в сфере нарушений требований пожарной безопасности, повлекшие пожары и тяжкие последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью и смерти лицам, не ограничиваются деяниями, предусмотренными статьей 219 Уголовного кодекса Российской Федерации» [9, с. 29]. Правоприменительная практика доказывает данный тезис.

Анализ современного состояния преступлений в сфере пожарной безопасности позволил нам выявить ряд тенденций, а именно:

1) преступления, как уголовно-наказуемые деяния, являются самой значительной (в количественном плане) причиной возникновения пожаров. В основной своей массе пожары происходят в связи с неосторожным обращением с огнем, нарушением требований пожарной безопасности, а также умышленными поджогами;

2) наблюдается постепенное снижение количества выявляемых преступлений органами Государственного пожарного надзора. Учитывая тот факт, что нарушение требований пожарной безопасности (статистическая

⁵ Статистические данные // ГУ МЧС по Нижегородской области. URL: <https://52.mchs.gov.ru/deyatelnost/profilakticheskaya-rabota-i-nadzornaya-deyatelnost/11-statisticheskie-dannye> (дата обращения: 16.03.2022); Статистические сведения о чрезвычайных ситуациях, пожарах и их последствиях в Новгородской области // ГУ МЧС по Новгородской области. URL: <https://53.mchs.gov.ru/deyatelnost/profilakticheskaya-rabota-i-nadzornaya-deyatelnost/statisticheskie-dannye/statisticheskie-svedeniya-o-chrezvychaynyh-situatsiyah-pozharah-i-ih-posledstviyah-v-novgorodskoy-oblasti> (дата обращения: 16.03.2022).

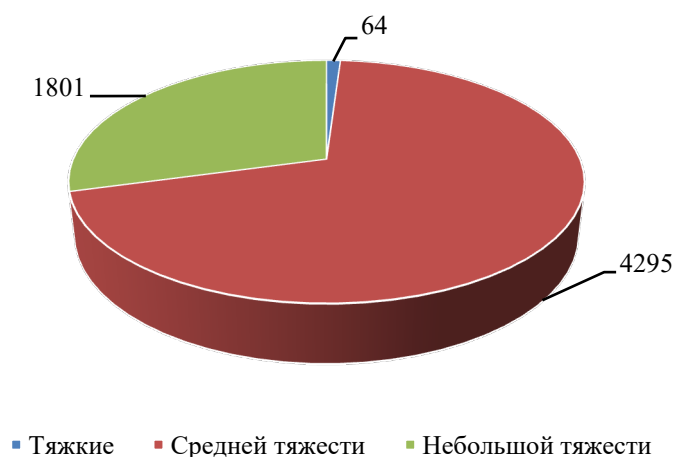

Рис. 3. Виды выявляемых преступлений в сфере пожарной безопасности по степени тяжести (2017–2019 гг.)

Fig. 3. Types of detected crimes in the field of fire safety by severity (2017–2019)

Таблица 2

Относительные показатели, характеризующие обстановку с пожарами по Нижегородской и Новгородской областям (за 9 месяцев 2020 г.)

Table 2

Relative indicators characterizing the situation with fires in the Nizhny Novgorod and Novgorod regions (for 9 months of 2020)

Субъект	Количество пожаров на 100 тыс. человек населения		Средний ущерб на 1 пожар, тыс. руб.		Количество погибших при пожарах людей на 100 тыс. человек населения		Количество травмированных при пожарах людей на 100 тыс. человек населения	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Новгородская область	412,22	306,02	13,21	77,00	9,73	8,33	7,26	5,83
Нижегородская область	134,45	126,42	55,01	12,60	3,99	3,70	4,79	3,27

основа рассматриваемых противоправных деяний) во многом носят латентный характер, следует предположить, что падение уровня выявляемости данных преступлений – это отрицательная тенденция. Также наличествует тенденция неравномерного распределения уровня расследуемых преступлений в сфере пожарной безопасности – наблюдаются как периоды существенного снижения, так и значительно повышения количества расследованных преступлений;

3) наблюдаются существенные сложности расследования преступлений в сфере пожарной безопасности. Во многом это свя-

зано с многочисленностью возможных видов деяний, необходимостью проведения дорогостоящих экспертиз и рядом других факторов;

4) рассматривая региональную специфику, можно отметить, что при пересчете на 100 тысяч населения показатели в сфере пожарной безопасности Новгородской области по многим параметрам оказываются хуже, чем аналогичные показатели Нижегородской области. В частности, по количеству пожаров, количеству погибших и травмированных Новгородская область «обгоняет» Нижегородскую почти в два раза.

На наш взгляд, значимость исследования причин и условий преступлений в сфере пожарной безопасности основана на двух посылах.

Первой посылкой видится общая значимость феномена причин и условий при определении направлений предупреждения и борьбы с преступностью. На сегодняшний день следует констатировать объективно отображаемый межотраслевой интерес и востребованность к познанию и определению такого феномена, как «причины и условия преступления». Ключевым при этом видится межотраслевой характер данного интереса. Он проявляется на следующих уровнях:

- закрепление соответствующих правовых норм. Например, часть 2 статьи 73 УПК РФ в качестве предмета доказывания указывает на «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления». Положения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в качестве основы профилактической деятельности закрепляют именно работу с причинами и условиями (последние выступают в качестве объекта профилактики правонарушений, предметного содержания отдельных профилактических мер, в частности, предписания об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений);

- обращение внимания руководства государства. Президент страны В.В. Путин в формате практически непрерываемой риторики неоднократно указывал на необходимость обеспечения (в основном – со стороны соответствующих правоохранительных органов) своевременной превентивной работы, направленной, прежде всего, на выявление и устранение причин, условий и факторов, способствующих совершению преступных деяний⁶;

- ориентация ученых на исследование и разработку соответствующих объектов исследования. Выдающиеся ученые-криминологи на постоянной основе посвящают свои

труды именно вопросам определения причинности преступности. Что еще более важно, именно на возможность выявления причин и условий преступлений авторы указывают, как на обосновывающий фактор определения перспектив криминологии, залог того, что данная наука «займет приличествующее ей место среди других общественных наук и в жизни общества, поскольку именно она должна выявить для него наиболее болезненные явления и искать пути их преодоления» [10, с. 32].

Вторую посылку следует сопоставлять с общей проблемой обеспечения пожарной безопасности в целом и роли именно преступности в данной проблеме, в частности. Президент страны В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что основным назначением и направлением деятельности государства должно выступать сбережение людей, прумножение человеческого капитала, поскольку в любом ином случае выбранный путь развития государства будет являться неверным, причем уже на изначальном этапе⁷. Выраженная главой государства позиция находит свое подтверждение (в плане реализации) в положениях многочисленных правовых актов, деятельности соответствующих правоохранительных органов, а также множестве других аспектов. Однако в разрез с указанными тенденциями идет современное положение дел в данной сфере. Ежегодно в России по различным причинам гибнет порядка 12,5 человек на 1000 населения: в 2019 г. умерло 1828910 человек⁸. Одной из причин смертей в России являются пожары, в том числе и криминального характера⁹. Согласно данным мировой пожарной статистики, Россия располагается в первой «двадцатке» антирейтинга количества

⁷ Путин: человеческий капитал – главное богатство России // Известия. URL: <https://iz.ru/news/648762> (дата обращения: 16.03.2022).

⁸ Статистика смертности по данным Росстат // Росинфостат. URL: <https://rosinfostat.ru/smernost/> (дата обращения: 16.03.2022).

⁹ О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 г.: государственный доклад. М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020. С. 58. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/vse-dokumenty/4602> (дата обращения: 16.03.2022).

⁶ Путин поручил МВД добиться снижения уровня преступности. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/02/28/putin-poruchil-mvd-dobitsya-snizheniya-urovnya-prestupnosti> (дата обращения: 16.03.2022).

пожаров, произошедших на 100 тысяч человек. Соседними с нашим государством странами выступают Ирак, Мозамбик и Сьерра-Леоне.

Следует сделать однозначный вывод о необходимости учета причин и условий совершения преступлений в деятельности по постепенной декриминализации всех возможных общественных отношений, складывающихся, в том числе, в сфере обеспечения пожарной безопасности, защиты человека, общества и государства от преступлений в сфере пожарной безопасности.

Отметим, что к преступлению приводят совокупность обстоятельств, когда в одном месте сходятся несколько факторов (причин или условий). Ученые, рассматривающие криминологическую проблематику преступлений в сфере пожарной безопасности, в обязательном порядке обращаются к вопросу детерминации данных преступлений. Являясь неотъемлемой составной частью криминологической характеристики данных преступных деяний, причины и условия видятся своеобразным переходным аспектом от теоретического изучения и характеристики деяния до определения практических направлений реализации предупредительной деятельности в отношении преступления. В этой связи исследовательский интерес к вопросу определения причин и условий преступлений в сфере пожарной безопасности со стороны ученых-криминологов вполне понятен и объективен. Анализ ряда позиций по данному вопросу позволяет сделать вывод, что, несмотря на «различие в деталях», основным лейтмотивом определения причин и условий преступлений в сфере пожарной безопасности выступает множественность и разносторонность последних. Детерминанты указанных преступлений, во-первых, многочисленны, а во-вторых, многообразны. В этой связи представляется необходимым о причинах и условиях совершения преступлений в сфере пожарной безопасности говорить, исходя из их системного характера, который подразумевает:

– дифференциацию причин совершения преступлений в сфере пожарной безопасности в зависимости от множественной совокупности факторов (внешние и внутренние, объективные и субъективные, вик-

тимологические, технические, связанные со способом совершения преступления и т. д.);

– соотношение условий совершения преступления в сфере пожарной безопасности с таким элементом, как обстановка совершения преступного деяния.

3. Результаты исследования

Исходя из сказанного, представим следующую систему причин и условий совершения преступлений в сфере пожарной безопасности.

Корысть и иная личная заинтересованность лиц, ответственных за соблюдение требований и норм пожарной безопасности. Это одна из самых распространенных причин, по которым происходят преступления в сфере пожарной безопасности и, что еще более значимо, в связи с которыми последствия таких преступлений оказываются в крайней степени тяжкими. Она может проявляться в нескольких аспектах.

Первый аспект – это отказ от осуществления мероприятий по обеспечению должного уровня пожарной безопасности. Как правило, обеспечение соблюдения соответствия тех или иных объектов абсолютно всем требованиям пожарной безопасности оказывается весьма дорогостоящим мероприятием, в связи с чем собственники таких объектов, руководствуясь «экономическими соображениями», просто игнорируют данные требования, не желая тратить материальные средства.

Второй аспект – это устройство и оборудование объектов таким образом, что угроза возникновения пожара, а также утяжеление его последствий возрастает во много раз. Если в первом случае ответственные и владельцы не совершают тех или иных действий, которых требуют правила и норма о пожарной безопасности, то в данном случае, наоборот, действия совершаются, однако, также в нарушение или без учета требований пожарной безопасности.

Личная невнимательность отдельных лиц. Совершение преступлений происходит вследствие личной невнимательности человека, а также некоторых иных субъективных факторов. Как правило, по данной причине совершаются преступления, связанные с неосторожным обращением с огнем, а с субъективной стороны характеризуются в форме

преступной небрежности или преступного легкомыслия. Как показывает анализ материалов уголовных дел, часто люди засыпают с непотушенной сигаретой, забывают выключить электроприборы, неправильно используют отопительные устройства, печное отопление и др.

Коррупционный и служебно-должностной фактор. К сожалению, данная причина также очень часто становится одной из определяющих в совершении преступлений рассматриваемой категории. Она может проявляться в нескольких аспектах.

Первый аспект – коррупционная заинтересованность сотрудников контрольно-надзорных органов. Такая заинтересованность проявляется в получении должностными лицами взяток на совершение или не совершение тех или иных действий в сфере контроля и надзора за соблюдением требований пожарной безопасности¹⁰.

Второй аспект – проявление халатности как должностными лицами государственных органов, так и лицами, на которых возложены обязанности в сфере пожарной безопасности.

В отличие от предыдущего аспекта, коррупционного фактора в данном случае не имеется. Непосредственные причины проявления данного аспекта могут быть различными – личная невнимательность, недостаточность квалификации, личностное усмотрение и т. д. Проявления данного аспекта также многообразны¹¹.

Причины личностного характера. В данном случае речь идет о совершении преступления в сфере пожарной безопасности лицами, умысел которых был непосредственно направлен на такие деяния. Данная причина может проявляться в нескольких аспектах.

Первый аспект – совершение преступления в рамках инсценировки. В данном случае возможно несколько вариантов взаимной имитации преступной деятельности: а) поджоги – под нарушения требований пожарной безопасности; б) нарушения требований пожарной безопасности – под поджоги; в) нарушения требований пожарной безопасности или поджоги – под неосторожное обращение с огнем самими погибшими [9, с. 14]. Например, по одному из уголовных дел сторож производственной базы, в чьи обязанности входило обеспечение противопожарной безопасности, уснул во время несения дежурства, забыв при этом выключить электронагревательный прибор. В результате возникло возгорание. Желая скрыть факт своей неосмотрительности, сторож симитировал «поджог извне», однако проведенная экспертиза установила истинную причину возгорания.

Второй аспект – совершение преступления в сфере пожарной безопасности с целью сокрыть другое преступление. Чаще всего такие преступления совершаются с целью сокрыть тяжкие деяния против жизни человека, а именно убийства.

Третий аспект – совершение преступления с целью нанести материальный ущерб другому человеку, организации. Как правило, такие преступления совершаются в форме умышленного поджога чужого имущества, например, транспортного средства.

Условия преступлений в сфере пожарной безопасности связаны с обстановкой их совершения, которая, в свою очередь, может быть охарактеризована через такие признаки, как место и время совершения преступлений [9, с. 76].

Если говорить о времени совершения рассматриваемых преступлений, то анализ материалов уголовных дел, следственно-судебной практики позволяет сделать вывод о превалировании ночного периода. Именно в ночные часы уровень контроля за исправностью, эксплуатацией и иными сферами пожарной безопасности в значительной степени снижается. Также в данный период проводится множество увеселительных мероприятий. В дневное время также совершается множество преступлений в сфере пожарной безопасности, прежде всего, в мес-

¹⁰ Завершается следствие по делу о пожаре в «Зимней вишне» // Комсомольская правда. URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/26957/4011160/> (дата обращения: 16.03.2022).

¹¹ Возбуждено уголовное дело в отношении судебного пристава-исполнителя // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан. URL: <http://tatarstan.sledcom.ru/news>; Трагедия в Казани: хроника поисковой операции // ТАСС. Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/proisshes-tviya/1823133> (дата обращения: 16.03.2022).

тах массового скопления людей (торговые и развлекательные центры).

Таким образом, следует говорить о большом многообразии причин и условий совершения преступлений в сфере пожарной безопасности.

На наш взгляд, всю совокупность причин данных преступлений возможно подразделить на четыре группы.

1. Корысть и иная личная заинтересованность лиц, ответственных за соблюдение требований и норм пожарной безопасности (отказ от осуществления мероприятий по обеспечению должного уровня пожарной безопасности, устройство и оборудование объектов таким образом, что угроза возникновения пожара, а также утяжеление его последствий возрастает во много раз, совершение отдельных действий, которые непосредственно привели к возникновению пожара).

2. Личная невнимательность, неосторожность отдельных лиц («непотушенная сигарета», нарушение правил эксплуатации различных приборов и устройств).

3. Коррупционный и служебно-должностной фактор (коррупционная заинтересованность сотрудников контрольно-надзорных органов, проявление халатности как должностными лицами государственных органов, так и лицами, на которых возложены обязанности в сфере пожарной безопасности).

4. Причины личностного характера (совершение преступления в рамках инсценировки, совершение преступления в сфере пожарной безопасности с целью сокрыть

другое преступление, совершение преступления с целью нанести материальный ущерб другому человеку, организации).

Заключение

По окончании настоящего исследования подведем следующие итоги. Можно выделить тенденции преступности, связанной с пожарной безопасностью, к которым исследователи относят: постепенное снижение количества выявляемых преступлений; неравномерное распределение уровня расследуемых преступлений в сфере пожарной безопасности; распределение выявленных преступлений в зависимости от степени тяжести.

Вся совокупность причин преступлений в сфере пожарной безопасности делится на четыре группы: корысть и иная личная заинтересованность лиц, ответственных за соблюдение требований и норм пожарной безопасности; личная невнимательность, неосторожность отдельных лиц; коррупционный и служебно-должностной фактор; причины личностного характера.

Условия преступлений в сфере пожарной безопасности связаны с обстановкой их совершения, которая, в свою очередь, может быть охарактеризована через такие признаки, как место и время совершения преступлений.

Отметим, что на сегодняшний день наблюдается снижение количества выявляемых преступлений органами Государственного пожарного надзора, а также то, что наблюдаются как периоды существенного снижения, так и значительно повышения количества расследованных преступлений.

Список источников

1. Asadov B., Gavrilenko V., Nemchenko S. BRICS in international legal space: humanitarian imperatives of international security // BRICS Law Journal. 2021. № 1. P. 8-34.
2. Smakhtin E., Sharapov R. Combating crime with the help of criminalistics // BRICS Law Journal. 2018. № 4. P. 155-174.
3. Степанян А.И. Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 43-50.
4. Косякова Н.С. Квалификация преступлений, подследственных органам дознания МЧС России / под общ. ред. Э.Н. Чижикова. СПб.: С.-Петерб. ун-т гос. противопожарной службы МЧС России, 2016. 68 с.
5. Никольская С.А. Преступления, посягающие на пожарную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. 198 с.
6. Зорина Е.А., Борзунова Н.Ю., Волкова Ю.А. Преступления в сфере пожарной безопасности: некоторые аспекты уголовной ответственности и производства дознания // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2019. № 3 (44). С. 39-43.

7. Одинокова Е.Ю., Гревцев М.В., Зарубин М.Г. Проблемы квалификации преступлений, связанных с пожарами // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2015. № 4. С. 101-107.
8. Ткачев П.А., Маторина О.С., Харин В.В. Особенности рассмотрения дел о пожарах, связанных с причинением вреда по неосторожности, в зарубежной и российской практике // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2020. № 2 (47). С. 15-21.
9. Овсепян Г.М. Особенности расследования преступлений в сфере нарушения требований пожарной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2017. 238 с.
10. Антонян Ю.М. Перспективы криминологии // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 25-32.

References

1. Asadov B., Gavrilenco V., Nemchenko S. BRICS in international legal space: humanitarian imperatives of international security. *BRICS Law Journal*, 2021, no. 1. P. 8-34.
2. Smakhtin E., Sharapov R. Sombating crime with the help of criminalistics. *BRICS Law Journal*, 2018, no. 4, pp. 155-174.
3. Stepanyan A.I. Prediktivnaya analitika v prognosticheskoy deyatelnosti politicii sovremennykh gosudarstv [Predictive analytics in the predictive activity of the police of modern states]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (84), pp. 43-50.
4. Kosyakova N.S. *Kvalifikatsiya prestupleniy, podsledstvennykh organam doznaniya MChS Rossii* [Qualification of Crimes under Investigation by the Bodies of Inquiry of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 2016, 68 p.
5. Nikolskaya S.A. *Prestupleniya, posyagayushchiye na pozharную bezopasnost': dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes Against Fire Safety. Cand. law sci. diss.]. Tambov, 2005, 198 p.
6. Zorina E.A., Borzunova N.Y., Volkova Y.A. Prestupleniya v sfere pozharной bezopasnosti: nekotoryye aspekty ugovnoy otvetstvennosti i proizvodstva doznaniya [Fire safety crimes: some aspects of criminal liability and inquiry]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii – Law. Safety. Emergency Situations*, 2019, no. 3 (44), pp. 39-43.
7. Odiokova E.Y., Grevtsev M.V., Zarubin M.G. Problemy kvalifikatsii prestupleniy, svyazannykh s pozharami [Problems of qualifying crimes related to fires]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharной sluzhby MChS Rossii* [Scientific and Analytical Journal Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia], 2015, no. 4, pp. 101-107.
8. Tkachev P.A., Matorina O.S., Kharin V.V. Osobennosti rassmotreniya del o pozharakh, svyazannykh s prichineniyem vreda po neostorozhnosti, v zarubezhnoy i rossiyskoy praktike [Features of the consideration of cases of fires associated with causing harm through negligence in foreign and Russian practice]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii – Law. Safety. Emergency Situations*, 2020, no. 2 (47), pp. 15-21.
9. Ovsepyan G.M. *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy v sfere narusheniya trebovaniy pozharной bezopasnosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of the Investigation of Crimes in the Field of Violation of Fire Safety Requirements. Cand. law sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2017, 238 p.
10. Antonyan Y.M. Perspektivy kriminologii [Perspectives of criminology]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*, 2019, no. 1 (67), pp. 25-32.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.8

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-211-218

Шифр научной специальности 5.1.4

Сравнительно-правовой анализ института бесконвойного передвижения в странах, входящих в Содружество Независимых Государств

© **ЧЕРЕМИН Никита Викторович**,

преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, Кемеровская обл., 654000 г. Новокузнецк, просп. Октябрьский, 49, ORCID: [0000-0002-6066-2036](https://orcid.org/0000-0002-6066-2036), ncheremin@gmail.com

Аннотация

В свете намеченного курса развития уголовно-исполнительной системы (принятие новой концепции развития до 2030 г., которая, в свою очередь, подразумевает создание учреждения объединенного типа) актуальным вопросом становится развитие института передвижения осужденных без конвоя или сопровождения. С позиций выявления положительного зарубежного опыта научный интерес вызывает изучение развития данного института в странах, входящих в Союз Независимых Государств, так как правовая система этих стран (система права, правовая культура, правореализация) наиболее приближена к правовой системе нашей страны. В ходе изучения данного института сделан вывод, что, несмотря на общность правовых систем Российской Федерации и бывших республик Советского Союза, нормы, регулирующие институт передвижения без конвоя в этих странах, получили разного уровня развитие. Основным инструментарием исследования выступил сравнительно-правовой метод. С помощью него были выявлены общие и особенные черты данного института в законодательстве изучаемых стран. На основе полученных данных предложено рассмотреть возможность внесения следующих поправок в статью 96 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: убрать запрет вывода на бесконвойное передвижение ВИЧ-инфицированных осужденных; установить иные сроки для вывода на бесконвойное передвижение с целью более детального изучения личности осужденного; установить, что право передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительных учреждений предоставляется осужденному постановлением начальника исправительного учреждения, согласованным с прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законности в исправительных учреждениях; установить запрет на вывод осужденных, которые ранее были лишены права бесконвойного передвижения за любое допущенное правонарушение.

Ключевые слова

институт передвижения осужденных без конвоя или сопровождения, уголовно-исполнительное законодательство, Содружество Независимых Государств, прогрессивная система, международный опыт

Для цитирования

Черемин Н.В. Сравнительно-правовой анализ института бесконвойного передвижения в странах, входящих в Содружество Независимых Государств // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 211-218. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-211-218](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-211-218)

Comparative legal analysis of the institute of movement without convoy in the countries of the Commonwealth of Independent States

© Nikita V. CHEREMIN,

Lecturer at the Regime Management, Security and Convoying Department, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrskiy Ave., Novokuznetsk 654000, Kemerovo Region, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-6066-2036](https://orcid.org/0000-0002-6066-2036), ncheremin@gmail.com

Abstract

In the light of the planned course of development of the penal enforcement system (the adoption of a new development concept until 2030, which, in turn, implies the creation of a joint type of institution), the development of the institution of movement of convicts without escort or escort becomes an urgent issue. From the standpoint of identifying positive foreign experience, the study of the development of this institution in the countries of the Commonwealth of Independent States is of scientific interest, since the legal system of these countries (legal system, legal culture, legal realization) is closest to the legal system of our country. In the course of studying this institute, the author comes to the conclusion that, despite the commonality of the legal systems of the Russian Federation and the former republics of the Soviet Union, the norms governing the institution of movement without escort in these countries have received different levels of development. The main research tool was the comparative legal method. With the help of it, the general and special features of this institution were identified in the legislation of the countries studied. Based on the data obtained, the author suggests considering the possibility of making the following amendments to Article 96 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation: remove the ban on the withdrawal of HIV-infected convicts to BP; establish other deadlines for withdrawal to BP in order to study the convict's personality in more detail; to establish that the right to travel without escort or escort outside the IU is granted to the convicted person by the decision of the head of the IU, agreed with the prosecutor overseeing the enforcement of legality in the IU; to establish a ban on the withdrawal of convicts who were previously deprived of the right to BP for any offense committed.

Keywords

institution of the movement of convicts without convoy or escort, penitentiary legislation, Commonwealth of Independent States, progressive system, international experience

For citation

Cheremin N.V. Sravnitel'no-pravovoy analiz instituta beskonvoynogo peredvizheniya v stranakh, vkhodyashchikh v Sodruzhestvo Nezavisimyykh Gosudarstv [Comparative legal analysis of the institute of movement without convoy in the countries of the Commonwealth of Independent States]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 211-218. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-211-218](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-211-218) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Стоит согласиться с мнением, что сравнительно-правовой анализ – это один из популярнейших методов исследования государственно-правовых явлений [1, с. 679]. В настоящее время в уголовной и уголовно-исполнительной политике Российской Федерации наблюдается движение к гуманизации, о чем неоднократно говорилось в научных работах различных авторов (см., например: [2, с. 92]). Данный постулат находит свое отражение в некоторых положениях концепции развития уголовно-исполнитель-

ной системы (далее – УИС) РФ до 2030 г., которая была принята распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. Как нам видится, немаловажную роль в реализации данного направления и построения прогрессивной системы отбывания наказания может занять институт передвижения без конвоя или сопровождения осужденных, которым по приговору суда назначено наказание в виде лишения свободы. В настоящее время взят курс на построение учреждений объединенного типа, в свете этого более активное использование института передвижения без

конвоя осужденных к лишению свободы может решить ряд ключевых вопросов, связанных с хозяйственным обслуживанием данных учреждений. В этом плане стоит отметить мнение О.Н. Уварова, который справедливо отмечал, что именно в условиях функционирования учреждений объединенного типа институт передвижения осужденных без конвоя или сопровождения имеет «наиболее широкие перспективы в качестве элемента инновационной прогрессивной системы» [3, с. 12].

Изучение международного опыта, в свою очередь, позволит перенять положительные аспекты реализации данного института в других странах. Необходимость исследования зарубежного опыта обусловлена требованиями уголовно-исполнительной политики, которая, как верно отмечает П.В. Тепляшин, «четко обозначает важность «вплощения в жизнь» ...международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран, признает целесообразность такой работы и считает эту деятельность неотъемлемой частью концептуальных решений, отражающих приоритетные направления развития отечественной уголовно-исполнительной системы» [4, с. 193].

Некоторые авторы уже предпринимали попытки исследовать зарубежный опыт предоставления осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения в таких странах, как Англия и Франция [5], но, как нам видится, с позиций выявления положительного зарубежного опыта научный интерес вызывает изучение развития данного института в странах, входящих в Союз Независимых Государств, так как правовая система этих стран (система права, правовая культура, правореализация) наиболее приближена к правовой системе нашей страны.

Для сравнения за основу был взят модельный уголовно-исполнительный кодекс¹ (далее – модельный кодекс), как что-то общее, и пенитенциарное законодательство разных стран – как частное. Институт передвижения без конвоя был разделен на от-

дельные элементы с целью проведения сравнительного и структурно-функционального анализа, который, в свою очередь, позволил прийти к некоторым предложениям по модернизации института бесконвойного передвижения (далее – БП) в РФ.

Результаты исследования

Переходя к рассмотрению данного вопроса, стоит отметить, что, несмотря на то, что в 1996 г. бы принят модельный кодекс для государств-участников СНГ, который носил рекомендательный характер для всех стран, входивших в данный союз, нормы, регулирующие институт передвижения без конвоя, в этих странах частично отличаются друг от друга, их изучение и анализ некоторых положений может помочь в развитии данного института в Российской Федерации. Это сравнение интересно еще и тем, что все рассматриваемые нами страны изначально входили в Союз Советских Социалистических Республик и, соответственно, развивались в единой правовой системе, и изменения, произошедшие после распада Советского Союза, интересны для изучения. Сразу же хотелось оговориться, мы рассматриваем страны, когда-либо входившие в данный союз вне зависимости от того, входят они в настоящее время в него или нет (11 стран-участниц), так как их национальные пенитенциарные системы очень близки по своему содержанию к уголовно-исполнительному законодательству России.

В модельном кодексе данный институт был закреплен в статье 91 Главы 13. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях (далее – ИУ) устанавливали, что данное право можно предоставить осужденным в исправительных и воспитательных колониях, следственных изоляторах и тюрьмах, при этом оговаривается, что данное право будет предоставляться из числа осужденных, оставленных в данных учреждениях для хозяйственного обслуживания, но при условии, что это необходимо по характеру выполняемой ими работы. Крайнее условие, как нам видится, есть довольно сужающее по отношению к границам данного института и лишающее возможности претендовать на БП каждому осужденному, подходящему под основания предоставления данного права и, соответственно, исключаящее данный

¹ Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств-участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 12. URL: <http://base.garant.ru/2566934/> (дата обращения: 20.05.2021).

институт из прогрессивной системы отбывания наказания. Данное положение полностью отразилось в части 1 статьи 96 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ.

УИК Республики Беларусь² в части 1 статьи 90 расширяет положение модельного кодекса, оговаривая, что данное право может быть предоставлено осужденным за преступления, не представляющие большой общественной опасности, впервые осужденным за тяжкие преступления, а также указывается одно из условий вывода на БП – «характер выполняемой работы».

В УИК Азербайджана в статье 87 сказано, что данное право может быть предоставлено отбывающим наказание в виде лишения свободы на определенный срок при условии, что осужденный положительно характеризуется и его работа связана с бытовым или хозяйственным обслуживанием ИУ, в котором он содержится.

В статье 99 УИК Республики Таджикистан для возможности предоставления права БП осужденному администрация должна оценить его как твердо вставшего на путь исправления. При изучении остальных норм УИК РФ мы пришли к выводу, что законодательного закрепления понятия «твердо встал на путь исправления» нет. Но при этом анализ некоторых норм, в частности мер поощрения, позволяет сделать вывод, что к твердо вставшему на путь исправления можно отнести осужденного, который отличается примерным поведением, честным отношением к труду и не совершает дисциплинарных проступков.

УИК Республики Армении закрепляет одним из условий вывода на БП законопослушное поведение осужденного и указывает на необходимость выполнения технико-хозяйственного обслуживания ИУ, что также исключает данный институт из прогрессивной системы отбывания наказания.

В УИК Республики Узбекистан в настоящий момент исключена норма, регулирующая институт передвижения без конвоя, но при этом в некоторых нормах остались «отголоски» данного института. Например,

² Здесь и далее по тексту мы используем уголовно-исполнительные кодексы рассматриваемых стран в актуальной редакции на момент написания статьи.

в статье 84 «Помещения для проживания осужденных»: осталось закрепление квадратуры для данной категории осужденных – четыре с половиной квадратных метра. Стоит отметить, что норма, закрепляющая квадратуру жилых помещений для осужденных бесконвойников, в УИК РФ и других странах отсутствует.

Ранее в УИК Республики Кыргызстан в части 1 статьи 68 УИК подчеркивалось, что предоставление данного права возможно только в исключительных случаях и положительно характеризующимся осужденным в случае, если это необходимо по характеру выполняемой работы. На данный момент в новом кодексе в статье 96 убрали положение «в исключительных случаях» и вернулись к формулировке модельного кодекса.

Особенностью закрепления данного института в УИК Республики Молдова является наличие условия, что осужденным, содержащимся в исправительных и воспитательных колониях, может быть предоставлено право БП только в случае нахождения их на обычном или ресоциализационном режиме. Изначально все осужденные попадают в адаптационный режим, или по-другому он называется первоначальный. Это отличительная особенность довольно-таки интересна, по нашим данным³, более 85 % осужденных в России выводится на БП с обычных условий содержания, в которые изначально попадают все осужденные. Как показывало наше исследование, практически все правонарушения в ИУ России совершены осужденными, которые были переведены на расконвойку с обычных условий содержания. Еще одной из особенностей регулирования института передвижения без конвоя в Республике Молдова является то, что это единственная страна, где закреплено данное право за осужденными из числа военных. Так, осужденным, отбывшим не менее 1/3 срока наказания и ставшим на путь исправления, командир дисциплинарной части может при необходимости разрешить передвижение к месту работы без конвоя.

³ В рамках написания диссертационного исследования нами было проведено анкетирование среди осужденных, пользующихся правом БП, в количестве 173 человек.

Таким образом, подводя краткие итоги, можно сказать, что все страны, в которых есть институт бесконвойного передвижения, сохранили требование, установленное в модельном кодексе, которое разрешает вывод на БП только при условии, если это необходимо по характеру выполняемой работы. Данное требование меняет свое название в некоторых странах, но суть остается такой – в каждой из этих стран, в том числе и России, данный институт не входит в прогрессивную систему и не является одним из видов поощрения за законопослушное поведение, несмотря на требование предоставлять данное право только положительно характеризующимся осужденным. Многие страны, в отличие от норм модельного кодекса, более конкретно описывают, кому разрешено предоставление права БП (в модельном кодексе и УИК РФ указаны только условия, на основании которых запрещено предоставлять данное право).

Следующим важным аспектом предоставления права БП является срок (временной промежуток), который осужденный должен отбыть в ИУ, после которого у администрации ИУ появляется возможность его расконвоирования. Данный вопрос вызывает интерес и различные мнения в научной сфере. В РФ согласно статье 96 УИК РФ предоставление права БП возможно только осужденным (вне зависимости от категорий осужденных), которые находятся в ИУ не менее 6 месяцев. Более никаких временных ограничений уголовно-исполнительное законодательство (далее – УИЗ) РФ не накладывает.

Проанализировав УИЗ разных стран, мы пришли к выводу, что большая часть из них пошли по другому пути. Некоторые страны выдвигают требование отбытия не менее 1/3 срока назначенного наказания (Азербайджан, Таджикистан, Молдова, Кыргызстан). УИЗ Туркменистана разделяет срок, необходимый отбыть осужденному, в зависимости от тяжести совершенного преступления – 1/3 срока должны отбыть осужденные, совершившие преступления небольшой и средней тяжести, а также впервые совершившие тяжкое преступление, а осужденные, впервые совершившие особо тяжкое преступление, должны отбыть 2/3 срока назначенного наказания (это единственная

страна, в которой разрешено предоставлять право БП осужденным, совершившим особо тяжкое преступление). Некоторые страны выдвигают временные ограничения в 1/4 срока наказания (Беларусь, Армения). Срок отбыть 6 месяцев в том ИУ, которое предоставляет право БП, встречается либо как дополнительное требование, либо исключительно к несовершеннолетним преступникам (Беларусь, Таджикистан).

Увеличение срока отбывания наказания, после которого появляется возможность предоставить право БП, на наш взгляд, является логичным требованием, так как срока в 6 месяцев недостаточно для максимально детального изучения личности осужденного, его отношения к совершенному преступлению, труду, учебе и другим средствам исправления с целью решения вопроса о предоставлении права БП. Дополнительным положительным фактором, как нам видится, является то, что с введением дополнительных требований по срокам отбывания наказания можно более детально дифференцировать возможность предоставления права БП в зависимости от тяжести совершенного преступления и вида рецидива преступления, что по итогу может снизить количество правонарушений, совершаемых бесконвойниками.

Следующим важным моментом является рассмотрение различных оснований, согласно которым запрещено предоставление права БП. В настоящий момент в части 2 статьи 96 УИК РФ закреплено 12 таких оснований.

Данные ограничения идентичны тем, что указаны в модельном кодексе, за исключением 10-го ограничения. Российский законодатель вывел из данного ограничения открытую форму туберкулеза и поставил запрет на вывод данных осужденных. По данному пути пошли не все страны, некоторые оставили данное требование без изменений (так как указано в модельном кодексе), к таким странам относятся Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан.

Дополнительным ограничением, вводимым некоторыми странами, является требование не выводить на БП тех осужденных, которые были лишены данного права в связи с допущенными нарушениями. Несмотря на то, что данное требование является логич-

ным, на практике в учреждениях России, исполняющих наказания в виде лишения свободы, встречаются случаи повторного вывода осужденных, лишенных до этого данного права в связи с совершением правонарушения, что в некоторых случаях приводит к совершению более тяжкого правонарушения, в том числе преступления. Данное требование закреплено в законодательстве следующих стран: Республики Беларусь, Таджикистана, Туркменистана.

Неоднозначным представляется запрет на вывод ВИЧ-инфицированных осужденных. Как нам видится, данный запрет был включен в момент разработки модельного кодекса в 1996 г., когда данная болезнь еще была малоизучена и, соответственно, данное требование перешло в УИЗ других стран, но, несмотря на это, есть страны, где данный запрет отсутствует – Азербайджан, Армения, Молдова. В Российской Федерации также предпринимались попытки внести изменения в части, касающиеся ВИЧ-инфицированных, но законопроект так и остался на стадии рассмотрения в Государственной Думе, так как вызвал противоречивые мнения⁴.

Армения – единственная страна, в которой есть запрет на вывод осужденных при опасном рецидиве, что в принципе является логичным требованием, так как данные лица являются наряду с особо опасным рецидивом криминогенно зараженными личностями, и предоставление им права передвижения без конвоя может привести к совершению различного рода правонарушений, в том числе которые будут негативно сказываться на авторитете всей УИС РФ. Также, как нам видится, небезынтересным является дополнение ограничения № 8, которое встречается в УИЗ Таджикистана «...либо после отбывания наказания в виде лишения свободы за умышленное преступление».

При рассмотрении вопроса проживания осужденных, пользующихся правом БП, мы пришли к выводу, что все страны сходятся во мнении, что данная группа осужденных должна проживать отдельно от общей массы

осужденных, но в пределах территории ИУ. Данное требование продиктовано, в первую очередь, с целью минимизации негативного влияния со стороны отрицательно направленных осужденных. А вот в вопросе разрешения проживания за пределами ИУ не все страны поддерживали норму, закрепленную в модельном кодексе. Так, разрешает такое проживание УИЗ следующих стран: Россия, Таджикистан, Молдова, Туркменистан. Остальные страны установили запрет на проживании за пределами территории ИУ.

Следующим немаловажным аспектом является то, кто принимает решение о переводе осужденных на БП. Здесь позиция стран сложились следующим образом:

- право передвижения без конвоя предоставляется постановлением начальника ИУ (РФ, модельный кодекс, Таджикистан, Армения, Кыргызстан);
- право передвижения без конвоя предоставляется постановлением начальника ИУ, утверждаемым вышестоящим начальником (Республика Беларусь);
- разрешение производится обоснованным и согласованным с соответствующим органом исполнительной власти решением администрации учреждения, исполняющим наказание в виде лишения свободы (Азербайджан);
- право передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ предоставляется осужденному мотивированным постановлением начальника ИУ, санкционированным прокурором (Туркменистан).

Наиболее оптимальным решением в данном вопросе является путь, который выбрал Туркменистан, – это исключить возможность незаконного (в нарушении требований и запретов, установленных в статье 96 УИК РФ) предоставления права передвижения без конвоя. При изучении судебной практики были выявлены случаи незаконного предоставления права передвижения без конвоя. Так, например, в г. Петропавловск-Камчатский начальник колонии предоставил осужденному за особо тяжкое преступление право БП, при этом дополнительно ему было разрешено перемещаться по городу на личном автотранспорте, а также использовать сотовый телефон. Из показания свидетеля

⁴ Госдума может снять ограничения с ВИЧ-положительных осужденных // life4me.plus. URL: <https://life4me.plus/ru/news/gosduma-mozhet-snyat-ogranicheniya-s-vich-polozhitelnyih-osuzhdennyih/> (дата обращения: 25.05.2021).

(сотрудника ГИБДД) было выяснено, что осужденный неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушением правил дорожного движения. Предоставление таких благ осужденному фактически позволило не нести заслуженное наказание в той мере, в какой это подразумевает закон и, соответственно, способствовало совершению новых правонарушений с его стороны. По данному факту начальника исправительного учреждения привлекли к уголовной ответственности по части 1 статьи 286 УК РФ⁵.

Стоит отметить, что законодательство некоторых стран выбрало кардинально другой путь развития института передвижения без конвоя (например, Казахстан). В данной стране мы не нашли отдельно закреплённую норму, регулируюшую вопросы предоставления права передвижения без конвоя. Вместо этого у них есть схожие институты, которые, в свою очередь, помогают в социальной адаптации осужденных. В УИК Казахстана в статье 143 закреплёны условия отбывания наказания в учреждениях минимальной безопасности, положения которого отчасти схожи с институтом передвижения без конвоя. Так, например, осужденные, содержащиеся в данных ИУ, могут с разрешения администрации передвигаться в пределах границ территории, прилегающей к учреждению, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы, а также в связи с обучением, для приобретения предметов первой необходимости, посещения бани или парикмахерской, но с ограничением 4 раза в месяц и по времени с 9 часов утра до 18 часов вечера.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на общность правовых систем Российской Федерации и бывших республик Советского Союза, нормы, регулирующие

институт передвижения без конвоя, в этих странах получили разного уровня развитие. Некоторый положительный опыт можно использовать в РФ с целью развития и улучшения института передвижения без конвоя. В нашем исследовании мы провели сравнение данного института по следующим основаниям:

- 1) основания предоставления права передвижения без конвоя;
- 2) основания запрета вывода на БП;
- 3) место проживания осужденных (в пределах или за пределами ИУ, отдельно или совместно с общей массой осужденных);
- 4) основания вывода на БП (кто принимает решение о предоставлении данного права);
- 5) детально рассмотрены сроки, после отбытия которых у администрации ИУ появляется право предоставить БП осужденному.

На основании изложенного выше представляется возможным дополнить и изменить некоторые положения статьи 96 УИК РФ следующими пунктами:

- 1) убрать запрет вывода на БП ВИЧ-инфицированных осужденных;
- 2) установить иные сроки для вывода на БП, с целью более детального изучения личности осужденного;
- 3) установить, что право передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ предоставляется осужденному постановлением начальника ИУ, согласованным с прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законности в ИУ;
- 4) установить запрет на вывод осужденных, которые ранее были лишены права БП за любое допущенное правонарушение.

Безусловно, данные выводы не бесспорны и требуют дальнейшего обсуждения. Более детально рассматривать модернизацию данного института необходимо после построения первого учреждения объединённого типа и анализа проблемных вопросов его функционирования.

⁵ Апелляционное определение Камчатского краевого суда г. Петропавловск-Камчатский от 03.12.2013 уголовное дело № 22-1156/2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Upw8BPbB6jZw/> (дата обращения: 10.03.2021).

Список источников

1. Садохина Н.Е., Шадский О.Г. Сравнительно-правовой анализ моделей правового статуса государственного и муниципального служащего // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 678-691. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-678-691](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-678-691)
2. Ковалев Н.С. Реализация принципа равенства осужденных перед законом в нормах, регламентирующих институт выезда осужденных за пределы исправительной колонии: некоторые проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 90-98. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98)
3. Уваров О.Н. Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения: проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Национ. исслед. Томск. гос. ун-т, 2013. 23 с.
4. Тепляшин П.В. Концепция развития УИС РФ на период до 2030 г. в свете общепризнанных норм международного права и опыта пенитенциарных систем зарубежных стран // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / сост. Е.Е. Новиков. СПб.: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 192-198.
5. Горбань Д.В. Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения как один из поощрительных институтов уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 20-24.

References

1. Sadokhina N.E., Shadskiy O.G. Sravnitel'no-pravovoy analiz modeley pravovogo statusa gosudarstvennogo i munitsipal'nogo sluzhashchego [Comparative legal analysis of legal status models of state and municipal employee]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 20, pp. 678-691. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-678-691](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-678-691). (In Russian).
2. Kovalev N.S. Realizatsiya printsipa ravenstva osuzhdennykh pered zakonom v normakh, reglamentiruyushchikh institut vyezda osuzhdennykh za predely ispravitel'noy kolonii: nekotoryye problemy i puti ikh resheniya [Implementation of equality principle of convicts under the law in the norms regulating the institution of convicts' departure outside the penitentiary: some issues and ways to solve them]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 90-98. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-90-98). (In Russian).
3. Uvarov O.N. *Peredvizheniye osuzhdennykh k lisheniyu svobody bez konvoya ili soprovozhdeniya: problemy i perspektivy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Movement of Convicts to Imprisonment without a Convoy or Escort: Problems and Prospects: Cand. law sci. diss. abstr.]. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ., 2013, 23 p. (In Russian).
4. Teplyashin P.V. Kontseptsiya razvitiya UIS RF na period do 2030 g. v svete obshhepriznannykh norm mezhdunarodnogo prava i opyta penitentsiarnykh sistem zarubezhnykh stran [Concept of development of correctional system of the Russian Federation for the period up to 2030 in the light of generally recognized norms of international law and the experience of penitentiary systems of foreign countries]. *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii"* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Modern state and prospects of development of the penitentiary system of the Russian Federation"]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service Publ., 2021, pp. 192-198. (In Russian).
5. Gorban D.V. *Peredvizheniye osuzhdennykh k lisheniyu svobody bez konvoya ili soprovozhdeniya kak odin iz pooshchritel'nykh institutov ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [The movement of convicts to imprisonment without convoy or escort as one of the incentive institutes of criminal-executive law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2013, no. 1 (14), pp. 20-24. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.62

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227

Шифр научной специальности 5.1.3

Специфика судебных споров, связанных с внедоговорным разделом совместно нажитого имущества супругов

© МИТРОФАНОВ Никита Владиславович,

преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: 0000-0002-5541-0483, naiketmitro98@mail.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей судебных споров, затрагивающих раздел совместно нажитого имущества. Задачи исследования: изучение развития института имущественных прав супругов, рассмотрение видов правовых режимов имущества супругов, выявление основных особенностей при рассмотрении семейных споров по разделу совместно нажитого имущества. Использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), частные научные методы (исторический, статистический, социологический), а также специально-юридические (сравнительно-правовой, формально-юридический). Рассмотрены проблемы появления и закрепления института правового режима имущественных отношений супругов в семейном законодательстве. Сделан вывод о том, что в России преимущественно применяется законный режим правового имущества супругов. Это связано с исторической преемственностью и недавним появлением рыночной экономики. Отмечены правовые механизмы защиты супругов (бывших супругов) в рамках споров с кредиторами супруга-должника. Изучены основные проблемные моменты, связанные с определением состава совместно нажитого имущества. Обращено внимание на то, что супруг (бывший супруг) может обратиться в суд с требованием о признании недействительной сделки по продаже совместно нажитого имущества без своего согласия. Указаны основные доказательства по спорам, связанным с разделом имущества, с определением особой важности судебной экспертизы. Затронут вопрос альтернативных способов урегулирования конфликта. Предложен способ снижения рисков сторон при заключении мирового соглашения о разделе совместно нажитого имущества.

Ключевые слова

супруги, правовой режим имущества супругов, раздел совместно нажитого имущества

Для цитирования

Митрофанов Н.В. Специфика судебных споров, связанных с внедоговорным разделом совместно нажитого имущества супругов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 219-227. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227)

The specifics of litigation related to the non-contractual division of the jointly acquired property of the spouses

© Nikita V. MITROFANOV,

Lecturer of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5541-0483](https://orcid.org/0000-0002-5541-0483), naiketmitro98@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to consider the features of litigation affecting the division of jointly acquired property. Research objectives: to study the development of the institution of property rights of spouses, to consider the types of legal regimes of property of spouses, to identify the main features when considering family disputes over the division of jointly acquired property. I used general scientific methods (dialectical, logical, systematic), private scientific methods (historical, statistical, sociological), as well as special legal (comparative legal, formal legal). The problems of the emergence and consolidation of the institution of the legal regime of property relations of spouses in family law are considered. It is concluded that in Russia the legal regime of the legal property of spouses is mainly applied. This is due to historical continuity and the recent emergence of a market economy. Legal mechanisms for protecting spouses (former spouses) in the framework of disputes with creditors of the debtor spouse are noted. The main problematic points related to the determination of the composition of jointly acquired property have been studied. Attention is drawn to the fact that a spouse (ex-spouse) can apply to the court with a request to invalidate a transaction for the sale of jointly acquired property without his consent. The main evidence on disputes related to the division of property is indicated, with the determination of the particular importance of forensic examination. The question of alternative ways of resolving the conflict is touched upon. A method is proposed to reduce the risks of the parties when concluding a settlement agreement on the division of jointly acquired property.

Keywords

spouses, legal regime of spouses' property, division of jointly acquired property

For citation

Mitrofanov N.V. Spetsifika sudebnykh sporov, svyazannykh s vnedogovornym razdelom sovместно nazhitogo imushchestva suprugov [The specifics of litigation related to the non-contractual division of the jointly acquired property of the spouses]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 219-227. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-219-227) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

В основе всего семейного права находится такое понятие, как «семья». Семья никогда не была неизменным социальным институтом. В зависимости от исторического периода преобразовывался состав и функции семьи, а также статус членов семьи, их имущественное положение. Обозначая правовое понятие термина «семья» в наше время, можно выделить следующие характер-

ные черты данного социального института: добровольность образования, наличие общего быта, необходимость репродуктивной функции, появление взаимных прав и обязанностей членов, вступление в брачные отношения и др.

Главными субъектами в составе семьи являются супруги. На фоне всемирной изоляции, вызванной пандемией, несмотря на различные меры поддержки, принимаемые

государством¹, за последние годы многие молодые семьи столкнулись с разного рода экономическими и социальными проблемами. Некоторые браки стали разрушаться. Вопрос, связанный с разделом совместно нажитого имущества супругов, также стал одним из самых актуальных.

Результаты исследования

1. Исторический аспект развития имущественных отношений супругов

До образования российской государственности среди славян согласие невесты на брак не требовалось, и решение об образовании брака принималось родителями лиц, вступающих в брак [1, с. 717]. На основании данного тезиса можно предположить, что имущественные вопросы в тот исторический период не были урегулированы в достаточной степени. О допустимости развода ничего неизвестно, вероятнее всего, имущество между супругами при расторжении брака не распределялось. Стоит отметить, что до 988 г. и рецепции византийского законодательства действовали языческие обряды, и доподлинно неизвестно, как разрешался вопрос правового режима имущества супругов.

Первым источником, регулирующим семейные правоотношения на Руси, стал русский перевод византийского Номоканона – Кормчая книга. Фактически данный документ впервые регулировал законный режим супружеского имущества².

Следующим правовым актом, затрагивающим имущественные отношения супругов, стала Русская правда, в которой прописывались возможность каждого супруга иметь личное имущество и обязанность мужа отвечать по своим долгам этим имуществом. Также при правлении Ярослава Мудрого был издан Церковный устав.

В период развития Московского государства значительных актов, связанных с имущественными отношениями в сфере семейного права, издано не было, как и в Су-

дебниках 1497 и 1550 г. Соборное уложение 1649 г. аналогично не затрагивало вопросов раздела имущества. Указанные документы были направлены преимущественно на регулирование отношений внутри семьи.

Наибольшие изменения в дореволюционное время относительно имущественных семейных отношений произошли во времена Российской империи, при правлении Петра I. В 1714 г. был издан Указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», который в наши дни получил название Указ «О единонаследии». Смысл данного документа кроется в названии – закреплялась перенятая из Англии практика наследования всего недвижимого имущества одним человеком. Данный акт не прижился и в 1731 г. был отменен. Однако интересующим нас правовым положением является глава IX, расположенная в Указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», позволяющая бездетным женам наследовать недвижимое имущество после мужа³.

Принцип раздельности имущества супругов был закреплен только в Своде законов Российской империи в редакции от 1835 г. [2, с. 62]. В Своде законов Российской империи была проведена частичная систематизация законодательства в области семейного права. Законы о «правах семейственных» включены были в раздел гражданских законов. Гражданским законам, в свою очередь, был посвящен целый том X: «Свод законов гражданских. Свод законов межевых»⁴.

Первый кодифицированный акт советского периода, посвященный имущественным отношениям в сфере семейного права⁵, не рассматривал вопрос раздела совместно нажитого имущества. Закреплялось только

¹ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Указ Президента РФ от 20.03.2020 № 199 (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1745.

² Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 61.

³ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 298.

⁴ Свод Законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/388202/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // СУ РСФСР. 1918. № 76-77. Ст. 818.

недопущение вмешательства детей и родителей в имущество друг друга.

Современный прообраз порядка раздела совместно нажитого имущества супругов был установлен в Кодексе законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г.⁶ Согласно статье 22 Кодекса закреплялся порядок раздела имущества в натуре или долевом отношении. Аналогично действующему законодательству регулировался вопрос отнесения имущества к личному или совместно нажитому самими супругами. Так, все, что приобреталось до брака, оставалось раздельным имуществом каждого из них.

Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.⁷ усовершенствовал вопрос, затрагивающий законный режим имущества супругов. В статье 21 Кодекса был впервые установлен трехлетний срок исковой давности для раздела совместно нажитого имущества. Доли в имуществе признавались равными. Также прописывались вопросы, связанные с компенсацией и передачей имущества каждому из супругов. Однако договорный режим имущества супругов отсутствовал, что обусловлено сложившейся экономической и политической ситуацией в стране.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать вывод, что вопрос раздела совместно нажитого имущества супругов подробно был урегулирован относительно недавно, основные моменты, касающиеся определения законного режима имущества супругов, остаются практически неизменными на протяжении последних пятидесяти лет.

2. Правовые режимы имущества супругов

Споры, связанные с определением правового режима имущества супругов и его дальнейшим разделом, как правило, рассматриваются судами после расторжения брака или одновременно с расторжением брака. Однако указанная категория споров затрагивает гораздо больший перечень гражданских дел. Это связано с наличием двух

правовых режимов имущества супругов, закрепленных в главах 7 и 8 СК РФ⁸.

Договорный режим имущества супругов связан с брачным договором. Впервые в нашей стране брачный договор появился в 1995 году [3, с. 77]. Это обусловлено развитием экономики и появлением частной собственности. По смыслу действующего семейного и гражданского законодательства брачный договор является нотариально удостоверенной сделкой, к которой применяются положения главы 9 ГК РФ, связанные с общей характеристикой сделок, применением оснований недействительности сделок, а также глав 27, 28 и 29 ГК РФ, раскрывающих понятие и условия, заключение, изменение и расторжение договора⁹. Также допустимо заключение соглашения о разделе общего имущества супругов во внесудебном порядке (пункт 2 статьи 38 СК РФ). К данному соглашению применяется аналогичное обязательное условие о нотариальном удостоверении сделки.

Важной особенностью является содержание самого брачного договора, поскольку в него можно включать только положения, касающиеся имущественных отношений супругов. Если брачный договор включает в себя положения, связанные с неимущественными отношениями супругов, или иным образом нарушает права супруга по смыслу пункта 3 статьи 42 СК РФ, то в этой части брачный договор является изначально ничтожным¹⁰.

Стоит отметить, что не все правовые нормы, связанные с договором по смыслу гражданского законодательства, могут применяться к брачному договору. В частности, если два физических лица заключили брачный договор относительно своих будущих имущественных прав, но в дальнейшем не

⁶ Кодекс законов о браке, семье и опеке // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

⁷ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

вступили в брак, то положения статьи 429 ГК РФ об обязательстве заключить договор в будущем применяться не будут. Эта особенность связана с характером семейных правоотношений, в рамках которых имущественные права являются производной составляющей и второстепенным явлением относительно личных неимущественных прав супругов. В связи с данным обстоятельством недопустимы споры о заключении брачного договора, поскольку супруги (будущие супруги) действуют на добровольных началах. Кроме того, в случае если супруг посчитает, что при заключении брачного договора его права были нарушены, он имеет право в дальнейшем обратиться в суд с требованием о признании такого брачного договора недействительным. Однако супруг должен доказать, что по условиям такого брачного договора его права и законные интересы были нарушены, заключение соглашения не было осуществлено добровольно, и лицо поставлено в крайне невыгодное материальное положение¹¹. Наиболее распространен брачный договор среди финансово состоятельных субъектов, рискующих потерять определенную долю собственного имущества.

Законный режим имущества супругов является более распространенным явлением в российском праве и затрагивает, в первую очередь, две категории семейных споров: о признании имущества каждого из супругов совместной собственностью и о разделе общего имущества супругов. Важно отметить, что данные споры могут быть рассмотрены судом как во время брака, так и после его расторжения – при условии соблюдения трехлетнего срока исковой давности. Указанный срок начинает течь с момента, когда супруг узнал о нарушении своих прав, а не со дня расторжения брака (вступления решения суда о расторжении брака в законную силу)¹².

¹¹ Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 10.09.2019 г. № 18-КГ19-82. Текст определения опубликован не был. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72836046/paragraph/1/doclist/733/showentries/0/highlight/Определение%20по%20делу%20№%2018-КГ19-82%20Верховного%20суда:2> (дата обращения: 13.02.2022).

¹² О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановле-

3. Особенности раздела общего имущества супругов в судебном порядке

По мнению Ю.Ф. Беспалова, при рассмотрении дел о разделе совместно нажитого имущества суд должен установить следующие обстоятельства: период брака; основания приобретения имущества и его стоимость; наличие долговых обязательств; основания для изменения режима имущества; основания для отступления от принципа равенства долей; наличие обременений и иные обстоятельства [4, с. 266]. Думается, что основная часть указанных действий должны совершаться судом для выяснения трех моментов: является ли указанное имущество совместно нажитым имуществом; в каком порядке будет осуществлен его раздел; имеются ли иные лица, чьи права могут быть затронуты таким разделом.

Раздел общего имущества супругов занимает значительную долю среди всех семейных споров, рассматриваемых в рамках искового производства. Необходимо отметить, что к субъектам, имеющим право инициировать такой спор, относятся не только супруги или бывшие супруги. Также это могут сделать опекун или попечитель, если супруг (бывший супруг) признан судом – ограничено дееспособным или недееспособным, орган опеки и попечительства, прокурор и кредитор супруга (бывшего супруга). Последний субъект будет рассмотрен более подробно, поскольку у него есть возможность инициировать и иные судебные процессы, связанные с имуществом супругов.

Так, в рамках действующего законодательства к основным способам защиты интересов кредиторов супруга (бывшего супруга) можно отнести: предъявление требования о взыскании долга совместно нажитым, наложение обеспечительных мер на имущество супруга (супругов), заявление требования о разделе общего имущества для обращения взыскания на долю одного из супругов и возбуждение дела о банкротстве. При этом супруги (бывшие супруги) не всегда знают, как можно защитить свои закон-

ные Пленума Верховного суда РФ от 05.11.1998 № 15 (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Библиотечка Российской газеты. № 34. 1998.

ные права и интересы, если рассматривается спор с участием кредитора.

В исследовании, посвященном защите прав супруга (бывшего супруга) должника в деле о банкротстве, мы пришли к выводу о том, что действующее законодательство предусматривает определенные правовые механизмы защиты. Так, к способам защиты относятся: право получать денежные средства от реализации совместно нажитого имущества; право требовать исключения имущества из конкурсной массы; право требовать большей доли при реализации совместно нажитого имущества; право возражать относительно признания долга совместно нажитым [5, с. 200]. Необходимо установить, какие механизмы защиты прав супруга (бывшего супруга) имеются в рамках спора о праве, разрешаемого в порядке гражданского судопроизводства.

Так, право возражать относительно признания долга совместно нажитым предусмотрено и в рамках судебных споров, возникших вне дела о банкротстве. Например, в случае, если только у одного из супругов возникло обязательство перед кредитором, другой супруг может указать, что долг появился до момента вступления в брак и признавать его совместно нажитым недопустимо.

Похожая ситуация может возникнуть и в случае, если супруг приобрел имущество в порядке наследования от другого супруга, поскольку в статье 1175 ГК РФ указано, что каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества¹³. Несмотря на то обстоятельство, что указанное имущество в силу статьи 36 СК РФ является имуществом конкретного супруга, некоторые кредиторы, заявляя требование о признании долга совместно нажитым, не учитывают данный момент.

Говоря о наследовании, также стоит отметить, что в случае расторжения брака в судебном порядке бывший супруг наследодателя лишается права наследовать в указанном качестве, если соответствующее решение суда вступило в законную силу до

дня открытия наследства¹⁴. При этом кредитор не лишен возможности взыскания долга посредством подачи искового заявления к иным наследникам умершего супруга-должника.

Главный инициатор судебного разбирательства о разделе совместно нажитого имущества – один из супругов (бывших супругов). В семейном законодательстве подробно раскрывается, какое имущество подлежит разделу и признается личным имуществом каждого из супругов. При решении данного вопроса необходимо устанавливать, на какие средства и по каким сделкам приобреталось имущество супругами [6, с. 105].

Рассуждая о перечне совместно нажитого имущества, следует отметить, что есть два спорных момента. Первый затрагивает перечень вещей, подпадающих под драгоценности и предметы роскоши, являющиеся личным имуществом в силу пункта 2 статьи 36 СК РФ. Второй связан с определением размера значительного увеличения стоимости имущества конкретного супруга, которое возможно признать совместно нажитым по смыслу статьи 37 СК РФ, и наличием согласия такого лица.

Установлено, что драгоценности и предметы роскоши, которыми пользовался один из супругов, при условии приобретения их в период брака являются совместно нажитым имуществом. Однако в законе отсутствует критерий, на основании которого вещь может признаваться предметом роскоши. Более того, под понятие «драгоценность» может попадать любое ювелирное украшение, в том числе и незначительной стоимости.

Один из критериев, которого могут придерживаться суды при отнесении того или иного имущества к предметам роскоши, – повышающий коэффициент на транспортный налог, согласно части 2 статьи 362 НК РФ¹². С учетом того факта, что все семьи

¹⁴ О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.05.2012 № 9 (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Российская газета. 2012. № 127.

¹² Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ. Часть вторая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Часть вторая (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

имеют разный доход, необходимо учитывать законодательный опыт других стран. Так, во Франции налог на роскошь применяется по прогрессивной налоговой ставке. Следовательно, стоимость драгоценностей и предметов роскоши также не может быть распространена одинаково на всех супругов. Условия применения повышающего коэффициента «транспортного налога на роскошь» также были ослаблены, что не позволяет учитывать его в качестве соразмерного критерия.

В части 1 статьи 446 ГПК РФ закреплён перечень имущества, на который распространяется исполнительский иммунитет. При этом в данной норме, а именно в абзаце, посвящённом имуществу, необходимому для профессиональных занятий гражданина-должника, указано, что на предметы, стоимость которых превышает десять тысяч рублей, допускается взыскание. Следовательно, можно предположить, что драгоценности и другие предметы роскоши не могут быть ниже этой суммы.

Предлагается изменить действующую редакцию пункта 2 статьи 36 СК РФ и добавить абзац следующего содержания: «К драгоценностям и другим предметам роскоши относится имущество, стоимость которого превышает сумму в размере ста тысяч рублей или составляет значительный размер от общей стоимости совместно нажитого имущества супругов». Союз «или» позволит защищать финансово нестабильные категории граждан и определять данный размер суду.

Следующий важный вопрос связан со значительным увеличением стоимости имущества, приобретённого лицом до брака. В законе нет закреплённых критериев определения значительности «вклада в имущество», в каждом случае вложения определяются индивидуально. Одной из проблем является отсутствие указания вида имущества, так как в качестве примеров в норме перечислены улучшающие характеристики, относящиеся преимущественно к недвижимости. Возможны случаи вложения и в движимые вещи, например, неоднократный (некапитальный) ремонт автомобиля собственника.

Спорным положением является воля собственника вещи, связанная с вкладом в стоимость имущества. Существует мнение,

что отсутствие согласия собственника вещи на её улучшение, по аналогии с положениями об аренде имущества (статья 623 ГК РФ), не позволяет относить указанное имущество к совместно нажитому [7, с. 99]. Однако нельзя не отметить, что в некоторых случаях молчание также является конклюдентным действием, и при многократных взносах за ипотеку гражданина, вступившего в дальнейшем в брак с плательщиком, такое имущество стоит признавать совместной собственностью. То есть согласие собственника может быть выражено в любой форме.

Среди способов защиты интересов одного из супругов стоит отметить возможность признания сделки по продаже совместного имущества недействительной [8, с. 130]. Основное условие оспаривания – отсутствие согласия второго супруга. В случае оспаривания подписи согласившегося супруга в договоре купли-продажи имущества, супруг, продавший указанное имущество, имеет возможность защитить свои права посредством назначения судебной почерковедческой экспертизы. Срок на обжалование обобщий и составляет один год согласно пункту 2 статьи 181 ГК РФ.

Изучая доказательственную базу по спорам о разделе совместно нажитого имущества, стоит сказать, что основными доказательствами будут являться письменные доказательства [9, с. 314], которые являются обязательными и подтверждающими факт принадлежности имущества супругам, а также основания его приобретения. Также очень часто по спорам о разделе имущества в качестве средств доказывания используются заключения экспертов, определяющие рыночную стоимость имущества и позволяющие справедливо его разделить. Поскольку оценочная судебная экспертиза является дорогостоящей процедурой, нередко супруги пытаются урегулировать спор в досудебном порядке.

В рамках судебного разбирательства супруги (бывшие супруги) имеют право на предъявление встречного иска о разделе имущества в случае, если супруг-истец изначально не указал весь перечень совместно нажитого имущества. При этом госпошлина будет оплачиваться именно за часть имущества, на которую претендует супруг, в том

числе и при подаче встречного требования¹⁵. Думается разумным использование альтернативных способов разрешения конфликта для снижения потенциальных расходов и ускорения самого процесса раздела имущества.

По семейным спорам о разделе совместно нажитого имущества допустимо заключение мирового соглашения. Интересным является то обстоятельство, что не всегда супруги (бывшие супруги) доверяют друг другу и боятся подписывать мировые соглашения до момента передачи денежных средств. С учетом мнений всех сторон, в целях минимизации дальнейших рисков, в мировом соглашении следует прописывать пункт следующего содержания: «Мировое соглашение вступает в законную силу после выполнения сторонами обязательств по передаче денежных средств и подписания его сторонами и с момента утверждения его судом. Денежная сумма в размере рыночной стоимости имущества выплачивается непосредственно после подписания мирового соглашения сторонами, но перед подачей его на утверждение в суд». Данное условие гарантирует супругам (бывшим супругам) исключение недобросовестного поведения сторон при заключении мирового соглашения. Судья может объявить перерыв¹⁶ для

того, чтобы стороны подписали мировое соглашение, а затем осуществили передачу денежных средств наличным или безналичным способом.

Заключение

По итогам проведенного исследования были рассмотрены изменения в отечественном семейном законодательстве на протяжении всей истории российского государства, изучены договорный и законный режимы имущества супругов, проанализированы основные процессуальные моменты, связанные с судебным разделом совместно нажитого имущества супругов. Таким образом, по итогам рассмотрения указанной категории споров можно говорить о следующем. Кредиторы супруга (бывшего супруга) имеют ряд возможностей по взысканию задолженности, в том числе и в рамках семейных споров. Супруги (бывшие супруги) должники также могут защитить свои права. Неурегулированными остаются вопросы отнесения совместно нажитого имущества к драгоценностям и предметам роскоши, определение его стоимости, в связи с чем предлагается внести изменения в действующее законодательство. Имеются определенные спорные вопросы относительно способа получения согласия собственника вещи на ее улучшение. По семейным спорам о разделе имущества допустимо назначение судебной экспертизы для определения рыночной стоимости имущества. В целях экономии денежных средств супруги могут урегулировать спор в ином порядке, посредством заключения мирового соглашения.

¹⁵ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.11.1998 № 15 (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Библиотечка Российской газеты. 1998. № 34.

¹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (действ. ред. с учетом измен. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Список источников

1. Иванова Н.А., Гурулева Э.А. Формирование принципа добровольности брака в российском семейном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 716-728. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-716-728](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-716-728)
2. Захаров А.И. Историческое развитие правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 5. С. 60-67.
3. Семейное право / под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 188 с.
4. Настольная книга мирового судьи: рассмотрение и разрешение мировыми судьями гражданских дел / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2017. 528 с.
5. Митрофанов Н.В. Защита прав супруга (бывшего супруга) должника в деле о банкротстве // Актуальные проблемы гражданского, арбитражного, административного процесса, исполнительного производства, нотариата и адвокатской деятельности: сб. ст. по материалам 8 Регион. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей / под ред. А.Д. Золотухина. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 197-200.

6. Богданова Е.Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 100-116.
7. Байгушева Ю.В. Законный режим имущества супругов // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2008. № 8. С. 97-101.
8. Шашкова Я.Г. Актуальные проблемы законного режима имущества супругов // ЭНИГМА. 2020. № 20. С. 127-135.
9. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: «Норма: ИНФРА-М», 2022. 472 с.

References

1. Ivanova N.A., Guruleva E.A. Formirovaniye printsipa dobrovol'nosti braka v rossiyskom semeynom prave [Development of the principle of voluntariness of marriage in the Russian family law]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 20, pp. 716-728. DOI [10.20310/2587-9340-2021-5-20-716-728](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-20-716-728). (In Russian).
2. Zakharov A.I. Istoricheskoye razvitiye pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnosheniy suprugov v rossiyskom prave [Historical development of the legal regulation of property relations of spouses in the Russian law]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal* [Business in Law. Economic and Legal Journal], 2014, no. 5, pp. 60-67. (In Russian).
3. Krashenninnikov P.V. (ed.). *Semeynoye pravo* [Family Law]. Moscow, Statut Publ., 2019, 188 p. (In Russian).
4. Bespalov Y.F. (executive ed.). *Nastol'naya kniga mirovogo sud'i: rassmotreniye i razresheniye mirovymi sud'yami grazhdanskikh del* [Handbook of the Justice of the Peace: Consideration and Resolution of Civil Cases by Justices of the Peace]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 528 p. (In Russian).
5. Mitrofanov N.V. Zashchita prav supruga (byvshego supruga) dolzhnika v dele o bankrotstve [Protection of the rights of the spouse (former spouse) of the debtor in bankruptcy proceedings]. *Sbornik statey po materialam 8 Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i soiskateley "Aktual'nyye problemy grazhdanskogo, arbitrazhnogo, administrativnogo protsessa, ispolnitel'nogo proizvodstva, notariata i advokatskoy deyatel'nosti"* [Proceedings of the 8th Regional Scientific and Practical Conference of Students, Master's Degree Students, Post-Graduate Students and Competitors "Current Problems of Civil, Arbitration, Administrative Process, Enforcement Proceedings, Notaries and Advocacy"]. Tambov, «Derzhavinskiy» Publishing House, 2021, p. 197-200. (In Russian).
6. Bogdanova E.E. Spornyye voprosy razdela imushchestva suprugov [Disputable issues of division of property of spouses]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 2, pp. 100-116. (In Russian).
7. Baygusheva Y.V. Zakonnyy rezhim imushchestva suprugov [Legal regime of property of spouses]. *Zakony Rossii. Opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia. Experience, analysis, practice], 2008, no. 8, pp. 97-101. (In Russian).
8. Shashkova Y.G. Aktual'nyye problemy zakonnoy rezhima imushchestva suprugov [Current problems of the legal regime of the property of spouses]. *ENIGMA*, 2020, no. 20, pp. 127-135. (In Russian).
9. Reshetnikova I.V. (ed.). *Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook on Evidence in Civil Proceedings]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022, 472 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-228-234

Шифр научной специальности 5.1.4

О путях совершенствования регламента производства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения

© ОВСЯННИКОВ Игорь Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000 г. Рязань, ул. Сенная, 1; профессор кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1, ORCID: 0000-0003-4226-5958, ivover@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – на основе анализа различий в порядках возбуждения уголовных дел частного и частно-публичного обвинения и производства по ним показать существующие противоречия законодательной регламентации порядка производства, наметить пути их устранения. Проведенное исследование позволило констатировать наличие проблем при публичном порядке возбуждения дела – зависимость пострадавшего-заявителя от воли должностных лиц правоохранительных органов и возможность возникновения трудно преодолимых для него препятствий в доступе к правосудию. Обсуждаются различия в порядках прекращения уголовных дел двух рассматриваемых категорий в связи с примирением сторон и недостатки регламентации этих порядков в уголовно-процессуальном законе. Исследуется законопроект Верховного суда РФ о переводе дел частного обвинения в категорию дел частно-публичного обвинения. Сформулированы достоинства и недостатки указанного законопроекта, предложения по его совершенствованию. Разработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона в части регламентации производства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения.

Ключевые слова

уголовное дело частно-публичного обвинения, уголовное дело частного обвинения, публичный порядок возбуждения, частный порядок возбуждения, прекращение дела, примирение сторон, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования

Овсянников И.В. О путях совершенствования регламента производства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 228-234. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-228-234

On ways to improve the production regulations of criminal cases of private and private-public prosecution

© Igor V. OVSYANNIKOV,

Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Department, Scientific Center, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russian Federation; Professor of Criminal Procedure Department, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4226-5958, ivover@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is, based on an analysis of the differences in the procedures for initiating criminal cases of private and private-public prosecution and proceedings on them, to show the existing contradictions in the legislative regulation of the proceedings, to outline ways to eliminate them. The study made it possible to state the existence of problems in the public procedure for initiating a case – the dependence of the victim-applicant on the will of law enforcement officials and the possibility of difficult-to-surmount obstacles for him in access to justice. The difference in the procedures for terminating criminal cases of the two categories under consideration in connection with the reconciliation of the parties and the shortcomings of the regulation of these procedures in the criminal procedure law are discussed. The draft law of the Supreme Court of the Russian Federation on the transfer of private prosecution cases to the category of private-public prosecution cases is being studied. The advantages and disadvantages of this draft law, proposals for its improvement are formulated. Proposals have been developed to improve the criminal procedure law in terms of regulating the proceedings in criminal cases of private and private-public prosecution.

Keywords

criminal case of private-public prosecution, criminal case of private prosecution, public procedure for initiation, private procedure for initiation, dismissal of the case, reconciliation of the parties, exemption from criminal liability

For citation

Ovsyannikov I.V. O putyakh sovershenstvovaniya reglamenta proizvodstva po ugolovnym delam chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya [On ways to improve the production regulations of criminal cases of private and private-public prosecution]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 228-234. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-228-234](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-228-234) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение. Постановка проблемы

В российском уголовно-процессуальном законе предусмотрены и регламентированы три вида (порядка) уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения: публичный, частно-публичный, частный. В зависимости от вида уголовного преследования все уголовные дела делятся на три категории: публичного, частно-публичного, частного обвинения.

Вид (порядок) реализуемого в каждом конкретном случае уголовного преследования зависит от характера и тяжести преступления (часть 1 статьи 20 УПК РФ). В статье 20 УПК РФ законодатель указывает и некоторые особенности производства по делам различных категорий.

Дела частного и частно-публичного обвинения разграничены в частях 2 и 3 статьи 20 УПК РФ. Но в формулировках этих норм не отражено существенное различие в порядках возбуждения дел и производства по ним. И первые, и вторые возбуждаются по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но, если вторые – в публичном порядке (статьи 144–146 УПК РФ), то первые – в частном порядке, то есть путем подачи в суд заявления в отношении конкретного лица (части 1, 2, 5 статьи 318 УПК РФ).

Результаты исследования

Как справедливо указывает Конституционный суд РФ, жалоба потерпевшего выполняет роль исключительного повода к возбуждению дела частного обвинения и обвинительного акта, устанавливающего рам-

ки для уголовного преследования, она вручается подсудимому для подготовки защиты¹. По таким делам государственные органы не осуществляют предварительное расследование, не обеспечивают поддержание обвинения в суде (это делает сам частный обвинитель), государство обеспечивает лишь выполнение необходимых процедур в судебном производстве и отправлении правосудия.

В регламенте производства по уголовным делам двух рассматриваемых в настоящей статье категорий проявляются элементы диспозитивности, частный интерес потерпевшего признается более значимым, чем раскрытие преступления и наказание виновного [1].

Для пострадавших-заявителей частный порядок возбуждения дела предпочтительнее, чем публичный. Дело в том, что при публичном порядке возбуждения существует зависимость каждого пострадавшего-заявителя от воли должностных лиц правоохранительных органов, которые могут, в частности, посчитать полученное заявление заявлением вовсе не о преступлении, а, например, об ином происшествии, и не рассматривать его в уголовно-процессуальном порядке. Так, в территориальных органах МВД России, где рассматривается подавляющее большинство сообщений о преступлениях, заявления и сообщения делят на три группы: 1) о преступлениях, 2) об административных правонарушениях, 3) о происшествиях².

Но и при рассмотрении заявления в предусмотренном УПК РФ порядке в ходе доследственного производства может быть

принято решение не о возбуждении уголовного дела, а иное (часть 1 статьи 145 УПК РФ), причем это происходит далеко не всегда в разумный срок (на практике распространена волокита) и не всегда законно. Так, в 2021 г. в результате прокурорского надзора отменено 1,59 млн постановлений об отказе в возбуждении дела, в 2020 г. отменено 1,81 млн таких незаконных постановлений; по результатам их отмены возбуждено 155 тыс. и 165 тыс. уголовных дел в 2021 и 2020 гг. соответственно³. При этом незаконные постановления о возбуждении дела выносятся, по-видимому, значительно реже: в 2020 г. отменено лишь 11,87 тыс., в 2021 году – 10,36 тыс. таких постановлений⁴ (соответственно в 152 и 153 раза меньше, чем постановлений об отказе).

Таким образом, при публичном порядке возбуждения уголовного дела могут возникать трудно преодолимые для пострадавшего-заявителя препятствия в доступе к правосудию. Человек, фактически пострадавший от преступления и обратившийся в связи с этим с заявлением в правоохранительные органы, часто не может даже получить процессуальные статус и права потерпевшего. Следовательно, при публичном порядке возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальный механизм защиты прав и законных интересов пострадавших работает не надежно. Это не соответствует назначению отечественного уголовного судопроизводства (пункт 1 части 1 статьи 6 главы 2 УПК РФ).

Указанные проблемы в последние годы стали объектом внимания Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой: на основе анализа следственной практики она отмечает волокиту, допускаемую при рассмотрении заявлений о преступлениях, неоднократные прерывания их рассмотрений, невыполнение указаний надзирающих прокуроров. Зачастую это влечет потерю доказательной базы. Нередко процедура доследственной проверки становится прямым препятствием защите прав и

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации: Постановление Конституционного суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.11.2014 № 34570) // Российская газета. 2014. № 260.

³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2021 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ Там же.

законных интересов граждан [2]. Федеральный омбудсмен обращает внимание, что только за один 2021 г. прокурорами отменены 3,5 млн решений о приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, что, по ее мнению, говорит о наличии системной проблемы⁵.

Далее. Формулировки частей 2 и 3 статьи 20 УПК РФ различны в отношении прекращения дел частного и частно-публичного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым: первые подлежат прекращению, вторые не подлежат. Но и вторые, и первые возбуждаются лишь по заявлению потерпевшего или его законного представителя, то есть частным интересам потерпевшего и его волеизъявлению начать уголовное преследование придается решающее значение. Категоричный законодательный запрет на прекращение дела по указанному основанию означает предписание полностью пренебрегать последующим заявлением потерпевшего о примирении, его интересами и желанием прекратить уголовное преследование обидчика. Это выглядит не очень логично. Тем более что такого рода запрета не предусмотрено даже для уголовных дел публичного обвинения, которые могут возбуждаться и вопреки позиции и нежеланию (несогласию) потерпевшего.

Однако порядок производства по делам частно-публичного обвинения регламентирован не вполне последовательно: если в первом предложении части 3 статьи 20 УПК РФ возможность прекращения за примирением отрицается, то в части 3 статьи 147 УПК РФ предписывается вести производство по ним в общем порядке. На практике такие дела прекращаются за примирением сторон по правилам статьи 25 УПК РФ. Пленум Верховного суда РФ разъясняет, что дела частно-публичного обвинения о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 137, частью 1 статьи 138, частью 1 статьи 139, статьей 145 УК РФ, не подлежат

лишь обязательному прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, но в случаях, предусмотренных статьями 76 УК РФ, суд вправе прекратить уголовное дело на основании заявления потерпевшего⁶.

Но различие в порядке прекращения все же есть. По смыслу статьи 25 УПК РФ прекращение дела в связи с примирением сторон – это форма освобождения лица от уголовной ответственности (статья 76 УК РФ), что возможно при условиях: преступление небольшой или средней тяжести, совершено лицом впервые, примирение состоялось, лицо загладило причиненный вред.

По смыслу же части 5 статьи 319 УПК РФ при поступлении заявлений потерпевшего и обвиняемого о примирении мировой судья обязан прекратить дело. Не имеет значения, впервые ли обвиняемый совершил преступление, действительно ли произошло примирение и в какой форме, загладил ли обвиняемый вред от преступления. Такой порядок прекращения проще для обеих сторон. Однако из содержания части 2 статьи 20 УПК РФ возможность и необходимость прекращения именно в таком упрощенном порядке не очевидна, что может вводить правоприменителя в заблуждение.

В научной литературе констатируется неоднозначность теоретических подходов и отсутствие единообразия судебной практики в решении проблем, возникающих при производстве по делам частного обвинения [3, с. 7].

В целях совершенствования уголовно-процессуального закона можно предложить:

– в части 2 статьи 20 УПК РФ слова «с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение» заменить словами «с поступлением от сторон заявлений о примирении. Подача заявлений о примирении» [4];

– в первом предложении части 3 статьи 20 УПК РФ слова «но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат» исключить или хотя

⁵ Более 10 тыс. обращений Уполномоченный направила в органы прокуратуры в 2021 году // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/bolee_10_tys_obrashhenij_upolnomochennyj_napravila_v_organ_y_prokurat_ury_v_2021_godu (дата обращения: 10.02.2022).

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 46 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2019. № 2.

бы заменить словами «но безусловному прекращению в связи с поступлением от потерпевшего и обвиняемого заявлений о примирении не подлежат».

Существует определенное различие и в наступающих правовых последствиях прекращения дел двух рассматриваемых категорий в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Так, прекращение уголовного преследования по этому основанию исключает для обвиняемого возможность находиться на службе в органах внутренних дел, уголовно-исполнительной системе, ряде других правоохранительных органах, но кроме дел частного обвинения⁷.

На практике прекращаются многие дела частного обвинения, преимущественно в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Так, в 2020 г. по этому основанию суды прекратили уголовные дела в отношении 1519 лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 115 УК РФ, и 1355 лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 116¹ УК РФ⁸.

⁷ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4532; О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3089; О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): Пояснительная записка к проекту федерального закона // Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 06.04.2021 № 3 «О внесении в Государ-

В заключение о предложении Пленума Верховного суда РФ перевести дела частного обвинения в категорию дел частного-публичного обвинения⁹. Достоинства законопроекта обусловлены стремлением проектантов облегчить потерпевшему решение задач по сбору необходимых доказательств (за счет участия в этом дознавателя) и обоснованию обвинения в судебном разбирательстве (за счет участия государственного обвинителя). Это заслуживает поддержки. Потерпевший в отличие от дознавателя не может произвести, например, обыск или выемку даже при помощи представителя, в отличие от гособвинителя не обладает знаниями и навыками для поддержания обвинения. Но необходимость реализации законопроекта в предложенном виде не очевидна, так как он имеет и недостатки:

- предлагаемая замена частного порядка возбуждения дела публичным создаст для пострадавших (потерпевших) дополнительные проблемы в доступе к правосудию;

- у потерпевших и обвиняемых будут дополнительные сложности и препятствия для разрешения уголовно-правового конфликта путем примирения, для восстановления мирных отношений; на практике возможность упрощенного прекращения дела (вместо осуждения обвиняемого и получения им судимости) важна, например, для обвиняемого и потерпевшего, являющихся членами одной семьи, для детей и других родственников обвиняемого;

- для некоторых обвиняемых возникнут дополнительные правовые последствия прекращения уголовного преследования в виде препятствия для нахождения на службе, что будет обострять и существующую в правоохранительных органах проблему вакансий.

Между тем исследователи института частного обвинения отмечают, что в других

ственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁹ Там же.

странах, где присутствует этот институт, перечень дел данной категории значительно шире [3, с. 11, 16; 5], а в России есть потенциал для расширения частных начал и правомочий потерпевшего при возбуждении и прекращении уголовного преследования [6, с. 8], предлагают усилить начало диспозитивности путем отнесения к делам частного обвинения некоторых дел публичного обвинения, где частный интерес дороже публичного [1].

Заключение

По нашему мнению, установление возможности производства дознания по делам частного обвинения не препятствует сохранению их как отдельной категории. Это соответствовало бы приоритету прав и свобод человека, обязанности государства по их признанию, соблюдению и защите (статья 2 Конституции РФ).

Если же объединять уголовные дела двух категорий в одну, то предпочтительнее был бы не вариант механического перевода дел одной категории в другую с одновременной ликвидацией присущих порядку производства по делам частного обвинения всех достоинств и преимуществ для потерпевших и обвиняемых, а вариант объединения на основе:

а) сохранения и развития в объединенной категории достоинств и преимуществ, имеющихся в настоящее время у каждой из объединяемых категорий;

б) минимизации в объединенной категории недостатков регламента производства, имеющихся в настоящее время у каждой из объединяемых категорий.

В объединенной категории, в частности, было бы целесообразно сохранить упрощенный (по сравнению с порядком, предусмотренным в статье 25 УПК РФ) порядок прекращения дел в связи с примирением сторон, что в интересах и потерпевших, и обвиняемых.

В объединенной категории было бы также целесообразно предусмотреть наряду с публичным порядком и частный порядок возбуждения уголовных дел (даже если у пострадавшего нет данных об обидчике): путем подачи пострадавшим либо его законным представителем в правоохранительные органы заявления о преступлении, содержащего тот минимум сведений, который необходим для начала предварительного расследования. По сравнению с публичным порядком частный порядок мог бы существенно упрощать доступ потерпевших к правосудию за счет обязательного и незамедлительного начала предварительного расследования при поступлении соответствующего заявления о преступлении. Исключение длительного и трудоемкого доследственного производства позволило бы раньше начинать полноценное расследование, что повысило бы его эффективность и раскрываемость преступлений.

Соответственно, второе предложение части 4 статьи 20 УПК РФ следует исключить как излишнее.

Впрочем, содержание этого предложения и его наличие в законе и сейчас вносит явный диссонанс в законодательную регламентацию, что вызывает в науке уголовного процесса закономерные и обоснованные возражения [7]. Дело в том, что это предложение при его буквальном толковании позволяет должностным лицам, а с учетом содержания части 3 статьи 21 УПК РФ и обязывает их, возбуждать любые уголовные дела и без выражения воли на то потерпевшими, в том числе теми, которые могут и в состоянии защищать свои права и законные интересы. Такое расширение пределов действия публичного порядка возбуждения на дела частного и частно-публичного обвинения противоречит общему правилу, что они возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя.

Список источников

1. *Петрухин И.* Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24-25.
2. *Москалькова Т.Н.* Проблемы защиты прав потерпевших в рамках уголовного расследования // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 4-6.
3. *Корякин А.Л.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 23 с.

4. Овсянников И.В. Особенности прекращения уголовного дела частного обвинения в связи с примирением сторон // Современное право. 2021. № 9. С. 92-95.
5. Ксэндзов Ю.Ю. В поиске оптимального порядка разрешения уголовных дел частного обвинения // Юридические исследования. 2019. № 7. С. 44-57. DOI [10.25136/2409-7136.2019.7.30321](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.7.30321)
6. Олейник В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 23 с.
7. Дикарев И.С. Возбуждение уголовных дел частного и частно-публичного обвинения о преступлениях, совершенных лицами, данные о которых неизвестны // Мировой судья. 2010. № 1. С. 20-24.

References

1. Petrukhin I. Publichnost' i dispozitivnost' v ugovnom protsesse [Publicity and Dispositiveness in Criminal Procedure]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 1999, no. 3, pp. 24-25. (In Russian).
2. Moskalkova T.N. Problemy zashchity prav poterpevshikh v ramkakh ugovnogo rassledovaniya [Issues of protection of victims' rights in criminal investigation]. *Byulleten' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation], 2019, no. 7, pp. 4-6. (In Russian).
3. Koryakin A.L. *Institut chastnogo obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings. Cand. law sci. diss. abstr.]. Omsk, 2016, 23 p. (In Russian).
4. Ovsyannikov I.V. Osobennosti prekrashcheniya ugovnogo dela chastnogo obvineniya v svyazi s primireniyem storon [Features of termination of a criminal case of private prosecution due to reconciliation of the parties]. *Sovremennoye pravo* [Modern Law], 2021, no. 9, pp. 92-95. (In Russian).
5. Ksendzov Y.Y. V poiske optimal'nogo poryadka razresheniya ugovnykh del chastnogo obvineniya [In search of the optimal order of resolution of criminal cases of private prosecution]. *Yuridicheskiye issledovaniya* [Legal Studies], 2019, no. 7, pp. 44-57. DOI [10.25136/2409-7136.2019.7.30321](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.7.30321). (In Russian).
6. Oleynik V.V. *Uchastiye poterpevshego v ugovnom presledovanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Participation of the victim in criminal prosecution. Cand. law sci. diss. abstr.]. Omsk, 2020, 23 p. (In Russian).
7. Dikarev I.S. Vozbuzhdeniye ugovnykh del chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya o prestupleniyakh, sovershennykh litsami, dannyye o kotorykh neizvestny [Initiation of criminal cases of private and private-public prosecution of crimes committed by persons whose identity is unknown]. *Mirovoy sud'ya* [Justice of the Peace], 2010, no. 1, pp. 20-24. (In Russian).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.946.5

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241

Шифр научной специальности 5.1.3

**Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм:
соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе**

© **РЫЖКОВ Константин Сергеевич**,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Российская Федерация, 454084 г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63, ORCID: 0000-0002-3882-6612, knrz2006@yandex.ru

Аннотация

Обеспечение единообразия судебной практики является одной из важнейших задач, стоящих перед судебной системой. В то же время существование в процессуальном законодательстве механизма преюдиции ставит вопрос о возможности судов принимать не только ранее установленные факты, но и их правовую квалификацию, что прямо связано с вопросом о единообразном применении судами правовых норм. Целью исследования является выявление соотношения между преюдицией и единообразным применением судами правовых норм в гражданском и арбитражном процессе. Для достижения указанной цели поставлена задача разграничения случаев, когда суд должен принимать правовую позицию предыдущего суда, от случаев, когда суд свободен в правовых оценках преюдициальных фактов. Также поставлена задача рассмотреть различные проявления единообразного применения судами правовых норм, а также их соотношение с преюдицией. Для достижения цели и задач исследования применялись диалектический, формально-юридический и герменевтический методы. В рамках проведенного исследования сформулированы критерии выделения случаев, когда суд должен принимать правовую позицию предыдущего суда. Сделаны выводы о взаимосвязи и соотношении между законодательно установленным требованием единообразия судебной практики и свойством преюдициальности судебных актов.

Ключевые слова

суд, правоприменение, преюдиция, единообразие судебной практики

Для цитирования

Рыжков К.С. Преюдиция и единообразное применение судами правовых норм: соотношение понятий в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 235-241. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241)

Prejudice and uniform application of legal norms by courts: relationship of concepts in civil and arbitration proceedings

© Konstantin S. RYZHKOV,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law, Ural Branch of The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education “The Russian State University of Justice”, 63 Energetikov St., Chelyabinsk 454084, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3882-6612](https://orcid.org/0000-0002-3882-6612), knrz2006@yandex.ru

Abstract

Ensuring the uniformity of judicial practice is one of the most important tasks facing the judicial system. At the same time, the existence of a mechanism of prejudice in the procedural legislation raises the question of the ability of the courts to accept not only previously established facts, but also their legal qualification, which is directly related to the issue of the uniform application of legal norms by the courts. The purpose of the study is to identify the relationship between prejudice and the uniform application of legal norms by the courts in civil and arbitration proceedings. To achieve this goal, the task is to distinguish between cases where the court must accept the legal position of the previous court, from cases where the court is free in legal assessments of prejudicial facts. The task was also set to consider various manifestations of the uniform application of legal norms by the courts, as well as their relationship with prejudice. Dialectical, formal-legal and hermeneutical methods were used to achieve the goal and objectives of the study. As part of the study, criteria were formulated for identifying cases where the court must accept the legal position of the previous court. At the same time, the author made conclusions about the relationship and correlation between the legally established requirement for the uniformity of judicial practice and the property of prejudice of judicial acts.

Keywords

court, law enforcement, prejudice, uniformity of judicial practice

For citation

Ryzhkov K.S. Prejuditsiya i edinoobraznoye primeneniye sudami pravovykh norm: sootnosheniye ponyatiy v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Prejudice and uniform application of legal norms by courts: relationship of concepts in civil and arbitration proceedings]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 235-241. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-235-241) (In Russian, Abstr. in Engl.)

Введение

Суд, рассматривая и разрешая правовой спор, устраняет тем самым правовую неопределенность относительно содержания конкретного правоотношения или самого факта его существования. При этом является очевидным, что до установления судом обстоятельств дела и рассмотрения им представленных доказательств никто, включая сам суд, не может наверняка сказать, каким именно будет решение по делу. Содержание решения будет зависеть от совокупности фактов, входящих в предмет доказывания, относительно которых судом будут сделаны те или иные выводы, применены те или иные правовые нормы.

Является при этом очевидным, что дело не разрешается произвольно. Существуют

условия, которые ограничивают суд в его деятельности. И речь в данном случае идет не только о применяемых судом нормах права и о самих правилах судопроизводства, но и об иных условиях, способствующих формированию непротиворечивой судебной практики.

Указанное замечание особенно важно в контексте деятельности суда первой инстанции, поскольку именно он первым (а часто, и единственным) из судов рассматривает дело. По справедливому замечанию С.М. Амосова, именно в данной инстанции «возможно наиболее легко, просто, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела» [1, с. 139].

В учетом вышесказанного актуальным является вопрос об условиях, которыми ог-

раничивается деятельность суда при разрешении конкретного дела.

Результаты

Суд при рассмотрении дела в самом общем виде устанавливает его обстоятельства и дает им правовую квалификацию [2, с. 15]. Иными словами деятельность суда, направленная на разрешение дела, сводится в конечном итоге к судебному познанию и правовой квалификации. Как следствие, установление условий, ограничивающих суд в его деятельности, должно происходить с учетом двух указанных элементов судебной деятельности.

В целом же к условиям, которые ограничивают суд в его деятельности, делая ее подчиненной нормам и принципам процессуального права, можно отнести следующие.

1. Необходимость разрешать дела в соответствии с положениями закона, что наиболее очевидным образом находит свое выражение в рамках принципа законности. При этом законность судебных актов обеспечивается, в числе прочего, посредством единообразного применения правовых норм, что в частности выражается в учете правовых позиций вышестоящих судов (и особенно, Верховного суда РФ).

Согласно части 4 статьи 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», пункту 1 части 3 статьи 5 и пункту 1 части 1 статьи 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации» одной из задач Верховного суда РФ (включая его Пленум и Президиум) является обеспечение единообразного применения законодательства. Кроме того, согласно статье 391.9 ГПК РФ и статье 308.8 АПК РФ нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права является основанием для отмены или изменения постановления в порядке надзора.

Важно отметить, что предпринимаются попытки раскрыть содержание понятия «единообразие судебной практики» в юридической науке.

Как отмечает Т.К. Андреева, единообразие толкования и применения судами норм права выступает «гарантией правовой определенности в отношениях спорящих сторон,

предсказуемости и стабильности судебных актов» [3, с. 72].

Д.И. Крымский предлагает понимать единообразие судебной практики как ее состояние, «при котором принимаемые судами акты по спорам между одними и теми же лицами, возникшим при схожих (тождественных) обстоятельствах, или по аналогичным спорам непротиворечивы» [4, с. 53]. С указанным определением следует согласиться. При этом важно отметить, что достижение такого состояния объективно затруднительно в силу динамизма законодательства и сложности общественных отношений, однако к его достижению судам следует стремиться в рамках своей правоприменительной практики.

2. Вторым важным условием, ограничивающим суд в рамках разрешения дела, является необходимость считать установленными без повторного или нового доказывания те обстоятельства, которые были установлены ранее, в другом процессе, но с участием тех же лиц. Иначе говоря, речь идет о таком свойстве судебного решения, как преюдициальность.

Положения гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства не дают однозначного ответа на вопрос о содержании термина «преюдиция» [5, с. 42]. В то же время понятие преюдиции до сих пор остается актуальной темой для исследований [6, с. 114], в связи с чем указанному вопросу посвящено большое число научных работ.

К примеру, по мнению Е.В. Клиновой, преюдициальность предполагает запрет на повторное разрешение в другом процессе вопросов о ранее установленных фактах [7, с. 91]. А.М. Безруков при этом отмечает, что «судебный акт в части установления фактов и правоотношений преюдициален для тех лиц, которые участвовали в деле при его вынесении» [8, с. 62].

В зарубежной юридической науке еще в XIX веке было указано на важное свойство преюдиции, а именно: «преюдиция может возникать лишь в том случае, когда в обоих процессах рассматривается и разрешается один и тот же спорный вопрос» [9, с. 124]. Иными словами, преюдиция всегда касается одного и того же факта, который значим для

двух или более разных споров, рассматриваемых судами.

Таким образом, в качестве основных признаков преюдициальности можно выделить следующие.

1. Для возникновения преюдиции необходимо существование как минимум двух процессов, при этом правила о преюдициальности применяются в более позднем из них.

2. Существует взаимосвязь между указанными процессами в части установления судом конкретного факта, входящего в предмет доказывания, а также в отношении участия в них одного и того же лица (нескольких лиц).

3. Преюдиция предполагает освобождение от доказывания преюдициального факта в более позднем процессе.

На первый взгляд, между единообразием судебной практики и преюдициальностью судебных актов мало общего. Первый правовой феномен касается вынесения судебного решения, в то время как второй, несомненно, относится к процессу доказывания по делу.

Однако, с другой стороны, соотношение между требованием единообразия судебной практики и преюдициальностью как свойством судебных актов все же не столь очевидно.

Как отмечено в Определении Конституционного суда РФ № 2528-О, «преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности»¹. А значит, преюдициальность не только служит целям процессуальной экономии и ускорения процесса (во избежание многократного доказывания одних и тех же фактов), но и обеспечивает непротиворечивость в рамках всей системы актов, выносимых российскими судами.

Таким образом, и обращенное к судам требование единообразно применять нормы права при разрешении дел, и преюдициальность как свойство судебных актов служат общей цели: сделать решения суда предска-

зуемыми, исключив при этом непоследовательность и противоречия в судебной практике.

При этом суд, рассматривая конкретное дело, всегда применяет нормы права (в силу вышеупомянутого принципа законности и сформулированных в процессуальном законодательстве требований к судебным актам). Поэтому при реализации такого свойства судебного решения, как преюдициальность, суду в новом процессе следует учитывать, что в предыдущем процессе были не только установлены конкретные обстоятельства, но и дана этим обстоятельствам определенная правовая оценка. Поэтому возникает вопрос: должен ли суд, принимая без доказательств ранее установленные другим судом факты, принимать также и его правовую оценку указанных фактов?

Приведем пример подобной ситуации. Так, если судом по первоначальному делу установлен факт нарушения норм гражданского права, влекущих наступление гражданско-правовой ответственности, то этот суд не может не указать в своем решении на конкретные нормы права, которые были нарушены. Иными словами, суд не может не квалифицировать указанное деяние с точки зрения закона. Тем более что установить факт нарушения права невозможно, не ссылаясь на нарушенную правовую норму. И, следовательно, принимая без доказательств преюдициальный факт правонарушения, суд в новом процессе соглашается с ранее произшедшим применением к данному факту конкретных правовых норм.

На указанное обстоятельство обращается внимание в научной литературе. Как отмечает В.М. Ястребов, «наличие двух различных правовых мнений, вытекающих из одного спора, несомненно, является проблемой» [10, с. 53]. И действительно, с одной стороны, суду в ряде случаев проблематично «отделить» факт от его правовой квалификации. А значит, суд в новом процессе будет вынужден согласиться с указанной квалификацией, данной ранее иным судом. С другой же стороны, преюдиция является правовым механизмом доказывания, касающимся, прежде всего, фактов, а не применимого к ним права. При этом принципы законности и независимости судей предполагают, что

¹ По запросу администрации Краснодарского края о проверке конституционности части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

суд оценивает доказательства и разрешает дело в соответствии с законом по своему внутреннему убеждению. Иными словами, суд не ограничен правовыми позициями иных судов (кроме обязательных к применению позиций высших судебных инстанций).

В доктрине предлагаются различные подходы к решению данной проблемы. Так, П.Н. Мацкевич отмечает, что «фактические обстоятельства, установленные судом, должны иметь преюдициальное значение при рассмотрении другого дела... а правовой оценке этих обстоятельств следует придать характер опровержимой процессуальной презумпции: суд при наличии существенных обстоятельств, которые не были учтены... в предыдущем деле, вправе дать фактическим обстоятельствам иную правовую оценку» [11, с. 150].

В то же время, по справедливому замечанию Е.П. Орловой, правовая оценка спорных обстоятельств по делу будет преюдицировать в случае, если имеет существенное значение для разрешения дела и сама по себе относится к его фактической основе, при этом суд может прийти к выводу о наличии или отсутствии спорного факта не только при условии установления совокупности отношений между сторонами спора, но и при условии дачи им правовой оценки [12].

Вместе с тем сложившаяся в настоящее время судебная практика свидетельствует о несколько ином подходе. В частности, согласно Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ по делу № 307-АД18-976, часть 2 статьи 69 АПК РФ, посвященная как раз преюдиции, освобождает от доказывания фактических обстоятельств дела, однако не исключает при этом их различной правовой оценки, зависящей от характера конкретного спора². Аналогичная позиция сформулирована в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда РФ № 2045/04³.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 10.07.2018 по делу № 307-АД18-976. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 15.06.2004 № 2045/04. Доступ из СПС «Гарант».

Полагаем, что указанная правовая позиция при всей ее логичности и последовательности не охватывает всех возможных ситуаций, способных возникнуть на практике. Об этом свидетельствует, в частности, приведенный выше пример, касающийся факта правонарушения. Если суд в новом процессе принимает факт нарушения права как преюдициальный, то он соглашается и с его квалификацией. Аналогично, в случае признания преюдициальным факта заключения договора определенного вида (например, договора аренды), суд автоматически признает необходимость применения к данному договору соответствующих положений закона. Иными словами, признание некоторых фактов само по себе предполагает признание применимости к этим фактам конкретных норм права.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости разграничения случаев, когда суд должен принимать правовую позицию предыдущего суда, от случаев, когда суд свободен в правовых оценках преюдициальных фактов. Представляется, что для этого необходимо сформулировать на уровне законодательства и (или) правоприменительной практики определенные критерии для разграничения указанных случаев.

Полагаем, что основным критерием для такого разграничения должна выступать возможность установления факта без применения конкретной правовой нормы. К примеру, установление факта недействительности сделки неизбежно предполагает указание на основание ее недействительности, предусмотренное гражданским законодательством. Поэтому если суд в новом процессе принимает такой факт, как преюдициальный, он не вправе в своем решении руководствоваться положениями закона, касающимися действительных сделок.

В то же время, к примеру, факт нахождения лица в определенном месте и в определенное время сам по себе не требует применения правовой нормы для его установления. А значит, такой факт, будучи преюдициальным, никак не ограничит суд в применении правовых норм.

При этом могут быть выделены и иные критерии указанного разграничения, к примеру, характер связи между установленным

фактом и примененной судом правовой нормой, место примененного нормативного правового акта в общей иерархии таких актов и т. п. В любом случае, для более подробного формулирования указанных критериев требуется глубокое и всестороннее исследование правовой природы преюдиции в цивилистическом процессе.

Все вышесказанное заставляет также задуматься о соотношения единообразного применения судами правовых норм и преюдициальной силы судебных актов. И в этом контексте можно говорить о двух проявлениях указанного единообразия.

Первое из них предполагает единообразное применение норм права в разных процессах в отношении разных субъектов и фактов. Иными словами, речь здесь идет о способности судебной системы быть последовательной при разрешении однотипных споров, применяя одинаковые подходы и избегая противоречий в рамках правоприменительной практики. Применительно к преюдиции данный аспект единообразия судебной практики менее интересен, так как не предполагает какой-либо связи (содержательной, субъектной) между спорами.

Большой интерес представляет единообразное применение норм права к одному и тому же факту в разных процессах, что как раз напрямую связано с преюдициальностью как свойством судебных актов.

В этом отношении очевидна потребность в распространении преюдициальности судебных актов на их правовую квалификацию (но только с учетом критериев, раскрытых ранее в данной работе). Иначе будет сложно говорить о единообразии судебной практики, если даже в отношении одного и того же факта судами по нескольким делам правовые нормы будут применяться по-разному.

Заключение

Таким образом, преюдициальность как свойство судебных актов способна оказывать влияние на единообразное применение судами правовых норм в случаях, когда речь идет о правовой квалификации одного и того же факта в нескольких процессах.

При этом существует потребность в формулировании критериев для разграничения случаев, когда суд должен принимать правовую позицию предыдущего суда, от случаев, когда суд свободен в правовых оценках преюдициальных фактов. В качестве основного критерия для такого разграничения должна выступать возможность установления факта без применения конкретной правовой нормы.

Представляется, что указанный критерий должен быть закреплен и подробно раскрыт в процессуальном законодательстве, а также должен получить свое отражение в разъяснениях и практике Верховного суда РФ.

Список источников

1. Амосов С.М. К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 136-140.
2. Клеандров М.И. Научно-технический прогресс и проблемы правосудия // Государство и право. 2018. № 3. С. 14-27.
3. Андреева Т.К. О дополнительных механизмах обеспечения единообразия судебной арбитражной практики // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 72-75.
4. Крымский Д.И. Подходы к пониманию «единообразия» судебной практики по арбитражным делам: критический взгляд // Арбитражная практика. 2009. № 11. С. 51-58.
5. Тарасов И.Н. К вопросу о преюдициальной связи судебных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 41-45.
6. Сибилева Ю.Е. О современных научных подходах к понятию преюдиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 111-114.
7. Клинова Е.В. О преюдициальности судебного решения // Вестник Московского университета. 2003. № 6. С. 91-98.
8. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 270 с.
9. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2019. 240 с.
10. Ястребов В.М. Отдельные особенности унификации правил преюдиции в судопроизводстве // Sciences of Europe. 2020. № 50-5 (50). С. 49-53.

11. Мацкевич П.Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.
12. Орлова Е.П. Преюдициальность правовой оценки обстоятельств дела: проблемы теории и практики // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/01/31074> (дата обращения: 12.05.2021).

References

1. Amosov S.M. K voprosu o svobodnom pravosudii [To the question of free justice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2020, no. 10, pp. 136-140. (In Russian).
2. Kleandrov M.I. Nauchno-tehnicheskii progress i problemy pravosudiya [Scientific and technological progress and the problems of justice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2018, no. 3, pp. 14-27. (In Russian).
3. Andreyeva T.K. O dopolnitel'nykh mekhanizmax obespecheniya edinoobraziya sudebnoy arbitrazhnoy praktiki [On additional mechanisms for ensuring the uniformity of judicial arbitration practice]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2007, no. 7, pp. 72-75. (In Russian).
4. Krymskiy D.I. Podkhody k ponimaniyu «edinoobraziya» sudebnoy praktiki po arbitrazhnym delam: kriticheskiy vzglyad [Approaches to the understanding of “uniformity” of judicial practice in arbitration cases: a critical view]. *Arbitrazhnaya praktika* [Arbitration Practice], 2009, no. 11, pp. 51-58. (In Russian).
5. Tarasov I.N. K voprosu o preyuditsial'noy svyazi sudebnykh aktov [To a question on a prejudicial connection of judicial acts]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and Civil Process], 2018, no. 7, pp. 41-45. (In Russian).
6. Sibileva Y.E. O sovremennykh nauchnykh podkhodakh k ponyatiyu preyuditsii [On modern scientific approaches to the concept of prejudice]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 22. S. 111-114. (In Russian).
7. Klinova E.V. O preyuditsial'nosti sudebnogo resheniya [On the prejudicial nature of a judicial decision]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. 2003. № 6. S. 91-98. (In Russian).
8. Bezrukov A.M. *Preyuditsial'naya svyaz' sudebnykh aktov* [Prejudicial connection of judicial acts]. Moscow, VoltersKluver Publ., 2007, 270 p. (In Russian).
9. Byulov O. *Ucheniye o protsessual'nykh vozrazheniyakh i protsessual'nyye predposylki* [The Doctrine of Procedural Objections and Procedural Prerequisites]. Moscow, Statut Publ., 2019, 240 p. (In Russian).
10. Yastrebov V.M. Otdel'nyye osobennosti unifikatsii pravil preyuditsii v sudoproizvodstve [Certain features of unification of rules of prejudice in legal proceedings]. *Sciences of Europe*, 2020, no. 50-5 (50), pp. 49-53. (In Russian).
11. Matskevich P.N. *Preyuditsiya v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Prejudice in Civil and Administrative Legal Proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2020, 239 p. (In Russian).
12. Orlova E.P. Preyuditsial'nost' pravovoy otsenki obstoyatel'stv dela: problemy teorii i praktiki [Prejudiciality of legal assessment of the circumstances of a case: problems of theory and practice]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovations], 2014, no. 1. (In Russian). Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2014/01/31074> (accessed 12.05.2021).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ЮРИДИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО LEGAL COMMUNITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343(063)

DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252

Шифр научной специальности 5.1.4

Обзор круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права и процесса»

© **ВОРОБЬЕВА Светлана Викторовна,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0003-1059-2065](https://orcid.org/0000-0003-1059-2065), vorob-sveta@yandex.ru

© **КОКОРЕВ Владимир Геннадьевич,**

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, ORCID: [0000-0002-7647-7812](https://orcid.org/0000-0002-7647-7812), pochta735@mail.ru

Аннотация

Представлен обзор круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права и процесса», организованного кафедрой уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Участниками конференции стали судьи, адвокаты, а также преподаватели и студенты Института права и национальной безопасности Державинского университета. В обзоре освещено содержание работы круглого стола, проблемные аспекты, ставшие наиболее обсуждаемыми в рамках дискуссии тем докладчиков. В ходе выступлений были заслушаны доклады по таким проблемным вопросам, как состояние и перспективы правовой регламентации проведения предварительного расследования по уголовному делу; обеспечение адвокатами прав и свобод граждан при производстве по уголовному делу; критерии определения размеров компенсации морального вреда по гражданскому иску в уголовном процессе; особенности и основные проблемы осуществления правосудия по уголовным делам частного обвинения; проблемы применения меры пресечения «заключение под стражу»; проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья и формы и методы борьбы правоохранительных органов с киберпреступностью; криминологическая характеристика деятельности частных военных компаний; проблемы реализации целей уголовного наказания; генезис уголовной ответственности за экстремизм по уголовному законодательству России и многие другие.

Ключевые слова

уголовное право, уголовно-процессуальное право, предварительное расследование, проблемы квалификации, криминологическая характеристика, цели уголовного наказания

Для цитирования

Воробьева С.В., Кокорев В.Г. Обзор круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права и процесса» // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 242-252. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252)

ORIGINAL ARTICLE

DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252)

Overview of the round table “Current problems of criminal law and procedure”

© Svetlana V. VOROBYEVA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Procedure Department of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1059-2065](https://orcid.org/0000-0003-1059-2065), vorob-sveta@yandex.ru

© Vladimir G. KOKOREV,

Senior Lecturer of the Criminal Law and Procedure Department of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7647-7812](https://orcid.org/0000-0002-7647-7812), pochta735@mail.ru

Abstract

The overview of the round table “Current problems of criminal law and procedure”, organized by the Department of Criminal Law and Process of the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University, is presented. The round table held within the framework of the issues discussed outlined the current topical problems of criminal law and criminal procedure, judges, lawyers, as well as teachers and students of the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University became participants of the conference. The review highlights the content of the round table, the problematic aspects that have become the most discussed in the discussion of the speakers' topics. During the speeches, reports were heard on such problematic issues as the state and prospects of legal regulation of conducting a preliminary investigation in a criminal case; ensuring the rights and freedoms of citizens by lawyers in criminal proceedings; criteria for determining the amount of compensation for moral damage in a civil claim in criminal proceedings; features and main problems of the administration of justice in criminal cases of private charges; problems of applying the preventive measure “detention”; problems of qualification of crimes against life and health and forms and methods of struggle of law enforcement agencies in the fight against cybercrime; criminological characteristics of the activities of private military companies; problems of implementing the goals of criminal punishment; genesis of criminal responsibility for extremism under the criminal legislation of Russia and many others.

Keywords

criminal law, criminal procedure law, preliminary investigation, qualification problems, criminological characteristics, goals of criminal punishment

For citation

Vorobyeva S.V., Kokorev V.G. Obzor kruglogo stola “Aktual'nyye problemy ugolovnogo prava i protsessa” [Overview of the round table “Current problems of criminal law and procedure”]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 242-252. DOI [10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252](https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-242-252) (In Russian, Abstr. in Engl.)

15 апреля 2022 г. на базе кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Державинского

университета состоялся традиционный круглый стол, посвященный актуальным проблемам уголовного права и процесса с

участием представителей науки, включая молодых ученых, и практикующих юристов.

Открывая мероприятие, модератор С.В. Воробьева, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, заострила внимание на том, что уровень преступности в стране остается достаточно высоким, поэтому вопросы, обозначенные для обсуждения в программе круглого стола, должны получить широкое освещение, в силу чего участникам мероприятия было предложено выработать четкую позицию по профилактике и борьбе с обозначенными проблемами.

Слово для выступления было предоставлено Дмитрию Викторовичу Сысоеву, председателю Петровского районного суда Тамбовской области, который в своем докладе рассмотрел нынешнее состояние и перспективы правовой регламентации проведения предварительного расследования по уголовному делу. Научный доклад был посвящен характеристике правовых основ предварительного расследования, органов, проводящих предварительное расследование, а также дознанию и взаимодействию этих мер. Следует заметить, что данная тема все больше и больше становится актуальной. Повышенный интерес к данному комплексу действий, обобщенных как «предварительное расследование», вызван многочисленными пробелами, имеющимися в текущей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ. В связи с этим, как отметил докладчик, выбранная тема исследования, бесспорно, является актуальной, так как затрагивает события, непосредственно связанные с одним из главных личных прав, гарантированных Конституцией России: всеми законными способами установить истину, то есть собрать доказательства, осуществить уголовное преследование лица, совершившего преступление, привлечь его в качестве обвиняемого, исключить его уход от правосудия. Любые действия следователя в процессе проведения следственных мероприятий и в целом расследования могут быть проверены надзорными органами либо же руководителем следственного органа непосредственно. Как отметил докладчик, такая мера необходима, прежде всего, для того, чтобы контролировать законность действий следо-

вателя, получения им доказательств по делу, правильной организации следственных мероприятий. Для этой же цели и были четко прописаны все алгоритмы создания всех процессуальных документов, создаваемых в процессе предварительного следствия. Актуальность подтверждает и то, что до настоящего времени остаются несовершенными положения нормативных актов, регламентирующих вопросы организации проведения предварительного расследования. Несмотря на то, что в последние годы юристами, теоретиками и практиками было проведено значительное количество исследований, в том числе и на диссертационном уровне, посвященных изучению организации процесса, его систематизации и разграничению полномочий органов следствия и дознания, проблема действительна и по сей день. Следователю нельзя переступать законные интересы граждан, попирая их права в угоду следствию – он должен установить действительность, которая была на момент совершения преступления, именно поэтому у предварительного следствия есть все необходимые полномочия. Участники круглого стола, обсуждая этот вопрос, обратили внимание на необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях устранения выявленных проблем, в том числе в части усиления состязательности предварительного расследования, в частности, путем расширения процессуального права стороны защиты; установления четких оснований для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу; реформирования надзорного порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений и производства по вновь открывшимся обстоятельствам и других аспектов.

Активное участие в работе круглого стола принял адвокат адвокатского бюро «Селиверстов и партнеры» (г. Тамбов) Артем Викторович Воробьев, который обратил внимание на то, что соответствующие органы должны обеспечивать права граждан, участвующих в уголовном процессе, но механизм по охране прав субъектов уголовно-процессуального судопроизводства не всегда является достаточно эффективным. Практика часто отражает нарушение данных

прав, которые вызваны следственной или судебной ошибкой, а иногда и рядом злоупотреблений, допущенных органами, осуществляющими процессуальную деятельность. Докладчик отметил, что сегодня большая роль в процедуре обеспечения прав и свобод граждан при производстве по уголовному делу и соблюдении в ходе этого законов принадлежит адвокату, призванному оказать должный объем правовой помощи участникам уголовного судопроизводства.

Заместитель председателя Мичуринского городского суда Тамбовской области, Ирина Владимировна Гребенникова осветила вопрос о критериях определения размеров компенсации морального вреда по гражданскому иску в уголовном процессе. Докладчик отметила, что в настоящее время установление размеров компенсации морального вреда потерпевшему за совершенное в отношении него преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ, на самом деле, вызывает серьезные трудности. На основании статьи 42 УПК РФ пострадавшему лицу принадлежит право взыскивать моральный вред в рамках уголовного дела, в это же время предъявляется гражданский иск, рассматриваемый судом одновременно. Ирина Владимировна особо подчеркнула, что сумму ущерба Закон не ограничил, но суд вправе самостоятельно определить размер. Этот механизм возмещения морального вреда часто используется потерпевшими, но он имеет много особенностей. В силу чего докладчиком было предложено принять соответствующий нормативный правовой акт, прописывающий размеры компенсации морального вреда при совершении какого-либо преступления, что в целом упростит процесс взыскания компенсации данного вида вреда в уголовном производстве.

Константин Евгеньевич Торчилин, к.ю.н., мировой судья судебного участка № 1 г. Котовска Тамбовской области, представил доклад, касающийся особенностей и основных проблем осуществления правосудия по уголовным делам частного обвинения. К.Е. Торчилин отметил, что частное обвинение представляет собой одну из форм производства по уголовным делам, которое возбуждается только по жалобе потерпевшего (частного обвинителя) или его представи-

теля и наделяет правом выбора способа защиты нарушенных прав и законных интересов. Так, с учетом особенностей современного законодательного регулирования данной формы уголовного судопроизводства и складывающейся судебной практики нами предлагается совершенствование норм УПК РФ.

В своем выступлении в рамках круглого стола судья Мичуринского городского суда Тамбовской области Назар Львович Ильин раскрыл проблематику юридической регламентации статуса гражданского истца и гражданского ответчика в уголовном процессе. В частности, он подчеркнул, что уголовно-процессуальный статус гражданского истца и гражданского ответчика достаточно подробно регламентируется УПК РФ. Однако на доктринальном уровне часто встречаются мнения о необходимости совершенствования процессуального положения и статуса рассматриваемых нами лиц. При этом стороны должны быть надлежащими субъектами деликтного правоотношения, которое представляет собой одно из оснований проявления уголовно-процессуальных отношений.

Далее в работе круглого стола принял участие адвокат Коллегии адвокатов Чувашской Республики «ЗащитникЪ», преподаватель кафедры уголовного права и судопроизводства Чебоксарского кооперативного института (филиала) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» Иван Александрович Зайцев (г. Чебоксары). Иван Александрович в своем докладе осветил некоторые проблемы применения меры пресечения «заключение под стражу». В частности, он отметил следующее: «Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, предусмотренной законом, ограничивающей право граждан на свободу и личную неприкосновенность. В качестве оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществ-

ления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения. Так, в соответствии с частью 1 статьи 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения».

Дискуссию активно поддержал старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Владимир Геннадьевич Кокорев, который заострил внимание на том, что зачастую конкретных, фактических доказательств наличия предусмотренных статьей 97 УПК РФ оснований, а именно данных о том, что подозреваемый/обвиняемый, будучи под иной, более мягкой, мерой пресечения, может угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, скрыться от органов следствия и суда, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, суду органами предварительного расследования не представляется. Бывают случаи, когда таковых данных суду не представляется, но суд избирает меру пресечения в виде заключения под стражу фактически по причине подозрения/обвинения лица органами предварительного расследования в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом, согласно действующему законодательству, в частности Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»¹, указывается, что «одно лишь подозрение в преступлении не может являться основанием для избрания такой суровой меры пресечения, как заключение под стражу».

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 // Российская газета. 2013. 27 дек. № 294.

Нередко на практике привлекающимся к уголовной ответственности лицам по одному же уголовному делу при «общих равных» анкетных данных: отсутствие судимости, наличие социальных связей, положительных характеристик, признание вины, явки с повинной – суд избирает разные меры пресечения. При этом лицу, не имеющему регистрацию на территории субъекта, где проходит предварительное расследование, суд избирает заключение под стражу, тогда как иному фигуранту, имеющему регистрацию в данном субъекте, более мягкую меру пресечения. Однако в УПК РФ отсутствие регистрации не предусмотрено в качестве основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

А.В. Воробьев отметил, что, к сожалению, суды при избрании меры пресечения не принимают во внимание всех обстоятельств по материалу, в частности, что лицо ранее к уголовной ответственности не привлекалось. Докладчик обратил внимание на то, что о таких ошибках свидетельствуют, в том числе, постановления судов вышестоящих инстанций, которые изменяют или отменяют решения судов первой инстанции, избирая лицу иную, более мягкую, меру пресечения.

В продолжение работы круглого стола С.В. Воробьева предоставила слово Николаю Александровичу Шубину, студенту специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», который в докладе «Деятельность полиции по борьбе с интернет-преступностью» обозначил актуальность выбранной им проблемы, ее важное место в мировой практике борьбы с киберпреступностью.

Информационно-телекоммуникационные технологии, инновации в сфере IT активно внедряются в нашу жизнь уже несколько десятилетий, формируя наш образ жизни и глобальное пространство, взгляды на мир, наше мировоззрение и направление развития современного общества. Но развитие цивилизации омрачено появлением и распространением новых форм и способов совершения преступлений. Новые преступления отличаются особой изощренностью, так как основаны на техническом анализе и применении совершенно новых технологий, что позволяет им быть непредсказуемыми и сла-

бо раскрываемыми, так как они позволяют скрыть личность правонарушителя с помощью самых разных технологий. Преступник всегда остается в тени, оставаясь в то же время невидимым для следствия.

Особое внимание докладчик уделил вопросу о том, какие формы может принять правоохранительная деятельность, какой будет механизм взаимодействия правоохранительных органов с разными категориями киберпреступников и какие современные способы использует государство в борьбе с киберпреступностью. В обоснование справедливости своих слов докладчик привел мнение кандидата физико-математических наук, доцента Казанского юридического института МВД России О.Э. Згадзая: «На определенном этапе участие государства в отношениях, складывающиеся в среде Интернет, становится необходимым, и большинство норм должно отвечать реалиям завтрашнего дня. Возможности сети Интернет необходимо активно внедрять и в практику правоохранительных органов» [1, с. 15].

При обсуждении доклада участники круглого стола обозначили наиболее действенные методы и средства, которыми должны пользоваться правоохранительные органы в борьбе с киберпреступностью, выявлены задачи, стоящие перед МВД по обеспечению информационной безопасности общества. Также особому вниманию удостоился вопрос – почему лица, ставшие жертвой киберпреступности, редко обращаются в правоохранительные органы, была предложена схема профилактики кибермошенничества. Также докладчик рассмотрел вопрос о возможных путях совершенствования средств борьбы с киберпреступностью в условиях трансформации информационных технологий. В заключение своего выступления автор отметил, что он полностью разделяет идею о необходимости совершенствования законодательства о киберпреступности в целях защиты информационной среды и граждан, и высказал надежду, что, когда-нибудь усилия органов внутренних дел принесут ощутимые положительные изменения, а сама преступность будет постепенно искоренена. Докладчик ответил на вопросы участников круглого стола, раскрывающие такие аспекты, как виды информационных

преступлений, роль превентивных мер в информационной борьбе и некоторые другие аспекты.

Роман Александрович Маков, студент специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», подробно раскрыл исторические аспекты становления и современные проблемы Суда присяжных в Российской Федерации. Докладчик подчеркнул, что история зарождения и становления Суда присяжных в России имеет специфические черты. Р.А. Маков отметил принципы функционирования и правовой статус присяжных заседателей по законодательству Российской Федерации, определил права и обязанности, которыми обладают присяжные заседатели в ходе судебного разбирательства. Суду присяжных на данный момент присущи некоторые проблемы, но необходимость функционирования и дальнейшего развития Суда присяжных в Российской Федерации не оставляет сомнения. Докладчик осветил интересное мнение М.В. Немытиной: «Нынешний суд присяжных соединяет в себе черты, присущие одновременно отечественной дореволюционной процедуре и современному уголовно-процессуальному законодательству» [2, с. 123].

Студент специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Никита Вячеславович Виговский в докладе дал криминологическую характеристику деятельности частных военных компаний. Он отметил, что в наше время ЧВК играют немаловажную роль в вооруженных конфликтах и войнах. Так, кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права Российской академии наук А.В. Овчаров считает, что «анализ вооруженных конфликтов последних десятилетий показывает, что частные военные и охранные компании (ЧВОК), первоначально возникшие в экономической сфере деятельности для обеспечения безопасности при добыче полезных ископаемых, охраны различных перевозок и иных видов гражданской деятельности, все чаще начинают участвовать в полномасштабных военных и антитеррористических операциях, проводимых государственными органами» [3, с. 86]. Докладчик также отме-

тил, что главной проблемой выступает отсутствие должной правовой регламентации этих компаний. На международном уровне ЧВК регулируют лишь пару документов, которые в свою очередь имеют только рекомендательный характер. В России деятельность таких компаний противоречит УК РФ, поэтому в нашей стране до сих пор остается открытым вопрос о регулировании ЧВК. Для того чтобы ЧВК действовали на территории России и не противоречили законодательству, нужно определить цели создания таких структур, их задачи и полномочия. ЧВК имеют ряд недостатков. Чаще всего они мотивированы прибылью, а не чувством долга, любовью к Отечеству, данные структуры достаточно дорого обходятся государству и часто выходят из-под контроля, что может привести к созданию множества проблем. Поэтому государствам необходимо разработать четкую регламентацию деятельности ЧВК как внутри них, так и на международном уровне во время конфликтов и иных внешнеполитических мероприятий государств.

Студент специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Владислав Александрович Мишуков в своем выступлении дал характеристику преступности несовершеннолетних как составной части преступности в целом, но имеющей специфические особенности. Он отметил, что это позволяет рассмотреть ее в качестве особого объекта исследования. В настоящее время уровень культуры среди подростков крайне быстро падает, что приводит к моральному разложению молодежи, растет количество тяжких преступлений. На сегодняшний день состояние преступности среди подростков, состояние их здоровья требуют от учебных заведений и от правительства неотложных мер, которые должны реализовываться в самом ближайшем будущем. На данный момент основная задача состоит в том, чтобы снизить уровень преступности среди молодого поколения, не допустить разлагающее влияние несовершеннолетних преступников на своих сверстников и снизить уровень законности в государстве. Докладчик привел мнение кандидата юридических наук, начальника отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несо-

вершеннолетних отдела полиции № 1 Межмуниципального управления МВД России «Волгодонское» (г. Волгодонск) В.О. Миронova, отраженное им во многих исследованиях: «Система мер борьбы с преступностью несовершеннолетних основывается на мероприятиях общесоциального характера, которые должны обеспечить надлежащий уровень жизни, благосостояния, культуры, воспитания и образования граждан» [4, с. 50].

Валерия Викторовна Максимова, студентка специальности «Правоохранительная деятельность», рассмотрела в своем выступлении проблемы ответственности за хищение чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации. Ею было отмечено, что во всех исторических периодах собственность является сердцевинной, необходимым условием и качественным базисом способа производства. В той или иной форме она существовала в любом обществе. В России издревле имели место не только духовные (религиозные и культурные), но и уголовно-правовые запреты на совершение посягательства на собственность. Сегодня кража продолжает оставаться наиболее распространенным преступлением против собственности и исторически находится в авангарде структуры всей преступности. В.В. Максимова привела статистические сведения ГИАЦ МВД России: в 2017 г. было зарегистрировано 1161241 преступление против собственности, из них по статье 158 УК РФ – 788531, по статье 159 УК РФ – 202622; в 2018 г. – 1113367 преступлений, по статье 158 УК РФ – 756395, по статье 159 УК РФ «Мошенничество» – 192040; в 2019 г. – 1172290 преступлений, по статье 158 УК РФ – 774159, а по статье 159 УК РФ – 219021; в 2020 г. зарегистрировали 1220806 преступлений против собственности, из них на кражу приходится – 751243, на мошенничество – 291233, в 2021 г. зафиксировано 1149374 из них по статье 158 УК РФ – 516554, а по статье 159 УК РФ – 249822².

Докладчик отметила, что совершение мошенничества находится на втором месте (первое место занимает совершение кражи)

² Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/1/> (дата обращения: 15.03.2022).

среди преступлений, регистрируемых в рамках главы 21 УК РФ. Участниками мероприятия признано, что на число преступлений, посягающих на собственность, влияет неблагоприятная социально-экономическая ситуация в России.

В соответствии с примечанием 1 к статье 158 УК РФ под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Однако докладчик обратила внимание на то, что отечественный законодатель совершенствует ответственность за подобные преступления, устанавливая и административную преюдицию, в силу чего возникают правоприменительные проблемы применения норм УК РФ.

Далее слово было предоставлено Олесе Олеговне Зверевой, студентке специальности «Правоохранительная деятельность», с темой доклада «Особенности закрепления специального рецидива преступлений в уголовном законодательстве некоторых стран СНГ». О.О. Зверева высказала мнение о том, что в настоящее время российский законодатель достаточно активно отражает составы преступлений в которых отражен специальный рецидив преступлений. Подобный законодательный подход в УК РФ отражен в ряде составов преступлений, в частности:

- часть 5 статьи 131 «Изнасилование» и часть 5 статьи 132 «Насильственные действия сексуального характера» при условии, что виновное лицо совершает данные общественно опасные деяния в отношении лиц, не достигших возраста 14 лет;

- часть 2 статьи 204.1 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп», если лицо имеет судимость за данное преступление либо коммерческий подкуп (статья 204);

и т. д.

Современная трактовка УК РФ появилась с момента принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в

отношении несовершеннолетних». На основе проведенного исследования докладчик сделала вывод, что в каждой из стран СНГ проводится регламентация специального рецидива преступлений по-своему, с учетом проводимой национальной уголовной политики, (в УК Республики Беларусь – повторность, а в УК Азербайджанской Республики – неоднократность), а в некоторых и вовсе отсутствует, например, в Республике Казахстан.

Кристина Александровна Шлемова, студентка специальности «Правоохранительная деятельность», рассмотрела проблему вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Далее К.А. Шлемовой была дана подробная характеристика данного вопроса, она отметила, что объективная сторона преступления выражается в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Действия лица вовлекающего всегда конкретны, то есть предполагают внушение несовершеннолетнему мысли о необходимости совершения определенного преступления. В обоснование своих тезисов докладчик привела мнение кандидата юридических наук, доцента Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета В.Н. Жадана: «Понятие «вовлечение» характеризует побуждение, стремление привлечь к участию, действие, направленное на то, чтобы другой человек совместно с вовлекающим либо самостоятельно участвовал в совершении преступления. Таким образом, вовлекающий действует с прямым умыслом» [5, с. 42]. В части 1 статьи 150 УК РФ содержится открытый перечень способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. При этом среди ученых имеет место быть полемика, что следует считать вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления. Кроме того, это деяние может быть совершено путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Но каждый из способов опасен по-своему. Касательно признака «иной способ» вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в части 1 статьи 150 ведется дискуссия по его отражению в статье 150 УК РФ и его интерпретации в правоприменительной практике.

Таким образом, данный способ говорит и об открытости и неопределенности законодателя – какими еще способами преступник может вовлекать подростка в совершение уголовно-наказуемых деяний.

Карина Андреевна Воробьева и Гаврикова Анна Юрьевна, студентки специальности «Право и организация социального обеспечения», в предоставленном им слове выступили с докладом «Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность». Воробьева К.А. отметила, что, несмотря на совершенствование медицинских знаний, пациенты, имеющие тяжелые формы заболевания, не могут спастись поддерживающей терапией и приемом обезболивающих. Подобное состояние сказывается на человеке, его психическом здоровье, что, в свою очередь, приводит к расстройствам психики, суицидным наклонностям. Если больной уже принял для себя подобное решение, то надо найти законы, постановления и пояснения относительно данной тематики. В нашей стране, к сожалению, таких нормативно-правовых актов практически нет, а их содержание прямо запрещает проведение эвтаназии.

В докладе «Проблемы реализации целей уголовного наказания» студентка направления подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат) Полина Игоревна Гаврилова высказала мнение о том, что именно наказание и преследуемые им цели являются средством борьбы с преступностью, так как мера государственного принуждения выступает «рычагом», направленным на прерывание преступной деятельности виновного лица и применение к нему определенных ограничений. В зависимости от применяемого к осужденному вида наказания будут варьироваться и особенности реализации целей наказания.

В статье 43 Уголовного кодекса Российской Федерации представлены три цели наказания: 1) восстановление социальной справедливости, 2) исправление осужденного и 3) предупреждение совершения новых преступлений. Все названные цели характерны для всех видов уголовного наказания. Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации вызывают определенную обеспо-

коенность в контексте результативности цели предупреждения касательно рецидивной преступности. Однако, по словам докладчика, можно констатировать, что вопрос реализации целей наказания по предупреждению рецидива преступлений представляется риторическим, так как любой вид наказания и цели мер государственного принуждения являются только ориентиром для противодействия и предупреждения преступности.

Софья Львовна Булгакова, студентка специальности «Правоохранительная деятельность», детально исследовала проблему генезиса уголовной ответственности за экстремизм по уголовному законодательству России. В настоящее время принимается ряд законодательных актов, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности, в силу этого продолжается совершенствование отечественного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за данные преступления. В силу этого, как отметил докладчик, анализ исторического отечественного законодательства позволит проследить специфику противодействия данным видам деяния, а также определить историческую правопреемственность по особенностям закрепления их в уголовном праве в зависимости от политических, конфессиональных и иных общественных отношений, оказывающих влияние на регламентацию подобных норм в законодательстве. Докладчик сделала вывод, что преступления экстремистской направленности (в современном их понимании) были свойственны отечественному уголовному законодательству на протяжении нескольких столетий.

Анжелика Владимировна Моклакова, студентка специальности «Правоохранительная деятельность», осветила преступления против жизни и здоровья и проблемы их квалификации. Она заметила, что имеется проблема квалификации части 4 статьи 111 УК РФ и части 1 статьи 109 УК РФ, о чем свидетельствует приговор Тамбовского районного суда от 30 июля 2013 г. по делу № 1-83/2013³, в котором указывается, что П.

³ Приговор Тамбовского районного суда от 30.07.2013 по делу № 1-83/2013. URL: sudact.ru/regular/doc/qPJOLuH4TdbT/ (дата обращения: 15.03.2022).

вменяется нанесение только одного удара потерпевшему кулаком в правую часть головы, вывод стороны обвинения о том, что все телесные повреждения в виде кровоподтека на волосистой части головы слева, ушибленной раны на подбородке, субдуральной гематомы в средней черепной ямке слева, субарахноидального кровоизлияния, ушибов вещества головного мозга, квалифицированные как тяжкий вред здоровью, причинены его умышленными действиями, является необоснованным. Кроме того, подсудимому П. необоснованно вменено и умышленное причинение А.Д.В. переломов 4–5 ребер слева, с кровоизлиянием в мягкие ткани в области переломов, кровоподтеков на левом плече, а также в проекции правого и левого надколенников. Никаких доказательств, подтверждающих умышленное причинение П. потерпевшему А.Д. В. этих повреждений, стороной обвинения не представлено, а обвинение построено на предположениях. В соответствии со статьей 14 УПК РФ все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, толкуются в пользу обвиняемого, и обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Принимая во внимание, что умысел П. на причинение А.Д.В. тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности его смерть, не доказан, а виновность в нанесении удара в правую часть головы потерпевшего, от ко-

торого тот упал на порог дома и получил различные повреждения, нашла свое объективное подтверждение, его действия подлежат переквалификации на часть 1 статьи 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности. При этом следует подчеркнуть, что в судебной практике существуют проблемы квалификации действий виновного лица по статье 115 УК РФ, совершенных из хулиганских побуждений, о чем свидетельствует, например, Тамбовский гарнизонный военный суд от 4 апреля 2018 г. по делу № 1-6/2018 переквалифицировал с пункта «а» части 2 статьи 115 УК РФ на часть 1 статьи 115 УК РФ, так как в описательной части приговора деяние подсудимый совершил из хулиганских побуждений, в связи с чем оно было квалифицировано органами предварительного следствия по пункту «а» части 2 статьи 115 УК РФ.

Исходя из важности и необходимости обсуждаемых вопросов, необходима дальнейшая организация мониторинга правоприменительной практики и ее анализ по выявленным проблемам уголовного, уголовно-процессуального права и криминологии.

С.В. Воробьева пожелала всем участникам круглого стола дальнейших успехов в научных изысканиях по актуальным проблемам уголовного права и процесса, творческого вдохновения и предложила организовывать подобные мероприятия с участием практиков и молодых ученых на систематической основе.

Список источников

1. Згадзай О.Э. Предупреждение киберпреступности. Проблемы и решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 6. С. 12-17.
2. Немытина М.В. Российский суд присяжных. М.: БЕК, 1995. 218 с.
3. Овчаров А.В. Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3. С. 84-93.
4. Миронов В.О. Профилактика преступности несовершеннолетних // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. №. 5-6 (39-40). С. 48-51.
5. Жадан В.Н. О квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2 (19). С. 42-48.

References

1. Zgadzay O.E. Preduprezhdeniye kiberprestupnosti. Problemy i resheniya [Prevention of cybercrime. Problems and solutions]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2011, no. 6, pp. 12-17. (In Russian).
2. Nemytina M.V. *Rossiyskiy sud prislyazhnykh* [Russian Court of Jury]. Moscow, BEK Publ., 1995, 218 p. (In Russian).

3. Ovcharov A.V. Chastnyye voyennyye kompanii v Rossii [Private military companies in Russia]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation*, 2018, no. 3, pp. 84-93. (In Russian).
4. Mironov V.O. Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnikh [Prevention of juvenile delinquency]. *Novyy universitet. Seriya «Ekonomika i pravo»* [New University. Series “Economics and law”], 2014, no. 5-6 (39-40), pp. 48-51. (In Russian).
5. Zhadan V.N. O kvalifikatsii вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [On the qualification of involvement of a minor in a crime]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Monitoring of Law Enforcement], 2016, no. 2 (19), pp. 42-48. (In Russian).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication 27.05.2022

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

